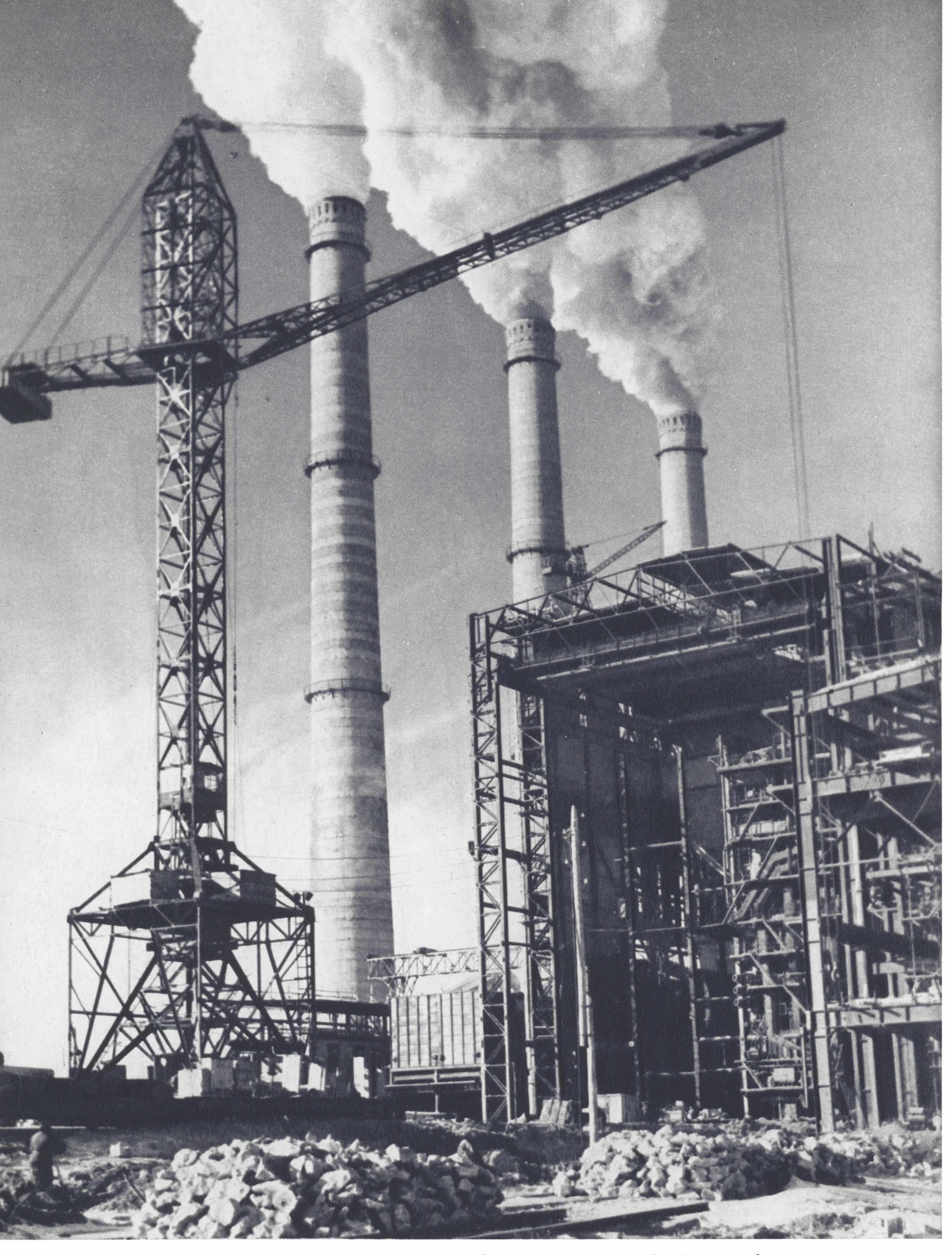

ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Строительство здания для четвертой турбины на Черепетской ГРЭС в Тульской области.

Фото Б. Кудоярова.

На первой странице обложки: Иордания. Улица в Иерусалиме.

Фото Н. Драчинского.

На последней странице обложки: Эту трудную иорданскую землю пашет крестьянин Хасан Махмуд Рахми из села Сельфид.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК № 22 (1563) 26 МАЯ 1957

35-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Год 1957-й — особенно знаменательный год для ленинградцев. Вместе со всей страной они идут к великой дате — 40-летию Октября — и готовятся отметить 250-летие своего славного города-героя.

В минувший понедельник на одном из мощных предприятий города, Кировском заводе, состоялся грандиозный митинг, посвященный этим датам. Двадцать тысяч кировцев собрались на заводском дворе перед трибуной, на которой среди рабочих предприятия, партийных и советских руководителей Ленинграда находился Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

Как единодушная воля всех собравшихся прозвучали над неоглядным морем людей слова участника штурма Зимнего дворца, старейшего кировца А. К. Мирошникова, сказавшего, что рабочие города Ленина все сделают для Родины, что они всегда вместе со своей родной Коммунистической партией.

С большой речью выступил товарищ Н. С. Хрущев. Овацией была встречена его здравица в честь революционного коллектива Кировского завода.

Фото Б. Уткина.

МЕРДЕКА!

А. СОФРОНОВ **Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Когда автомашины, сопровождающие президентов Ворошилова и Сукарно, подъезжали к Бандунгу, над городом загрохотал гром и темно-свинцовое небо пересекли кривые стрелы молний. Вдоль дороги стояли тысячи людей. Пошел крупный дождь, но люди стояли, протягивая руки к машинам, восторженно выкрикивая одно слово приветствия:

— Хидуп!

Я смотрел на эти смеющиеся, веселые лица и невольно думал о том, что же, собственно говоря, побуждает этих людей, живущих от нас по другую сторону земного шара, в тропиках, за экватором, так горячо встречать советских людей, встретив любого советского человека, тянуться к нему, открывать душу.

Не так давно президент Сукарно, отвечая на выпады империалистической прессы, обвинявшей его в том, что он насильно собирает людей на политические митинги, ответил: «Собрать людей насильно можно, но нельзя заставить их насильно улыбаться». Это изречение невольно вспомнилось нам при виде десятков тысяч радостно улыбавшихся людей, стоявших по щиколотку в воде под проливным дождем.

Вдруг как-то неожиданно над Бандунгом перекинулась радуга. Стоявшие на тротуаре девушки, увидев ее, подняли высоко руки и крикнули нам:

— Радуга — это вам!

Мы радовались вместе со всеми и этой встрече, и радуге, и самому, ставшему историческим городу Бандунгу, в котором всего лишь два года назад собрались государственные деятели Азии и Африки и провозгласили известные ныне принципы мира и дружбы между народами. Вся поездка товарища Ворошилова проходит под знаком мира и дружбы, под знаком Бандунга.

Два дня прожил Климент Ефремович в горном курортном городке Чипанасе. Гостеприимные хозяева специально запланировали двухдневный отдых в относительно прохладном месте, о котором нам говорили, что по ночам здесь даже одеялом укрываются. Но Климент Ефремович уже на другое утро предложил своим спутникам пройтись в соседнюю деревню. Он зашел в крестьянский домик, побеседовал с хозяевами, а выйдя от них, вдруг увидел, как кто-то из спутников нечаянно ступил на посев риса. Раздался возглас:

— Куда, куда, это же хлеб! Понимаете, хлеб!..

В день отъезда в Бандунг к дому, в котором жил Ворошилов, собрались крестьяне с подарками. На этот раз дарами были простые плоды крестьянского труда: на ковриках лежали бананы, редис, лук, тыквы, метелки риса, кокосовые орехи, початки кукурузы. Отдельно лежали изделия из соломы, дерева и бамбука.

Как видно, многие из собравшихся сюда крестьян и крестьянок прожили нелегкую жизнь; годы преждевременно сморщили их лица, но глаза были ясные, молодые и смелые.

Я разговорился с одним из крестьян — человеком, видимо, застенчивым. Звали его Макмур, что в переводе означает «Процветание». Я спросил, что он собирает со своей земли.

— Вот лук, бананы, рис, — сказал он, помолчав, — главное — рис.

— Хорошо ли вы сейчас живете?

— Свободно, — сказал Макмур лаконично, и по интонации я понял, что здесь ему и хорошо и свободно и что, возможно, будет еще лучше.

Это, пожалуй, было одно из самых коротких интервью, но, я бы сказал, чрезвычайно емкое.

После того как представитель крестьянского союза сказал, что они в Чипанасе будут молить бога о здоровье дорогого гостя, Климент Ефремович их сердечно поблагодарил.

— У вас здесь очень красивые места, и мы были рады прожить у вас два дня, но должен сказать, что люди у вас еще красивее местности: они честны, добры и трудолюбивы, как и все труженики земли.

И, видимо, вспомнив, как два дня назад его учил президент Сукарно, вытянул ладони, легко прикоснулся к ладоням чипанасских тружеников. Кто-то из крестьян предложил попробовать какую-то местную травку. Климент Ефремович надкусил стебелек, распробовал и сказал:

— На наш щавель похожа.

А потом была дорога в Бандунг мимо изумительно красивых мест, где тропические леса чередовались с рисовыми плантациями, а у дорог росли большие цветы, и женщины надели такие же яркие, как цветы, одежды. Запомнился большой холм, возле которого стояли груженные камнем автомашины. Здесь добывали камень, а на вершине холма четко врезанные в голубое небо развевались под ветром два флага: советский и индонезийский.

Не скоро забудутся гостеприимный Бандунг и слова президента Сукарно, сказанные им, едва он сошел с машины:

— Нас могут спросить, по какой причине жители города стоят с утра на улицах. Наш народ, жители Бандунга хотели выразить свою любовь и уважение к президенту Ворошилову и тем самым выразить свою любовь и уважение Советскому Союзу. Могут спросить, почему наш индонезийский народ любит Советский Союз. Потому что Советский Союз является другом Индонезии. Я могу твердо сказать, что моя поездка в Советский Союз укрепила дружбу между нашими народами, и я уверен, что приезд президента Ворошилова в Индонезию еще больше укрепит дружбу между нашими странами. Между Советским Союзом и Индонезией есть много общего. Я назову три положения, которые связывают наши страны: Советский Союз и Индонезия готовы насмерть стоять за свою независимость; Советский Союз и Индонезия — сторонники социальной справедливости в отношении к каждому человеку; Советский Союз и Индонезия настойчиво борются за мир.

Вечером накануне отъезда из Бандунга Климент Ефремович сказал президенту Сукарно:

— Прошу вас, не тревожьте жителей города для наших проводов, пусть люди спокойно отдыхают.

— Жители Бандунга еще раз хотят видеть президента Ворошилова, это их право, я здесь бессилен, — ответил Сукарно.

Утром мы проснулись от сотен детских голосов. Весело и вместе с тем деловито ребята торопились занять места на тротуарах, чтобы еще раз увидеть дедушку Ворошилова.

Все эти шумные мальчишки в коротеньких штанишках, в пестрых рубахах навыпуск, эти девочки в белых и очень ярких платьях — школьники. При колониальном режиме в Индонезии было лишь шесть процентов грамотных, а сейчас уже семьдесят.

Надолго запомнятся нам эти звонкие детские голоса на дорогах, эти восклицания, в которых и радость, и удивление, и это протяжное «а-а-а», встречающее и провожающее наши машины. В детях особенно чувствуется будущее этой мужественной страны. Всякий раз, когда мы слышали голос индонезийских детей, вспоминался Гимн Индонезии, написанный композитором Ваге Рудольф Супратманом еще в 1928 году и утвержденный в год образования республики.

По мере того, как продолжалась поездка К. Е. Ворошилова по стране, Индонезия открывала перед нами все новые и новые страницы жизни своего мужественного народа. Климент

На улицах Джакарты население приветствует К. Е. Ворошилова.

Ефремович восхищался мастерством древних строителей, которые в течение почти двухсот лет, от седьмого по девятый век нашей эры, сооружали буддийский храм-монумент Боробудур. В нем более пятисот скульптурных изображений Будды.

Обращаясь к президенту Сукарно, Климент Ефремович сказал:

— Если и раньше народ мог воздвигать такие монументальные сооружения, как же теперь, получив свободу, он сумеет работать!

Сукарно ответил:

— Раньше народом во многом повелевала религия, теперь таланты и мужество народа надо поставить на службу родине и государству.

— Этот старый храм, по существу, является памятником миллионам тружеников вашего народа, — заметил К. Е. Ворошилов, спускаясь по истертым каменным ступеням.

По дороге в город Суракарту, где предстояла ночевка, К. Е. Ворошилов и доктор Сукарно остановились в городке Салатиге. Город этот небольшой, тысяч двадцать пять жителей, но и здесь все подступы были забиты толпами людей. К площади, меньше всего рассчитанной на массовые митинги, стихийно стянулись десятки тысяч крестьян. В Салатиге был запланирован обед и двухчасовой отдых, но собравшиеся страстно хотели услышать выступление гостя. Доктор Сукарно обратился к Клименту Ефремовичу, не согласится ли он сказать несколько слов.

— С удовольствием, — ответил Ворошилов.

Президент и К. Е. Ворошилов поднялись на трибуну. Но здесь произошло непредвиденное. Из улиц, что лучами сходились к площади, прибывали все новые и новые толпы людей. Площадь стала тесной, вновь пришедшие напирали на стоящих впереди. Послышались крики, и уже один из американских журналистов, путешествующий со всем журналистским корпусом, не скрывая восторга, взобравшись на крышу автофургона, начал делать снимок за снимком. Вдруг в радиорупорах послышался голос президента Сукарно. Он пел песню, простую песню, содержание которой было такое:

Давно мы с вами не встречались
И вот снова встретились в Салатиге.

На площади стало тихо, на лицах появились улыбки. Сукарно попросил:

— Садитесь на землю, все садитесь на землю.

Словно волны, откатившиеся от берега, люди начали опускаться на землю. Я взглянул на автофургон: американского репортера на нем уже не было. Порядок, так быстро установленный на площади, его уже не интересовал. А доктор Сукарно говорил:

— Я хочу вам представить президента Ворошилова. Он приехал из далекой страны. Она очень далека от нас, тысячи километров отделяют Москву от Индонезии. Наши страны непохожи друг на друга. Индонезийцы смуглые, русские белее, русские говорят на своем языке, мы — на своем. Но между нашими народами существует духовное единство. Я был в Советском Союзе и знаю это. Почему приезд президента Ворошилова так хорошо принят нашим народом? Потому что президент Ворошилов представляет Советский Союз, а Советский Союз так же, как и наша Индонезия, против империализма и колониализма. Мы огромная сила. На конференции в Бандунге мы представляли миллиард шестьсот миллионов человек. С нами Советский Союз, с нами простые люди Германии, Италии, Америки, которые так же, как и мы, против колониализма. Если человечество объединится, пусть будет один, два, три, десять империализмов, все равно у них ничего не выйдет. Мы победим. Это говорит вам брат Карно.

Благодаря за встречу, обращаясь к молодежи, Климент Ефремович сказал:

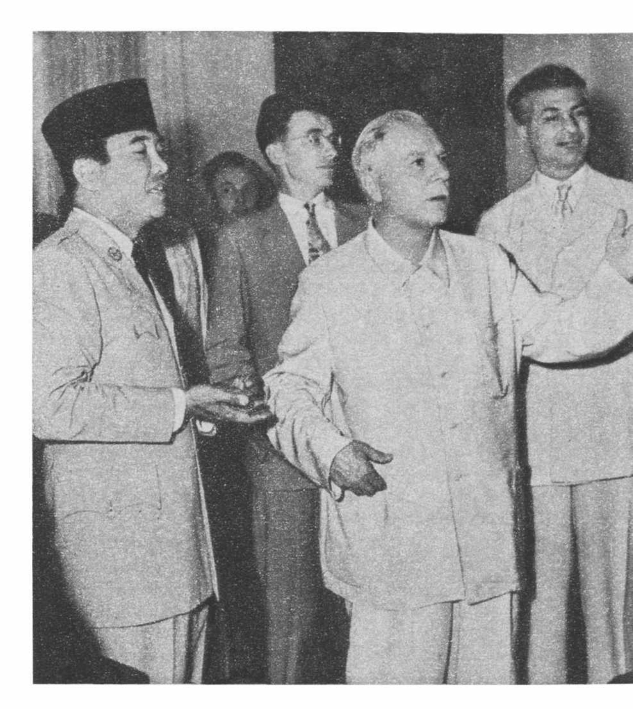
— Вы, молодые люди, творцы будущего, вы его постройте, и вы сами станете богами для будущих поколений.

Над площадью зазвучало как клятва святое слово «Мердека». Президент Сукарно подошел к микрофону и, взмахнув руками, запел Гимн Индонезии. Он дирижировал этим многотысячным хором-митингом, неожиданно возникшим на площади маленького индонезийского городка Салатига.

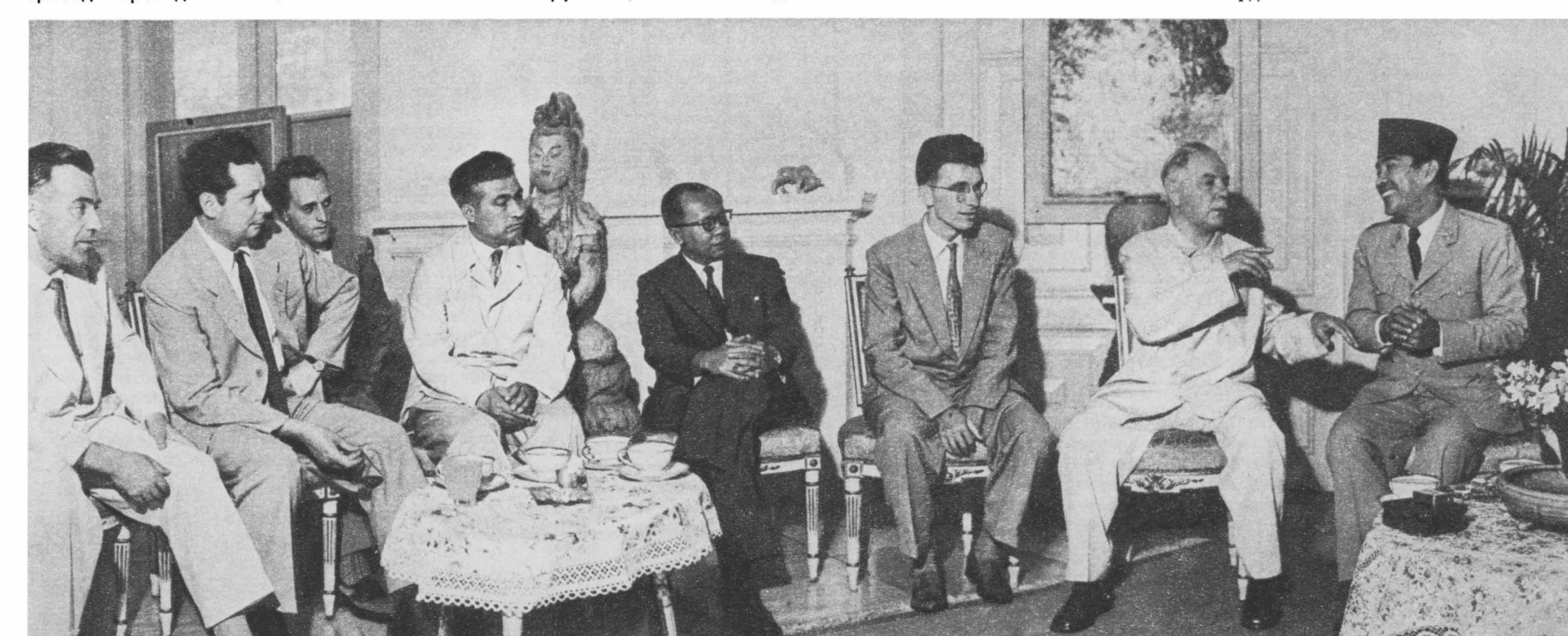
Из Суракарты предстоял полет на остров Бали. Город провожал гостей жгучим зноем и сердечными пожеланиями счастливой дороги. Самолеты взяли разбег и ушли в синее небо. Сразу стало прохладно. Мы летели на восток вдоль береговой линии острова Явы. Справа из окна виднелся голубовато-зеленый Индийский океан, слева — изумрудно-яркие долины, пересеченные желтовато-коричневыми изгибающимися реками. Несмотря на большую высоту, можно было различить посевы риса, окружающие маленькие домики. Самолет по-

Посещение Монумента независимости. Церемония возложения венка.

К. Е. Ворошилов осматривает картины во дворце Сукарно.

Во время визита К. Е. Ворошилова к Президенту Республики Индонезии Сукарно во дворец Мердека.

На концерте во дворце Мердека.

шел над Балийским проливом. Впереди показался расположенный у самого берега аэродром города Денпасара. Здесь немало рыбаков. Длинные черные сети пересекали воду пролива.

Остров Бали, кроме других достопримечательностей, заслуживающих более подробного описания, известен как родина изумительных по красоте и пластичности танцев. На траве аэродрома в легких красивых одеждах из золотистых тканей стояли рядами девушки, держа в руках широкие серебряные чаши. Рядом, в таких же ярких одеждах, расположились мужчины. У каждого в складках платья виднелась рукоятка меча. Неподалеку со своими помощниками стоял главный брамин острова Бали.

Мы подошли к одному из юношей, имевшему очень воинственный вид.

— Меня зовут Амбара, — застенчиво ответил он на наш вопрос.

— Вы студент?

— Нет, уже не студент. Я торговец.

— Владеете магазином?

— Что вы! Я служащий. Учение я уже закончил.

— А это? — спросили мы, указывая на меч.

— Это наша история. Наши традиции. Уважение к гостю, которого мы встречаем.

Нашу беседу слушал молодой мужчина с живым, острым взглядом. Он также держал в руках чашу, прикрытую крышкой. Мы познакомились и с ним. Оказалось, что он также закончил учение и теперь работает в одной из туристских организаций. Звали нашего собеседника Винидийа.

— Что в этой чаше? — поинтересовались мы.

Винидийа снял крышку, и мы увидели нежно-зеленые зерна риса и старые, позеленевшие монеты с отверстиями посредине.

— Этот подкрашенный рис и монеты, по нашему обычаю, бросают на дорогу в честь самых дорогих и уважаемых гостей. Хотите на память? — И он протянул нам по горстке риса и по монете.

Я подарил нашему новому знакомому значок Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Рассмотрев фигуру знаменитой группы, созданной В. Мухиной, он спросил:

— Кто эти люди?

— Рабочий и крестьянка.

— А-а, — сказал Винидийа понимающе. — Это главные люди. У нас тоже они становятся главными.

...Когда Ворошилов и Сукарно сошли с самолета, их сердечно приветствовали руководители города Денпасара. Ворошилов и Сукарно направились к зданию аэропорта, навстречу им вышли три девушки в национальных костюмах. Девушки опустились на колени и из серебряных чаш бросили к ногам Ворошилова и Сукарно несколько горстей разноцветных лепестков, затем полили лепестки благовонной жидкостью. Старший брамин нараспев произнес приветственную речь. Климент Ефремович стоял рядом с доктором Сукарно под большими, расшитыми золотом зонтами. Брамин окончил речь. Сукарно тронул Климента Ефремовича за рукав.

— Теперь можно идти.

...Жители острова Бали щедро знакомили со своими национальными танцами и обычаями. И когда накануне отлета Клименту Ефремовичу преподнесли старинный меч, все присутствовавшие на вечере поднялись. Принимая меч, Ворошилов сказал:

— Мы люди мирные, мы не хотим войны, но пусть этот меч будет знаком уважения наших народов друг к другу.

Когда мы подлетали к городу Сурабайе, на берегу Мадурского пролива мы увидели рыбачьи лодки. Каждая была с двумя парусами — маленьким на носу и большим на обычном месте, посредине лодки. На берегу пролива высились строительные леса вокруг возводимых высоких стен.

— Это строится цементный завод. Нам нужно много строить, — пояснил путешествовавший с нами индонезийский журналист.

Был очень жаркий день, казалось, что солнце выжгло все цвета, оставив только белый, — столько вокруг было белых одежд и белых, необычной формы фуражек на головах у юношей и девушек. Сурабайя была последним пунктом, в котором побывали К. Е. Ворошилов и президент Сукарно во время восьмидневной поездки по Яве.

Сурабайя — родина Сукарно. Вокруг города расположены крупные плантации сахарного тростника, риса, кофе, какао, табака. В городе немало фабрик и заводов. Здесь находится военно-морская академия, «Университет Эрланга» с тремя факультетами.

С первой же минуты пребывания в Сурабайе мы почувствовали удивительно сердечную атмосферу дружбы. Да это и понятно: Сурабайя встречала гостей из страны Великой Октябрьской революции. Ненависть к колонизаторам в Индонезии велика повсюду, но здесь, в Сурабайе, она получила особое выражение. Президент Сукарно заявил на митинге:

— Сурабайя является душой революции в Индонезии и местом взрыва революции. В двадцатых годах нашего столетия здешние моряки и железнодорожники — им честь и вечная слава — первыми подняли знамя революции. Здесь же, в Сурабайе, в 1945 году английские войска, пытавшиеся с налета захватить этот порт, получили жестокий отпор. Англичане подвергли город жестокой бомбардировке, но сопротивление не было сломлено. С тех пор десятое ноября считается Днем героев. В этот город, город героев, и приехали К. Е. Ворошилов и его спутники.

По дороге с аэродрома на площадь Свободы, где высится белый, устремленный в знойное небо обелиск, жители, встречавшие гостей на одном из перекрестков, услышали из остановившейся на мгновение машины звуки индонезийской песни «От запада до востока». Какие-то девушки заглянули в окно машины и увидели двух знакомых им общественных деятелей Сурабайи, но двое других были им неизвестны. Это были сопровождающие маршала Ворошилова В. П. Елютин и Н. Т. Федоренко. Пели все четверо.

Если бы можно было передать атмосферу простоты и дружбы, царившей на митинге в Сурабайе! Участники митинга заполнили огромную площадь, с одной стороны которой поднималась длинная железобетонная насыпь с мостом. На опорах моста были нарисованы акула и крокодил — их изображение включено в герб города Сурабайи.

Доктор Сукарно говорил:

— Мой друг президент Ворошилов не может очень долго пробыть в Индонезии и не может побывать всюду, во всех местах, которые мы бы хотели ему показать. Не хватало времени и на Сурабайю. Тогда я послал моему другу телеграмму в Пекин, в которой написал, что нельзя узнать Индонезию, не побывав в Сурабайе. И я немедленно получил ответ: «Согласен». И вот он здесь. У него седая голова, но душа у него молодая...

Сейчас, когда визит К. Е. Ворошилова в Индонезию уже закончен, можно с уверенностью сказать, что главным в этом визите было еще большее укрепление дружбы между народами Советского Союза и Индонезии. Как океанские волны, расходилась молва о поездке Ворошилова по островам этой густонаселенной страны. Докатилась она и на север Суматры, в крупнейший город этой части острова — Медан. На митинг в Медане съезжались жители самых далеких мест, ехали по двести — триста километров. Прибыли нефтяники, сельскохозяйственные рабочие с плантаций, еще принадлежащих голландцам. Все собрались на площади Свободы, десятки тысяч людей.

Как всегда, просто и сердечно выступал Сукарно. Он призывал жителей города, всех граждан Суматры к единству.

— У нас три тысячи островов, на которых живут наши люди, но мы едины, наша победа будет в строительстве. Для того, чтобы строить, мы должны быть едины, как едины советские народы. Вы не думайте, что в Советском Союзе только русские, там очень много национальностей: русские, украинцы, узбеки, азербайджанцы, другие народы. Они живут очень дружно. В этом их сила. Вот здесь среди других мой друг — Председатель Президиума Верховного Совета Узбекской республики Рашидов. И я прошу его подняться сюда. Посмотрите на него: он представляет узбекский народ.

Рашидов поднялся на трибуну. Сукарно положил ему руку на плечо и сказал:

— Смотрите, у него такой же цвет волос, как у нас.

...Идут последние часы нашего пребывания в Индонезии. Мы узнали и восхитились большой, сильной душой индонезийского народа, его добротой, смелостью и вместе с тем суровой решимостью бороться до конца за свободу Индонезии. Слово «Мердека» звучит здесь как клятва, как присяга, как призыв к борьбе. Индонезия вышла на широкий путь независимости. Верится, что великий индонезийский народ пройдет этот путь до конца и освободится от остатков колониализма.

В сердце каждого из нас навсегда остались дни радостных встреч с индонезийскими друзьями. Останутся пламенные и мудрые слова президента Сукарно, обращенные к народам Индонезии, его чуть хрипловатый голос, запевающий перед микрофоном на многолюдных митингах Гимн Индонезии или замечательную песню «От запада до востока» и, наконец, тысячеустый возглас: «Мердека!» — с взметенными вверх сжатыми кулаками.

Да, Мердека! Свобода! До конца и навсегда!

Джакарта. 18 мая.
По телеграфу.

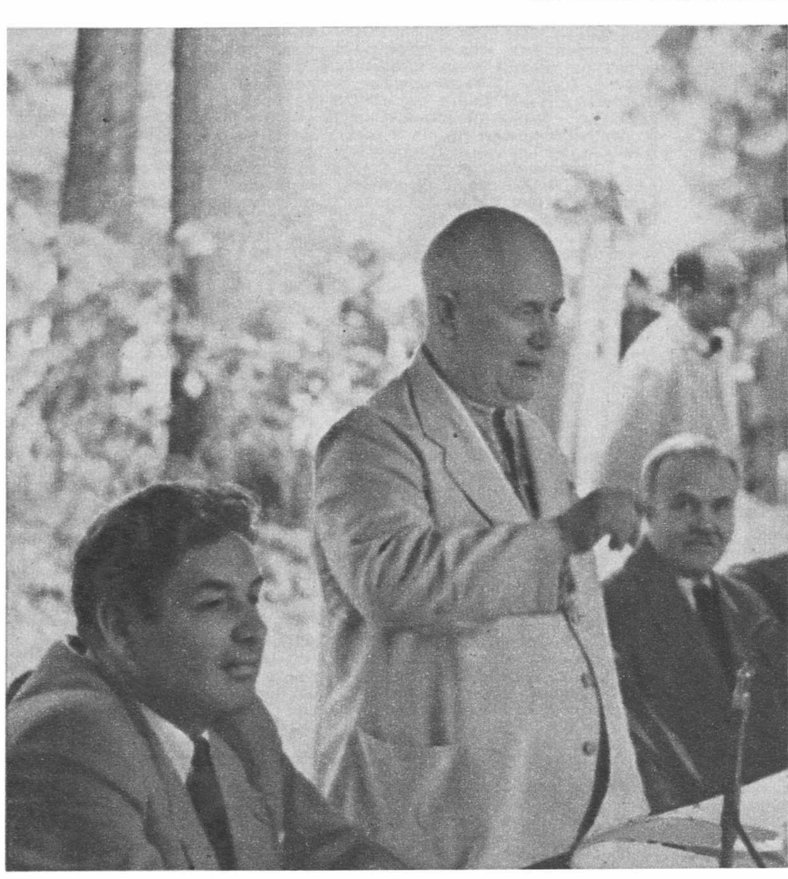
СЕРДЕЧНАЯ ВСТРЕЧА

19 мая в подмосковной местности на правительственной даче состоялась встреча руководителей Коммунистической партии и Советского правительства с писателями, художниками, скульпторами, композиторами.

Фото А. НОВИКОВА.

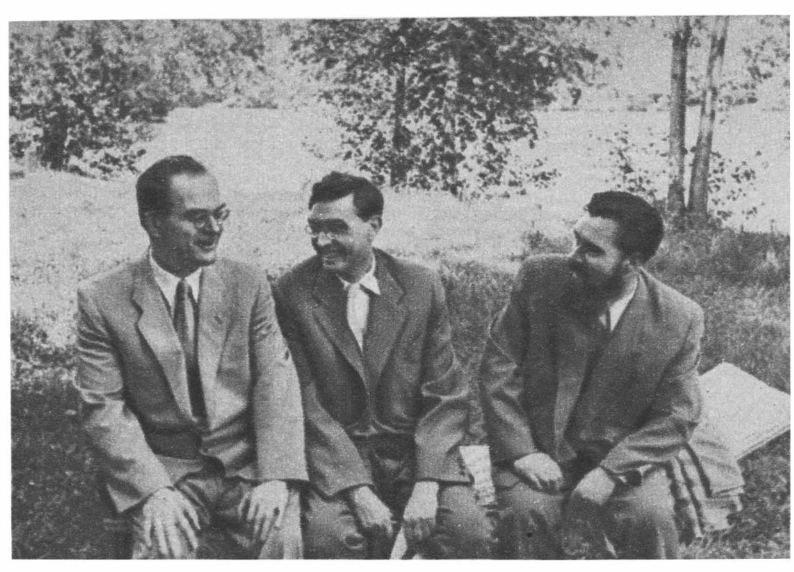
Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович и Г. М. Маленков беседуют с поэтом С. В. Михалковым и скульптором Е. В. Вучетичем.

Д. Т. Шепилов, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов во время обеда.

Н. А. Булганин и Г. М. Маленков беседуют с писателем Л. М. Леоновым.

М. Г. Первухин, М. А. Суслов и скульптор А. П. Кибальников.

А. И. Микоян и М. А. Шолохов с супругой.

В течение месяца в Советском Союзе по приглашению Отдела печати МИД СССР гостила делегация журналистов Польской Народной Республики во главе с редактором газеты «Трибуна работнича» товарищем Янюреком. Гости посетили Ленинград, Киев, Одессу, Тбилиси, Баку и ряд других городов, беседовали с руководящими государственными и общественными деятелями, побывали в редакциях центральных и местных газет.

15 мая делегацию принял Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев.

На снимке: Н. С. Хрущев беседует с польскими журналистами.

Фото А. Новикова.

ПИСАТЕЛИ ТАТАРИИ В МОСКВЕ

Гумер Баширович Баширов приехал в Москву задолго до открытия декады татарского искусства и литературы. Как депутат Верховного Совета СССР, он принимал участие в работе сессии, недавно проходившей в Кремлевском дворце. А затем начался пленум правления Союза писателей СССР. И председатель правления Союза писателей Татарии Гумер Баширов был занят писательскими делами.

Наконец, после хлопотливых дней, связанных с подготовкой к декаде, мы встретились в тихом, уютном номере гостиницы «Москва».

Разговор начался с декады искусства и литературы Татарии, впервые проводимой в Москве. На вопрос, кто из писателей сейчас в столице, Гумер Баширов отвечает:

— В гостях у москвичей почти все писатели Татарии: приехало около пятидесяти человек. Интерес к декаде велик; даже те писатели, кто напряженно работал над завершением своих произведений, отложили рукописи и поспешили купить билеты в Москву.

Мы ожидали, что в столице будет и наш бельгийский друг Андре Тиммерманс. Встреча с ним была бы для всех нас большой радостью. В тяжелое время он был рядом с замечательным человеком, поэтом-патриотом, лауреатом Ленинской премии Героем Советского Союза Мусой Джалилем. Но Тиммерманс, к сожалению, не смог получить отпуск на этот период. Мы ждем его в середине июня.

На декаду приехали писатели из других братских республик Советского Союза: Мухтар Ауэзов из Казахстана, Мустай Карим из Башкирии, Талвир из Чувашии и другие.

Что мы привезли?

Литературная часть декады довольно обширна. Мы привезли большую литературную выставку. Это книги наших писателей, выпущенные издательствами Татарии и других республик. Перед тем как ехать в Москву, мы много спорили о том, что взять с собой. Хотелось показать лучшее. За последние годы в республике издано много новых книг, появились новые имена прозаиков, поэтов и драматургов. Гариф Ахунов впервые стал выступать в журналах и газетах в 1954 году. Он написал интересную повесть «Юность», ряд рассказов и очерков. Ему принадлежат литературоведческие работы по вопросам современной татарской литературы. Интересна биография молодого писателя. Его отец был убит кулаками в годы коллективизации. Гариф рос в деревне, работал в колхозе. В годы войны юноша стал бригадиром одной из колхозных бригад. Только после войны он закончил школу, а затем поступил в университет. Сейчас он вот уже более года живет вместе с рабочими-нефтяниками, собирая материал для новой книги.

Совместно с московскими писателями мы обсудим повесть «Болотный цветок» и рассказы Амирхана Еникеева, повесть Фатыха Хусни «Любовь под звездами», которая посвящена молодой сельской интеллигенции.

В Казани к декаде выпущено — я имею в виду художественные произведения — 135 книг. Много книг на русском языке выпустили и московские издательства. Мне хочется прежде всего отметить новый роман Ибрагима Гази «Обыкновенный человек» — о труде нефтяников Татарии.

Закончил свой большой роман «Уразметовы» А. Абсалямов. Это книга о современном рабочем классе и интеллигенции Казани. Завершил работу над новым романом «Зима пройдет» А. Расих. Он повествует о жизни колхозной деревни в последние годы. Писатель Мирсай Амир выпустил первую часть большого романа «Люди из Ялантау».

Почему я все время говорю о прозе? Сейчас в татарской литературе главенствующее положение занимает проза. Наши поэты несколько отстают.

Над чем я работаю?

Мои личные планы несколько нарушены тем, что я не успел закончить свой давно начатый роман о молодежи нефтяных районов Татарии. Люди, о которых я пишу, — мои друзья на протяжении многих лет. Вчерашние колхозники становятся рабочими в связи с экономической перестройкой многих районов республики. Думаю, что закончу роман к концу нынешнего года.

Г. ЕРЕТНОВ

Мы твердо надеемся на советский народ

Недавно в Москве гостила большая группа немецких борцов за мир, прибывших в советскую столицу с «поездом мира».

Участница «поезда мира» западногерманская католическая писательница Криста Томас — активный деятель Немецкого комитета борцов за мир ФРГ. Ее перу принадлежит множество художественных биографий католических общественных деятелей. Криста Томас написала среди других и биографию Ганса Вельфе, которого гитлеровцы впоследствии обезглавили, обвинив в «разложении армии». Естественно, что при фашистском режиме писательница была лишена возможности заниматься литературной деятельностью и печататься.

— Случайно полученное мною тогда небольшое наследство было для меня единственным источником существования, и я кое-как удержалась на поверхности до того времени, когда был свергнут гитлеровский режим,— рассказывает писательница в беседе с корреспондентом «Огонька».— Но и теперь,— продолжает она,— когда всю сохранившуюся во мне энергию я направила на дело борьбы за мир, мой жизненный путь далеко не усеян розами.

«Вы за или против ремилитаризации Германии? Да или нет?»— так гласила формула народного опроса, одним из инициаторов которого в Западной Германии была Криста Томас. Правящие круги ФРГ, стараясь сорвать этот опрос, обвинили его организаторов в том, что они якобы «подкуплены Социалистической единой партией Германии».

— Тогда, — рассказывает Криста Томас,— я публично заявила, что это ложь.

Результаты смелого выступления писательницы не замедлили сказаться: в сентябре 1955 года в Дюссельдорфе, где она постоянно проживает, состоялся процесс над Кристой Томас по обвинению в «государственной измене», в «руководстве преступной организацией», в «дискриминации правительства».

Этот процесс вызвал резкое возмущение в широких кругах западногерманской общественности и в ряде европейских стран. В Париже был создан международный комитет юристов, который разоблачил несостоятельность процесса с юридических и общественных позиций. Под давлением общественного мнения Криста Томас была тогда оправдана.

— Но ровно через год,— говорит она,— верховный суд в Карлсруэ постановил пересмотреть дело и снова предъявил мне те же обвинения, которые фигурировали на суде в Дюссельдорфе. Очень характерная деталь: председатель суда, вынесшего мне ранее оправдательный вердикт, ныне понижен в должности. Правда, и на этот раз, убоявшись общественного мнения и зная, что в родном городе у меня много друзей, из Карлсруэ передали мое дело на вторичное рассмотрение в суд города Дортмунда.

Но я по-прежнему твердо убеждена в правоте моей позиции. В прочном мире нуждаются сейчас люди всего земного шара,— говорит Криста Томас.— Посещение вашей страны, наши многочисленные встречи с советскими людьми вселяют в нас уверенность и надежду. В нашей общей борьбе за мирное сосуществование всех народов мы можем твердо полагаться на великий советский народ.

В заключение беседы мы просим писательницу Кристу Томас высказаться по поводу неслыханного оскорбления, которое нанес на днях министр иностранных дел ФРГ фон Брентано памяти знаменитого немецкого писателя Бертольда Брехта, позволив себе сравнить его с гитлеровским борзописцем Хорстом Весселем.

— Я уважаю Бертольда Брехта как крупнейшего поэта современности,— так ответила Криста Томас на этот вопрос.

Группа немецких туристов с «поезда мира» в редакции журнала «Огонек».

Гастроли венгерского цирка

Как добрых, старых друзей москвичи встречают артистов цирка Венгерской Народной Республики, приехавших на гастроли.

Воздушные гимнасты Шимон полюбились нам уже в прошлом году, когда смело и с уверенностью, свидетельствующей о совершенном мастерстве, выполняли свои трюки на трапеции под самым куполом цирка. Вот артист, став головой на трапецию, жонглирует ногами, подбрасывая большую тумбу. Раскачиваясь на трапеции, моментами, кажется, касающейся купола, Шимон все это выполняет без рисовки и подчеркивания опасности, не пользуясь предохраняющей лонжей! Зато сильно волнуются зрители. И когда артист с партнершей спускаются на манеж, у всех вырывается вздох облегчения и долго длится овация.

Хорошо работает и другая пара воздушных гимнастов, Херготти, демонстрируя отличную школу.

Больших похвал заслуживают жокеи Пикард, исполняющие сложный акробатический номер на четырех вышколенных конях. Среди группы жокеев своей замечательной работой выделяются два комика. В прошлом году теплая встреча была оказана комику-жонглеру Газдаг. Он еще усложнил свой номер, ввел ряд новых трюков и снова по заслугам пользуется большим успехом. Ловкость, силу и выдержку показывают балансеры Чимберлей; очень эффектны прыжки и сальто на батуде артистов Лантош; отлично работают Варади — акробаты на подкидной доске — и эквилибристы Карлос.

Много забавных номеров, один другого сложнее, показывают комики-каскадеры Барци. В хорошем темпе проходят выступления акробатов-вольтижеров Сильвинг: словно играя и шутя, два артиста перебрасывают с рук на руки свою партнершу.

Искусство клоунады в этом интересном представлении демонстрируют любимцы будапештских зрителей — комики Штефи и Борош. Привлекают их мягкий юмор, выразительная мимика, находчивость. Штефи и Борош хорошо заполняют паузы, исполняя веселые интермедии и сценки. Смех не смолкает ни на минуту, когда эти талантливые артисты находятся на манеже.

Гастроли артистов венгерского цирка в Москве — приятное событие нынешнего летнего сезона.

Мих. ДОЛГОПОЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФАМИЛИИ

Василий ТИТОВ

С Владимиром Михайловичем Дмитриевым, начальником ОТК московского завода имени Владимира Ильича, что у Серпуховской заставы, и фрезеровщиком 25-го цеха того же завода Иваном Ивановичем Сусаниным я встретился сразу же после VII сессии Верховного Совета СССР. Встретился запросто, в скверике возле завода, где над молодыми липами и тополями возвышается такой простой, но вместе с тем и такой величавый монумент — памятник Владимиру Ильичу Ленину.

Дмитриев и Сусанин спорили.

— Так, так... — говорил Дмитриев. — Жалуешься, что личное клеймо тогда запретили? Понимаю: обидно и до слез, может быть, досадно. Так это же не ОТК наложило на твое личное клеймо запрет. Инструкция была. А вот теперь правильно ставится вопрос о возвращении рабочим личных клейм и о сокращении контрольного аппарата на заводах. Ты помнишь, у нас целые цехи и целые группы рабочих работали тогда без специального контроля. Помнишь, на самоконтроле был весь модельный цех. В одном из цехов сразу работало 22 станочника на самоконтроле. Личное клеймо не только у тебя было, у многих токарей и фрезеровщиков. Но вот неправильно поняли тогда это замечательное движение. Оно воспитывало чувство ответственности за свою продукцию, за свое доброе имя.

— Помню, — заговорил Сусанин, — когда мне сообщили про запрещение личных клейм, я почувствовал, будто у меня фамилию отобрали, словно оскорбили меня. Следующим утром профрезеровал я сколько-то валов для электромоторов, замерил работу, хотел поставить клеймо и вспомнил. Не имею права! Обидно было! Стою над своей работой с клеймом, а будто бы бесфамильный.

— Ну, да ладно, — заметил Дмитриев, — давай лучше поговорим, что теперь надо делать.

Пользуясь знакомством с Владимиром Михайловичем — когда-то мне довелось работать с ним на этом же самом заводе, — я подсел поближе.

— Что делать? — спросил Иван Иванович. И ответил: — Прежде всего выявить всех, кто работает без брака. Вот скажу: у нас в двадцать пятом цехе работали тогда три фрезеровщика. Все три имели свои клейма. Сейчас, кроме них, без брака работает токарь-скоростник Виктор Комаров, токари Якунин, Щеглов, Курцев. Вот уже семь рабочих не нуждаются в опеке. Это только на первую память. А поскреби получше — наберется немало. У нас в цехе шесть контролеров, седьмой — контрольный мастер. Что о них скажу? Часто ходят по цеху и ищут себе работы. Ведь хорошо знают, что бракованной продукции не сдашь. Вот и выходит, что ищут брак, чтоб себя оправдать. Если бы они умели брак предупреждать! А то они его только регистрируют, когда где случится. А это может делать и мастер.

— Как ты говоришь?

— А это, говорю, может и должен выявить мастер. Ведь брак-то случается всегда у менее квалифицированного рабочего. Вот тут и повышается роль и ответственность мастера.

— Золотые слова говоришь! — заметил Дмитриев. — Скорее нам нужен контроль за мастером, чем поголовная опека всех рабочих всеобъемлющим контролем. Мастер и инспекторский, как бы на выбор, проверочный контроль.

И мы заговорили о роли мастера на производстве.

— Вспомните, — заговорил Дмитриев, обращаясь ко мне, — много ли было на нашем заводе контролеров лет двадцать пять, двадцать шесть назад? С десяток на весь завод, не более! Говорят, завод вырос. Вырос! Но не настолько, чтобы содержать двести семнадцать контролеров да более сорока контрольных мастеров и начальников. Говорят, тогда работали кадровые рабочие, квалифицированные умельцы. То верно. Но и то верно, что тогда за все нес ответственность мастер. И за продукцию и за квалификацию рабочего. Прямо скажем, плохого рабочего он имел право и не держать. А ошибающегося и недостаточно умелого он учил. Обязан был учить! Сейчас эта традиция как-то забыта, да и мастеров завалили ненужной отчетностью и канцелярской работой. Нужно воскресить проверенную, но забытую традицию воспитания кадров мастерами. Тем более, что сейчас у мастеров есть такие преимущества, каких у прежних мастеров не было. Например, мастерский премиальный фонд.

И мы заговорили о знакомых мастерах. Вспомнили старого, кадрового, прославленного мастера-ильичевца Федорова, у которого вся верхняя токарная, работавшая даже и мерительный инструмент, от скоб до калибровых колец и пробок, не допускала брака.

— А вспомните: контролеров там всего был только один Филя. Он же был и учетчик и раздатчик работы. Держал всю мастерскую мастер, а не контролеры. Брак не регистрировали, а не допускали его. Действовали учебой.

Вспомнили мы мастера Буданова, что умел вести большой коллектив цеха, и брак тогда считался «чрезвычайным происшествием». И, вспомнив, вывели: неусыпной заботой о квалификации рабочих, личной учебой добился этого тогда Буданов. Раз случай был. Делали первые сверлильные станки на заводе. Приходит кто-то из новеньких со сборки станков и говорит: «Шпиндели не годятся, должно быть, сделаны с припуском, в гнездо не входят». «Кто делал шпиндели?» — спрашивает Буданов. «Токарь Лукич». «Ошибки быть не может, — говорит мастер. — Ищите ошибку в гнезде, а не в шпинделях». Проверили. И верно, не в шпинделях ошибка, а в гнезде. Ведь вот насколько был уверен в квалификации своих рабочих мастер.

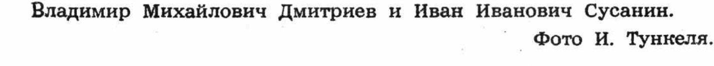
— Я и говорю, — вставил Иван Иванович, — что личное клеймо — это квалификация рабочего, которую мастер обязан дать ему. Тогда вопрос с контролерами сам по себе отомрет. Останется только инспекция, надзор, а не опека. Ежели мастер воспитывает в тебе честь безупречного рабочего, всякая формальная опека для такого человека будет обидой и оскорблением. Кто вложит душу в труд свой, тот не подведет и товарищей на сборке. Ежели валы для электромоторов с браком сдам, сразу по клейму моему увидят, а по клейму и до фамилии моей дойдут и бесчестие мое обнаружат. Кто же пойдет-то на это?

— Ладно, — сказал Дмитриев, взглянув на ручные часы. — Пора, кажется, в цех. Клеймо-то ты сохранил?

— А как же! — засмеялся Сусанин. — Вот оно, с вечера еще в кармане таскаю. Хранил дома в столе. От жены да ребят и то запирал.

— Дай-ка его! Ишь ты! Забыл, как они и выглядят-то, личные клейма. Ну, возвращаю тебе твою фамилию. Ставь на своих валах. С мастером обсудим. Да и вообще этот вопрос обсудим. Дело нелегкое, а разворачивать его надо.

Дмитриев и Сусанин пошли на завод.

Владимир Михайлович Дмитриев и Иван Иванович Сусанин.
Фото И. Тункеля.

НА ВОСЬМИДЕСЯТИ ЯЗЫКАХ

Зал полон народу. Идет драма В. Гюго «Эрнани» на родном языке драматурга. Французские артисты приехали в Москву? Нет, это Всесоюзная государственная библиотека иностранной литературы проводит вечер, посвященный 125-летию первого представления «Эрнани». И на сцене и в зале — читатели и сотрудники библиотеки.

Такие вечера не редкость. Часто устраивает библиотека встречи с иностранными писателями, режиссерами, общественными деятелями, приезжающими в Москву.

Был гостем библиотеки и Кришан Чандар. Он рассказал читателям о современной литературе Индии, о своей работе. Встреча эта происходила, как и все другие, на родном языке гостя, без переводчика.

Библиотека сама «готовила» своих читателей. С первого года, когда она была открыта, ее сотрудники вышли с иностранной книгой на заводы. В парках культуры и при крупнейших предприятиях столицы были созданы кружки для изучения иностранных языков.

В первые годы читателей насчитывались единицы, а теперь их 30 тысяч! Сейчас библиотека имеет 2 миллиона книг на 80 языках мира. Одних журналов выписывается до 4 500 названий.

В основном библиотека собирает новую литературу, но есть в ней и уникальные коллекции: прижизненные издания Эразма Роттердамского, Бокаччо, Петрарки, Ньютона, Вольтера, Дидро, Лессинга. Большую ценность представляет коллекция произведений классиков мировой литературы. Среди них — 6 тысяч томов собраний сочинений Шекспира на многих языках и монографий о нем.

Отдел зарубежного искусства включает более 50 тысяч томов.

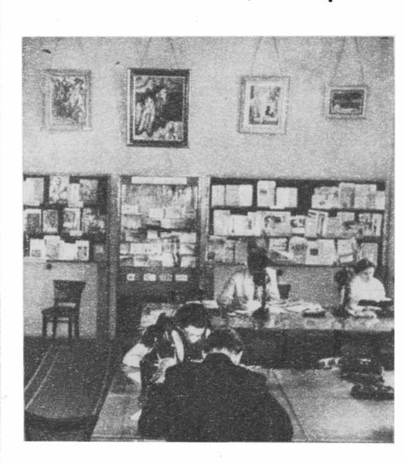
За последние десять лет собран богатейший фонд литературы по математике, химии, физике, теоретической механике, биологии, сельскому хозяйству.

Библиотека тесно связана со многими иностранными университетами, библиотеками, музеями. Бережно хранятся подарки друзей: Анри Барбюса, Жана Ришара Блока, Зденека Неедлы, Клары Цеткин.

Библиотека издает указатели научных статей в иностранных журналах, сводные бюллетени и каталоги новых книг, био-библиографические указатели, посвященные иностранным писателям. К 40-летию Советской власти предполагается издание библиографий «Горький на иностранных языках», «Переводы советских писателей за сорок лет», типового каталога «Лучшие произведения иностранной литературы».

Сейчас фонды библиотеки находятся в пяти зданиях. К 1959 году должно быть готово новое здание. В нем будут книгохранилище на 5 миллионов книг, 12 читальных залов, большой лекторий, конференц-зал, выставочные помещения. А ведь всего 35 лет назад бессменный директор библиотеки Маргарита Ивановна Рудомино, тогда совсем юная девушка, прикрепила кнопками к дверям маленькой квартирки в тихом арбатском переулке написанное от руки объявление: «Неофилологическая библиотека». Штат этой библиотеки состоял тогда всего из двух человек, а все книги умещались на одной полке...

В. БЕЛЕЦКАЯ

В читальном зале библиотеки иностранной литературы.
Фото Р. Лихач.

Четвертая песня

Яков **БЕЛИНСКИЙ**

Три могучие песни Сибири
За грядою уральских громад.
Было три, а сегодня четыре.
Все четыре басово гремят.

Песня первая... Старью былинной
Разливается плес голосов;
О Сибири поют соболиной
Старожилы таежных лесов.

И вторая — певучие звуки,
Словно в ней колоколец литой...
Золотые речные излуки
О Сибири поют золотой.

Песня третья... Дыханием шири
Эта песня тебя обдает...
Третью песнь о пшеничной Сибири,
Наклонившись, пшеница поет...

И, как лучшая сердцу награда,
Над уступами горных пород
Гидростанции новой громада,
Как четвертая песня, встает!

ХУДОЖНИК - ГРАЖДАНИН

Член-корреспондент Академии художеств СССР
В. В. МЕШКОВ

Восьмого июня (27 мая) исполняется 120 лет со дня рождения И. Н. Крамского. Самый замечательный, самый яркий период в истории развития русского искусства связан с именем Крамского. Инициатор и вдохновитель широко известного «академического бунта», организатор артели, а затем Товарищества передвижных художественных выставок, Крамской был не только одним из самых талантливых русских художников своего времени, но и крупным теоретиком искусства.

Замечательно творческое наследие Крамского. Особую ценность представляет созданная художником галерея портретов выдающихся современников. Здесь Толстой и Салтыков-Щедрин, Некрасов и Григорович, Шишкин и Репин, Антокольский и Верещагин и многие, многие другие.

К 1877 году относятся два портрета Некрасова. Один из них воспроизведен в этом номере журнала, на втором изображен Некрасов во время болезни. Даже приговоренный к смерти, поэт не оставлял своей работы, дописывал свои последние песни. Творчество, воплощение задуманного, высокий долг поэта-гражданина сильнее страданий, сильнее смерти.

Показывая исхудавшего, измученного болезнью Некрасова, И. Крамской говорит прежде всего о его пламенной душе, об огромной духовной силе. Этот портрет перерастает рамки обычного портрета — его можно назвать портретом-картиной.

Крамской был влюблен в творчество Некрасова, в его светлый образ. В письме к Третьякову 11 апреля 1877 года художник пишет, что он изобразил Некрасова на постели в тот момент, когда он пишет стихи: «...а какие стихи его последние, самая последняя песня 3 марта «Баюшки-баю»! Просто, решительно одно из величайших произведений русской поэзии!».

Глядя на одну из поздних картин Крамского, «Лунная ночь», мы вспоминаем другую, «Русалки». Сюжет «Русалок» был взят из повести Гоголя «Майская ночь». Картина была написана летом 1871 года на Украине, куда Крамской поехал повидаться со своим любимым другом, художником Ф. Васильевым.

Поэзия тихой украинской ночи, чудесная повесть Гоголя вдохновили Крамского на создание этого произведения.

Первая передвижная выставка была открыта 21 ноября 1871 года в здании Академии художеств в Петербурге. Весной 1872 года ее увидели в Москве, а потом — в Киеве. И в Петербурге, и в Москве, и в Киеве зрители восхищались картиной Крамского.

В своем письме к Васильеву Крамской пишет: «...Я рад, что с таким сюжетом окончательно не сломил себе шею, и если не поймал луны, то все же нечто фантастическое вышло».

Решение проблемы сложной, но такой заманчивой — проблемы передачи лунного освещения в картине — продолжало и дальше занимать Крамского. И вот в 1880 году он создает «Лунную ночь».

В старом парке, залитóм лунным светом, на скамье молодая женщина в белом платье, в задумчивой, мечтательной позе. Вот и все. Но картина напоена ароматом ночи, таинственный голубовато-зеленый лунный свет преображает природу, рождает поэтичные и тонкие образы.

Как нигде больше, Крамской сумел передать это холодное, фосфорическое мерцание, изменяющее предметы, открывающее в них новое, доселе неизвестное.

Одна из лучших работ Крамского — «Неутешное горе». Все в картине выразительно и скупо. Нет ни одной лишней детали. Цветы говорят о смерти. Вот недочитанная книга...

Но лучшее в картине — лицо женщины. Оно словно окаменело от горя, а глаза полны невыплаканных слез.

Крамской умер на пятидесятом году жизни, за работой. Он писал портрет доктора Раухфуса и вдруг неожиданно упал на палитру, лежавшую на полу. Смерть была мгновенной. Это случилось 25 марта 1887 года.

Всю жизнь Крамской был страстным борцом за общественно-полезное, глубоко реалистическое, высокое по мастерству искусство. Его блестящие портреты, его полотна, такие, как «Христос в пустыне», «Неизвестная» и многие другие, навсегда вошли в золотой фонд русской культуры. Значение общественной деятельности Крамского — вождя передвижников и художественного критика — поистине неоценимо.

И глубоко прав был Репин, когда писал: «Достоин ты национального монумента, русский художник-гражданин!».

Накануне сессии Всемирного Совета Мира в Коломбо

В течение нескольких часов проездом в Москве находился французский общественный деятель, член Всемирного Совета Мира и генеральный секретарь Национального совета мира Франции Фернан Винь. Наш корреспондент обратился к нему с просьбой рассказать о ходе подготовки к сессии Всемирного Совета Мира.

Вот что он рассказал:

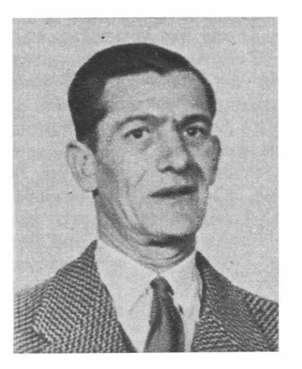
— Как известно, ближайшая сессия Всемирного Совета Мира состоится 10—16 июня в Коломбо, на Цейлоне. Это первая сессия, которая будет проведена в Азии. Она явится новым и важным этапом во всемирной кампании против испытаний ядерного оружия.

Решение о проведении этой кампании было принято 2 апреля на заседании Бюро Всемирного Совета Мира в Берлине.

Уже второй месяц во многих странах ведется активная подготовка к сессии в Коломбо. Одновременно началась кампания за прекращение испытаний атомного оружия. Все друзья мира приветствовали заявления виднейших ученых разных стран, еще раз обративших внимание общественности на опасность, которую несет подготовка атомной войны.

Всемирная кампания принимает самые различные формы в разных странах. В странах Азии, и в первую очередь в Японии и Индии, кампания уже теперь достигла широкого размаха. В Японии, например, 7 тысяч человек выразили желание принять участие в походе флотилии мира, которую предполагалось направить в район острова Рождества, где английское правительство проводит испытания ядерного оружия.

В Англии народные массы требуют от своих парламентариев решительных действий против испытаний водородной бомбы.

Фернан Винь.

В Бельгии и Голландии с большим успехом распространяются открытки с текстом Берлинского воззвания. Эти открытки, подписанные отдельными гражданами и целыми организациями, направляются в ООН. Во многих других странах, как, например, в Италии, ГДР, Чехословакии, состоялись массовые митинги и собрания в поддержку Воззвания ВСМ о прекращении испытаний ядерного оружия.

Последние известия, полученные из Африки, в частности из Конго и Сенегала, говорят о том, что призыв Всемирного Совета Мира находит отклик у жителей самых отдаленных районов.

Народы арабских стран связывают борьбу за прекращение атомных испытаний с борьбой против «доктрины Эйзенхауэра» и против иностранного вмешательства в их внутренние дела.

Я привел лишь несколько примеров борьбы народов против угрозы атомной войны. Но и эти немногие факты свидетельствуют, что наша борьба развертывается успешно, и можно не сомневаться, что она будет поддержана самыми широкими слоями населения во всех странах.

В заключение я хотел сказать еще несколько слов о подготовке к сессии в Коломбо. Мы надеемся, что в ней примет участие около 500 человек, которые приедут из 70—80 стран. Особенно представительные делегации ожидаются из стран Азии, Африки, Ближнего и Среднего Востока.

Кроме известных борцов за мир, членов Всемирного Совета Мира, предполагается приезд в Коломбо многих наблюдателей.

Участники сессии сами выработают повестку дня. Как говорят французы, не надо заранее заказывать обед, пусть все собравшиеся сами закажут то, что хотят.

Наряду с комитетом связи и подготовки в Хельсинки несколько недель назад в Коломбо также начал работать подготовительный комитет, в который вошел ряд деятелей стран Азии, Европы и Америки. Наши цейлонские друзья проводят большую политическую и техническую работу по подготовке сессии. Можно с уверенностью сказать, что сессия Всемирного Совета Мира в Коломбо будет иметь большой успех.

На демонстрации в Токио работники телефона и телеграфа несут модель ядерного взрыва, сделанную из бумаги и бамбука, и лозунги, требующие запрещения ядерного оружия.

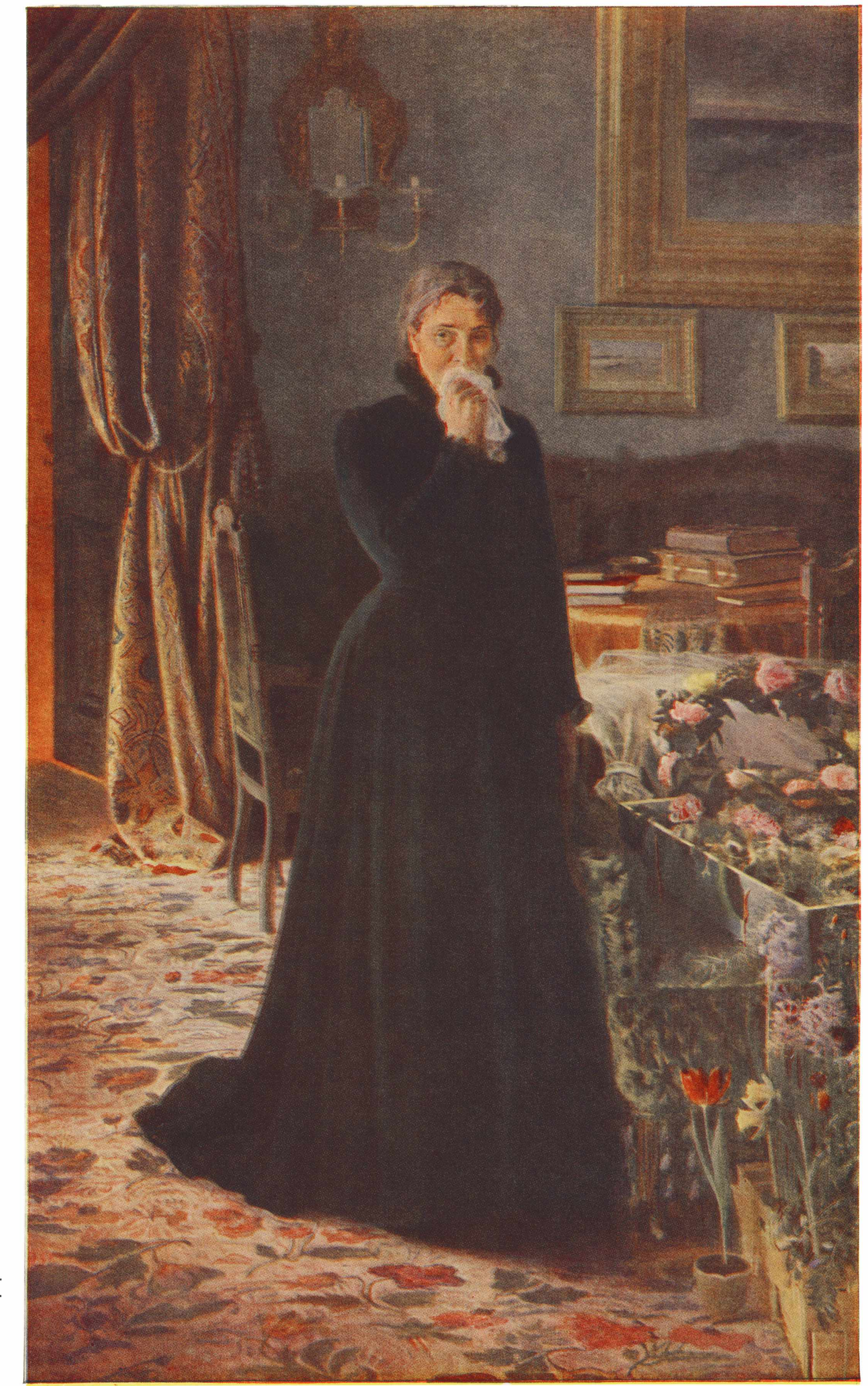
Фото Джэпэн пресс.

У здания английского посольства в Токио. «Прекратите испытания водородных бомб!» — требуют демонстранты.

Фото Джэпэн пресс.

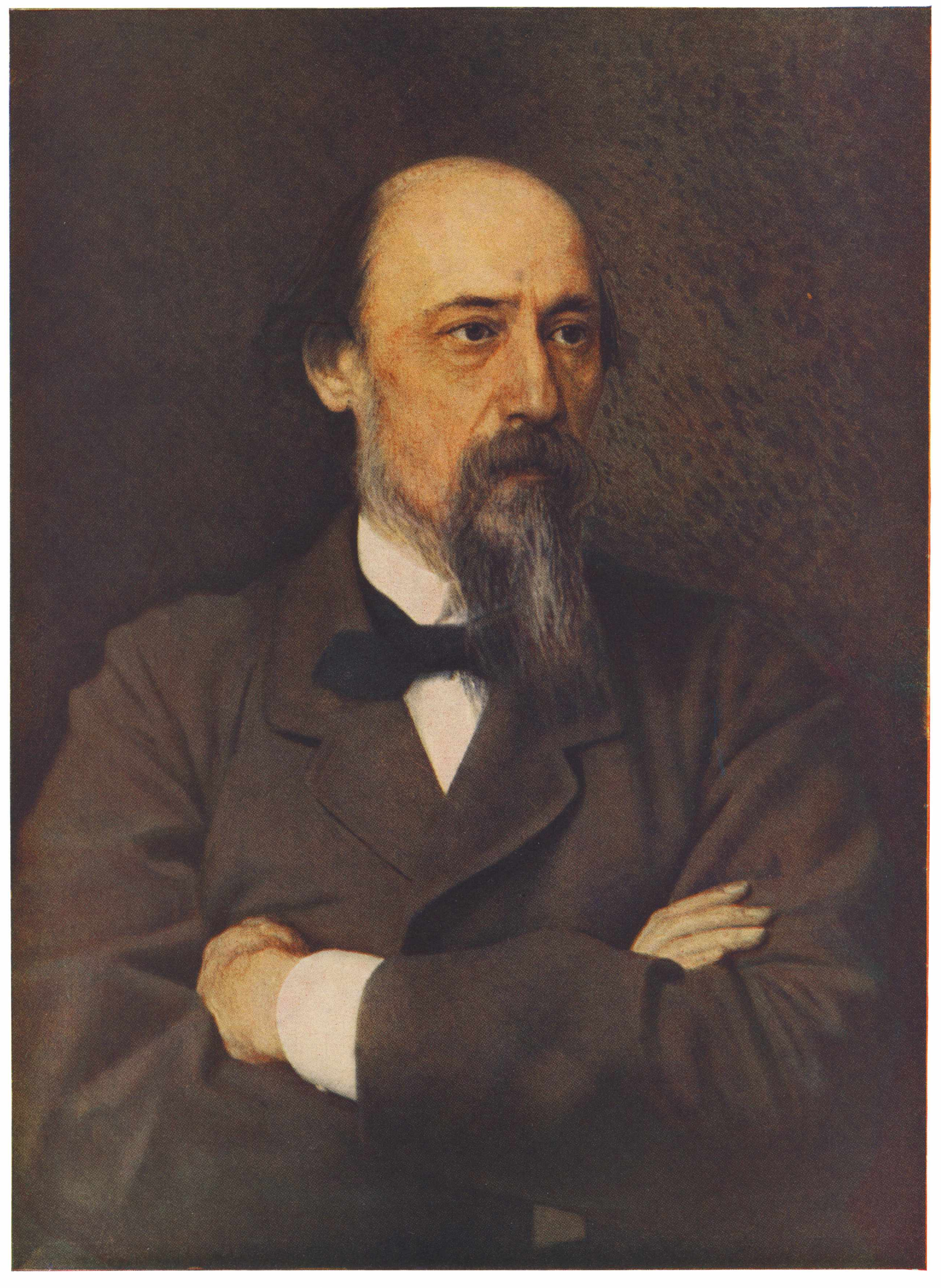

И. Н. Крамской (1837—1887). НЕУТЕШНОЕ ГОРЕ. 1884 год.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек».

И. Н. Крамской. ПОРТРЕТ Н. А. НЕКРАСОВА. 1877 год. **Государственная Третьяковская галерея.**

Узник тюрьмы Алькатрес

Альберт КАН

11 марта 1957 года Элен и Мортон Собеллы праздновали двенадцатую годовщину своей свадьбы. Но в этот день их отделяло друг от друга расстояние в три тысячи миль: Элен жила в Нью-Йорке, а Мортон — в тюрьме, на скалистом островке в заливе Сан-Франциско.

Вынужденная разлука не была для них чем-то новым. Вот уже семь лет прошло с того дня, как вооруженные агенты ФБР схватили Мортона в Мексике, где он жил, и силой увезли в США. Потом его судили вместе с супругами Розенберг по состряпанному ФБР ложному обвинению в «заговоре с целью шпионажа» и приговорили к тридцати годам тюрьмы.

Ровно за неделю до семейного праздника Собеллов их адвокаты передали в Федеральный апелляционный суд США просьбу назначить новое судебное разбирательство. Адвокаты ссылались на то, что в суде над Собеллом правительство использовало показания явных лжесвидетелей, что на этих фальшивых «доказательствах» и был основан приговор. Кроме того, поскольку Собелл проживал на территории Мексики, американский суд, вынесший этот приговор, не обладал даже юридическим правом судить его.

В числе адвокатов, выступавших перед апелляционным судом от имени Собелла, был д-р Луис Санчес Пантон, профессор права университета в Мехико, бывший мексиканский министр просвещения. Сначала государственный департамент США отказался дать д-ру Пантону визу на въезд в США. Но протесты, поднявшиеся по обе стороны американо-мексиканской границы, вынудили госдепартамент взять этот отказ обратно.

— Я, — заявил суду маститый юрист, — согласился выступить по этому делу только после того, как пришел к личному глубокому убеждению, что право на стороне Собелла. Кроме того, я счел важным для интересов моей страны защищать ее престиж.

По поводу насильственного увоза Собелла доктор Пантон заявил, что «налицо похищение, нарушающее все законы, существующие в Мексике», и что американские полицейские власти «должно быть, «забыли», что Мексика — суверенное и независимое государство».

Апелляционный суд воздержался от принятия решения по внесенному ходатайству.

Элен Собелл в свое время добилась разрешения на ежемесячные свидания с мужем. В сопровождении тюремщика она проходит в пустую комнату. В одну из стен вделана стальная плита, а в ней — маленькое окошечко, прикрытое толстым граненым стеклом. Элен смотрит на Мортона через это стекло и разговаривает с ним по телефону. Свет в комнате слабый, и она подчас не может разглядеть черты лица мужа.

Путешествие туда и обратно через весь континент обходится недешево, и Элен решила так спланировать свои посещения Алькатреса, что одно свидание будет происходить в конце месяца, другое — в начале следующего. Очередной визит к мужу предстоял 2 марта. Я провел с ней этот день.

Приходилось только дивиться перемене, которая произошла в Элен со времени нашего первого знакомства. Хрупкая, даже несколько болезненная молодая женщина с тихим голосом сейчас стала воплощением уверенности, самообладания, твердости. Огонь воинствующей непримиримости горит в ее красивых черных глазах. В развернувшемся широком общественном движении за освобождение Мортона Собелла она не «почетная фигура», а настоящий вожак.

В тот день у нее были хорошие новости. Более ста видных американских деятелей подписали письмо президенту Эйзенхауэру с требованием либо отменить приговор, вынесенный судом Собеллу, либо приказать министру юстиции назначить новое разбирательство. Под письмом стоят имена таких лиц, как бывший губернатор Калифорнии Олсон, освободивший Тома Муни; лауреаты Нобелевской премии Эмили Грин Бэлч, Гарольд Ури и Лайнес Паулинг; известный журналист Элмер Дэйвис; д-р Поль Робертс, настоятель епископального собора в Дэнвере; писатели Уолдо Фрэнк и Льюис Мэмфорд; историк Уильям Эпплмен Уильямс из Орегона; бывший генеральный прокурор Калифорнии Роберт Кэнни и другие.

Элен рассказывает, что митинг, устроенный в Лос-Анжелосе в День памяти Вашингтона, очень удался. Она протягивает мне письмо, которое получила от Мортона за несколько дней до митинга. С волнением читаю эти строки.

«Я постепенно убеждаюсь в том, что дело здесь не только в вынесенном мне приговоре; надо изгнать из наших судов дух прислужничества, дух рабского подчинения тем, кому нужны козлы отпущения для их политики «холодной войны»... В конце концов мы просим только о новом судебном разбирательстве, почему же это их так пугает? Если мы не опасаемся нового суда, чего боятся они? Должно быть, только одного — правды!..»

Элен Собелл говорила на митинге в Лос-Анжелосе:

— Как хорошо, что мы собрались, чтобы воззвать к правосудию, именно в этот день — в день рождения основателя нашего государства. Все мы стремимся к одному: восстановить и увековечить принципы, которые были положены в основу нашей конституции... Истина и право требуют, чтобы мой муж вернулся домой не только свободным, но и уважаемым человеком!..

Об ужасных условиях тюрьмы Алькатрес писалось уже не раз. Сенатор Лэнджер назвал ее «самой худшей адской дырой из всех ей подобных».

Воображение — слабый инструмент по сравнению с личным опытом, поэтому трудно рассказать о жизни узников. Но вот один случай, который стоит напомнить. Недавно из Алькатреса бежал арестант. Его вскоре нашли на острове, — он забился в пещеру у самого берега. Выяснилось, что этот человек не умел плавать; иначе говоря, он знал, что ему далеко не уйти, но не мог выдержать больше режима Алькатреса.

В Алькатресе существует режим «максимального надзора» — он применяется к так называемым «неисправимым». Задача — сломить дух узника, превратить его в тупое животное. То, что эта тюрьма отделена от «большой земли», символично. Узники изолированы от внешнего мира; они лишены даже тех скромных прав, которыми пользуются обитатели других тюрем. Они не могут получать газет. Им негде приобретать мыло, сахар, сигареты. Над каждым висит постоянная угроза карцера. У каждой двери, через которую они проходят внутри тюрьмы, их обыскивают.

Как выносит все это скромный, вежливый, мягкий научный работник Мортон Собелл?

— Он не только остался таким же деятельным, как был, — говорит Элен, — но он ухитряется все время расти и обогащаться духовно. Он ищет и находит вокруг себя многое, достойное глубоких размышлений. И, знаете, он ни на минуту не теряет связи с жизнью...

Она добавляет с гордой улыбкой:

— Есть пословица: чтобы оставаться богатым, надо все время увеличивать свое богатство. Да, у Мортона один путь оставаться сильным: с каждым днем становиться все сильнее!

Слушая Элен, я вспомнил фильм об альпинистах, который видел недавно. Я восхищался тем, как эти верхолазы используют мельчайшую трещину в отвесной скале, за которую могут ухватиться пальцы, едва заметную впадину, на которую может опереться ступня. Эти случайные точки опоры помогают подтягиваться все выше, все ближе к желанной вершине. Так, подумал я, и с Мортоном Собеллом: подымаясь в своем сознании по невидимым ступеням, он мужественно и твердо, час за часом преодолевает мрачную гору своего заключения...

О чем говорят эти двое, муж и жена, в короткий, мимолетный час своих свиданий? Через стальную стену, которая их отделяет, идет беседа о самых разнообразных, но всегда тонких и красивых вещах.

Перед прошлым свиданием Элен послала Мортону программу концерта, который устраивал Сан-Францисский комитет борьбы за освобождение Собелла.

— Обращаю твое внимание на это трио Дворжака, — сказал ей Мортон во время свидания. — Оно понравится тебе. Это замечательная вещь...

Как и все родители, они говорят о детях. О своем сыне Марке, которому в июне исполнится восемь, о Сидни, дочери Элен, — той уже семнадцать.

Через несколько минут Мортон говорит:

— Ну вот, наше свидание приходит к концу. Правду сказать, это всегда бывает грустно.

У него не было часов, и Элен удивилась:

— Откуда ты знаешь, что время истекло?

— Я слышу — автобус уже пришел.

— Неужели ты слышишь? А я не улавливаю ничего.

— Знаешь, здесь все внешние чувства очень обостряются, — заметил Мортон. — Вот, например, электрический ток выключается каждый вечер в девять часов и все огни в камерах гаснут; иногда, засыпая, не вспомнишь, повернул ты выключатель или нет. Если нет, обязательно проснешься рано утром от света лампочки в потолке, когда дадут ток. И вот я как-то научился инстинктивно распознавать, выключена ли лампочка или нет...

Потом, как это не раз бывало в прежние годы, они произнесли по телефону «до свидания» и поглядели друг на друга сквозь толстое стекло...

Рассказ Элен о прошлом свидании был окончен. Я повез ее на машине к причалу, где обычно ждет тюремный катер, доставляющий посетителей в Алькатрес.

День был ясный, ветреный, низкие облака плыли над далекими горами, стоявшими в синеватой дымке. Мириады мелких солнечных бликов играли на поверхности залива.

— Как красиво! — воскликнула Элен, глядя в ту сторону, где мост Золотые Ворота парит над сверкающей голубизной воды.

К причалу приближался неуклюжий, выкрашенный в черный цвет катер, на его обшарпанном борту было выведено: «Сторож Джонсон». Элен вместе с кучкой других пассажиров поднялась на палубу. Катер постоял несколько минут, потом отвалил, направляясь к Алькатресу. На корме трепался на ветру американский флаг.

Над заливом, крича, носились чайки.

ОЛЕНЬ С ГОЛУБЫХ ОЗЕР

Рассказ

Г. КАЛИНОВСКИЙ

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Перед жарким очагом начинает пузыриться раскисшая кожа горных ботинок, дымятся повешенные на шесте носки из верблюжьей шерсти, допит пятый чайник огненного, круто заваренного чая, и наступает время просить Ташпулата рассказать сказку.

Странные у Ташпулата сказки! В них все перепутано: настоящие, живые люди и злые духи, человеческим языком разговаривающие звери и подлинная техника XX века.

Я спросил его однажды, зачем он к правдивым, удивительным приключениям своей жизни обязательно присочиняет целый ворох небылиц.

— Все слова русские понимаю, а «сочинять» не понимаю! — сердито сверкнул Ташпулат единственным глазом из-под черной брови, перевитой седыми нитками.— Что говорю — правда, жизнь. Ташпулат так видел, Ташпулат так запомнил. Кто в горах с Ташпулатом поспорит? Ответь!

Ответить нечего. Я не могу представить без Ташпулата угрюмые скалистые горы, где работает наша экспедиция. Ташпулат знает горы, и горы знают его.

Высокого роста, в замысловатом головном уборе из белого платка и меховой шапки, опираясь на двустволку, он с равнодушным видом выслушивает сообщение о предстоящем маршруте и неизменно заявляет:

— Дойдем. Двое суток пути.

Он никогда не ошибается, и если его спрашивают, по каким приметам без всякой карты он добирается к нужному месту, старик гордо вскидывает кверху редкую бородку и ударяет себя кулаком в грудь:

— Здесь горы. Самая точная карта...

Сегодня мы целый день тряслись с ним на вспотевших лошадках над пропастями, а потом разбушевавшаяся вьюга загнала нас в долину, на зимнее стойбище чабанов. В юрте, прислушиваясь к свистящим ударам ветра, я, не стесняясь в выражениях, проклинал непогодь, преградившую нам путь на базу экспедиции.

В ответ на мои беспомощные стенания Ташпулат презрительно ткнул пальцем в войлочную стенку:

— Малый ветер балуется! Тогда большой ветер ревел, главный ветер.

«Тогда» означало «в сказке», но прежде чем начать рассказывать, проводник принялся долго и неумело сворачивать козью ножку. Курил он в исключительных случаях: ради необходимой паузы.

Выпустив облако дыма, он положил к себе на колени заплечный кожаный мешок и вынул маленького резинового олененка, детскую игрушку «Бемби». Олененок жалобно пискнул в ладони, и Ташпулат ласково его успокоил:

— Не бойся, никто не тронет! — Он протянул мне игрушку.— Олень пришел с Голубых озер.

Олененок имел неказистый вид: рожденный уродом еще на фабрике, он потерял местами свою нелепую желтую окраску, и лишь ярко чернел на нем овальный штамп — «Резинтрест».

— Постарел. Облез немного,— подтвердил Ташпулат.— А я его молодым знаю, красивым. Она его вот здесь, на груди, носила. Мордочкой из левого кармана выглядывал...

Погасив самокрутку, он продолжал:

— Она появилась в наших горах в середине лета. Коротенькая, чуть подлиннее моего ружья. Глаза ее еще не научились жизни. Они не умели прятаться,— значит, она никому не сделала зла и никого не обманула. Они ни разу не темнели от горя,— значит, ей никто не успел причинить беды.

У нас в горах мало игрушек, и в юртах, где мы останавливались по дороге к Домику погоды, детишки тянулись ручонками к оленю. Она поглубже задвигала его в карман и смотрела на меня виновато:

«Не могу отдать. Не смейтесь: мне подарил его любимый».

Я не смеялся. В мои годы человек вспоминает о любви, как о рассвете в глубокую ночь, а разве можно смеяться над первыми лучами солнца?

Три дня мы добирались с ней верхом на лошадях к Домику погоды в Нижней долине, и три дня, когда я глядел на ее маленькую фигурку, на светлые волосы, не покидали меня тревожные мысли.

В Нижней долине работали двое парней, и девушка должна была прожить там всю зиму. А я стар, я много видел, я давно не боюсь правды, и — что скрывать? — нехорошо, когда одна девушка среди двоих мужчин.

Большого Петю, их начальника, я вывел на крыльцо и сказал:

«Обидите Галю, Ташпулат плюнет на ваш порог».

Большой Петя посмотрел на меня с удивлением и рассмеялся:

«Чудишь, старик! Она ведь невеста Валентина с Голубых озер. Понимаешь: невеста друга!»

Я понимал, я верил ему, но Голубые озера лежат по ту сторону хребта, и Шайтан-перевал открыт только три месяца в году, а если ехать поездом, надо огибать горы, потом добираться на попутном грузовике, и это почти пять суток пути...

Зимой я несколько раз приходил в Домик погоды. Большой Петя и его помощник угощали меня чаем, я учил их, как стрелять оголодавших волков, и разговаривал с Галей. По закону гор, я справлялся о ее здоровье, о ее удачах; она с улыбкой отвечала, глаза ее по-прежнему не умели прятаться, по-прежнему из левого кармана выглядывала мордочка оленя. Олень был на месте, и сердце мое было спокойно...

Но женщина и неожиданность — родные сестры, и даже аллах не знает, чего она захочет через минуту.

«Ташпулат, мне надо на Голубые озера»,— сказала однажды Галя, невежливо перебив мою беседу с Большим Петей.

«Хорошо,— согласился я.— Собирайся. Я провожу тебя до станции».

«Нет. Поездом я не успею. Мы пройдем с тобой напрямик, по Шайтан-перевалу».

«Неуместная шутка похожа на подгоревший плов,— напомнил я.— Хозяину стыдно, а у гостей пропадает аппетит».

Галя побледнела и сердито тряхнула головой:

«Я не шучу! Я обещала быть двадцатого у Валентина. У него день рождения».

Я встал, подвел ее к окну и сказал:

«Ты видишь, какой здесь снег? На нем пляшут солнечные искры, от его белизны светлеет душа самого хмурого человека. А на Шайтан-перевале в эту пору ты не узнаешь, какого цвета снег. Ветер не дает раскрыть глаза, ты становишься слепым, тебя душат слезы, и приходит первый страх. А где слезы и страх, там бессилие».

«Но мы любим друг друга»,— ответила Галя.

«Посмотри на горы,— продолжал я.— Отсюда, из долины, они кажутся тебе тихими и неподвижными. А на Шайтан-перевале с гор сейчас срываются камни в два раза больше, чем ваш Дом погоды. Тропа затянута льдом, и, если поскользнется копыто лошади, никто не сможет разыскать твое тело».

«Но мы любим друг друга,— повторила Галя и с непочтительной дерзостью к моим сединам добавила: — Ты, наверно, и не пробовал проходить Шайтан-перевал зимой? Признайся!»

Я промолчал. Не мог же я оправдываться перед девочкой, почти ребенком, не мог рассказать, что еще в те времена, когда ее родители не были знакомы друг с другом, я водил через перевал наших конников по следам басмачей! Водил в пургу, в морозы, и дыхание инеем падало на плечи. Не стал я рассказывать и о том, как пулеметная очередь высекла из скалы брызги и я потерял на Шайтан-перевале левый глаз. Я только объяснил ей:

«Тогда была война».

«А теперь есть любовь»,— ответила Галя.

Большой Петя и его помощник тоже отговаривали Галю, убеждали, что Валентин не соскучится в день своего праздника: рядом поселок изыскателей. Но разве можно убедить в разумном человека, глаза которого светят другим и ничего не видят сами?..

На следующий день, ранним утром мы выехали с ней к Шайтан-перевалу...

Ташпулат поднял с кошмы резинового олененка, поднес его поближе к очагу и осторожно погладил ладонью. Игрушка снова тоненько пискнула, и старик вздохнул:

— Обижается и молчит. А Ташпулат сам слышал, как он заговорил с Галей на первой ночевке в горах...

День прошел спокойно — никогда не встречал меня Шайтан-перевал лучшей погодой. Малый-малый ветерок дымил снежной пылью, облака не путались под ногами коня, мороз не мешал дышать. На выступе Кара-Тач мы поставили лошадей, раскатали спальные мешки, и среди ночи Галя кому-то сказала:

«Вот и все в порядке, мой дорогой. А Ташпулат — перестраховщик и бюрократ».

Я не успел рассердиться: за меня ответил голос, похожий и непохожий на Галин. Похожий потому, что знакомый и мягкий, непохожий потому, что, как у мужчины, уверенный, будто знающий большую правду.

«Нет, Ташпулат хороший и храбрый. Только он любовь не сердцем — седой головой помнит. Мы ему поможем нашей любовью, не дадим Шайтан-перевалу разгуляться».

Я захотел узнать, откуда здесь взялся третий человек с такими неглупыми речами, и приподнялся в спальном мешке.

Можешь не верить,— это резиновый олень сидел у нее на ладони, как сидит у меня сейчас, и не молчал, как молчит теперь, а говорил слова бодрости и надежды, чуть покачивая желтой головой.

Можешь опять сказать свое глупое слово «сочиняю», но у нас в горах, если очень лю-

бят, не удивляются чудесам и сказкам. Разве твоя любимая пришла не из сказки? Скажи, что ты не согласен, и я забуду тебя, чтобы не держать в памяти имя человека без души...

Олень верил в любовь, и я сразу поверил в оленя. Но и Шайтан-перевал подслушал их ночной разговор и решил помериться силами.

На рассвете облака надавили на плечи, зазвенели вокруг нас тоненькие струйки снега, звонко прощелкали по выступам первые камешки.

Я обернулся к Гале, ехавшей позади меня, и сказал:

«Крепче держись за седло и помни про своего оленя. Шайтан-перевал разозлился».

Горы завыли, застонали от ветра, колючий снег залепил глаза, и не камешки — куски скал полетели в пропасть, рождая гром среди зимней вьюги. Дышать стало нечем, вместо воздуха мы глотали ледяные иголки, мороз обжигал губы, на них выступила кровь.

Лошади начали оступаться, пришлось слезть с седел и тянуть их за собой.

Потом на лошадиных глазах показались слезы. Когда лошадь плачет, человек должен быть уже мертвым. Но мы жили, и — не стану скрывать — я надеялся только на оленя. Олень не мог обмануть Галю...

А Галя не жаловалась, не плакала, и ее не умеющие прятаться глаза ни в чем не сомневались: они знали наперед, что Шайтан-перевалу нас не одолеть.

Остановившись, чтобы обогреть окоченевшие руки, она вынула их из шерстяных варежек и долго дула на посиневшие ладони.

Я не выдержал, забыл, что мужчине не подобает любопытство, и спросил:

«Доктор из аула Саныш говорил мне, что сердце у человека величиной с кулак. Он не ошибся?»

«Нет»,— равнодушно отозвалась Галя.

Тогда я накрыл ее кулачок тремя своими пальцами.

«Откуда же в таком маленьком сердце такая большая любовь? Может, у тебя два сердца?»

«Да,— серьезно ответила Галя.— Мое и Валентина...»

А Шайтан-перевал не унимался. Он заворачивал нас в удушливый саван из снега, толкал к пропасти.

Тропа шириной в праздничный пояс вздулась пузырями гололедицы, и серый мерин, который покорно плелся за Галей, вдруг рухнул на передние ноги. Его потянуло к обрыву, он испуганно дернулся, скрипнул по льду копытами и, дрожа мокрой кожей, поднялся. Одна нога крючком висела, сломанная в колене.

«Бросай поводья! — закричал я.— Бросай!»

Из-за ветра она не сразу услышала и еще пыталась протащить за собой лошадь. Ошалевший от боли мерин судорожно упирался, и Галя тоже скользнула к пропасти, лишь у самого края выпустив поводья.

«Хромой конь в горах — камень на шее пловца,— сказал я, помогая Гале встать.— Ступай впереди меня и не оглядывайся».

«Не стреляй его, Ташпулат! Не стреляй! Он сам дойдет, обязательно дойдет!»

До сих пор не понимаю, зачем я послушал девчонку и опустил ружье. Разве лошадь на трех ногах когда-нибудь спускалась в долину через Шайтан-перевал в пургу? Не спустился и серый мерин.

Заметив, что мы уходим от него, конь заскулил по-собачьи и, не желая верить в людскую неблагодарность, замотал из стороны в сторону головой. Ему не хотелось оставаться одному среди каменных, холодных скал, не хотелось умирать с перебитым хребтом на дне пропасти.

Раскачиваясь и подпрыгивая, он долго ковылял за нами и, когда нас не стало видно за снежной пеленой, заржал тоскливо и злобно, проклиная людей и горы...

«Почему я не плачу? — растерянно посмотрела на меня Галя. — Неужели я жестокая, Ташпулат?»

«Ты любишь,— ответил я.— Не разговаривай, пожалуйста. Мороз заползет в легкие...»

Так целый день, целую ночь и еще полдня, до вечера, ослепшие и оглохшие, мы шаг за шагом двигались по перевалу...

Ташпулат опять прервал свой рассказ, достал пальцами из очага уголек и зажег давно забытую самокрутку. Неуклюжая папироса стрельнула сухими крошками табака, старик откашлялся и невесело усмехнулся:

— Тебе не терпится узнать, что произошло дальше? Ты ждешь необычного: ты хочешь, чтобы в конце сказки олень произнес тост за праздничным столом или Валентин оставил Галю и женился на другой? Придется огорчить тебя: ничего похожего не случилось. Все кончилось благополучно, кроме одного: навсегда умолк олень.

Мы вошли в Домик погоды на берегу Голубых озер в самый разгар веселья и не застали там Валентина. В Домике оборвались танцы, помню, кто-то выронил стакан, и он, мелко постукивая, покатился по деревянному полу.

Галю подвели к столу, заботливо принялись расшнуровывать ботинки, наперебой предлагали вино и закуску.

«Не волнуйся, он сейчас придет! — крикнули гости.— Он отлучился на минуту!»

Гости не обманули: Валентин пришел сразу. Но вместе с ним стояла в дверях смуглая девушка с родинкой на щеке.

В меховой шапочке, присыпанной снегом, румяная и веселая, она, конечно, была красивее Гали, почерневшей от мороза, с твердыми капельками крови на губах.

Я старый человек и, услышав, как обрадованно вскрикнул Валентин, как бросился он к Гале, понял, что меховая шапочка не занимает должного места в его душе.

«Ты прошла через Шайтан-перевал?» — удивился Валентин.

И уже не столько радость, сколько удивление прозвучало в его словах. Парень не верил в Галино обещание, он счел его легкой шуткой влюбленной девчонки и, возможно, забыл о нем. Он разрешил себе беззаботно поиграть в снежки со смуглой красавицей, когда Галя ради него задыхалась на перевале.

Она задохнулась и здесь, в комнате. Задохнулась от подступивших слез и выскочила из Домика погоды...

Тебе приходилось слышать нехорошую тишину среди людей? Все молчат, а от крика болят уши, и кто-то не выдерживает, первым подает голос.

«У нее расшнурованы ботинки,— проворчал я.— Совсем простудится».

Валентин вздрогнул, посмотрел на меня, словно на безумного, и одним прыжком исчез вслед за Галей...

А потом был рассвет. Рассвет на Голубых озерах. Густой пар висел над незамерзающей водой, он клубился вокруг высоких сосен, и седые от инея деревья неторопливо таяли в воздухе.

Я встретил Галю и Валентина на берегу. Валентин, обняв девушку за плечи, что-то горячо ей доказывал, размахивая свободной рукой. Они прошли мимо меня, и мне еще раз пришлось увидеть Галины глаза. Они спрятались на мгновение, ресницы нехотя шевельнулись, и потемневшие зрачки вспыхнули настороженным блеском...

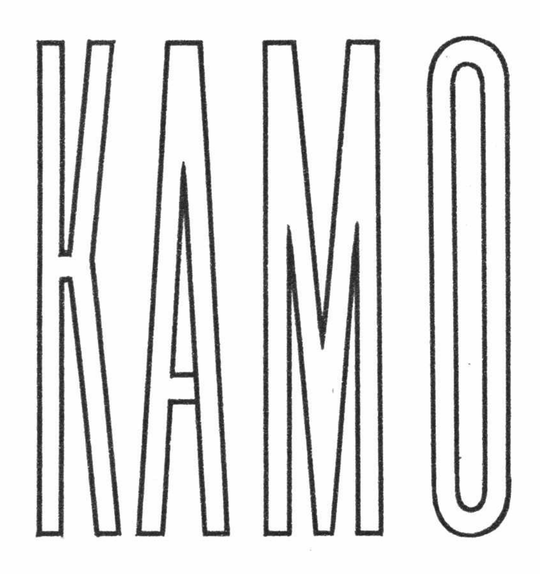
А через десяток шагов я подобрал на зеленоватой кромке берегового льда выброшенного озером оленя. Галя попробовала утопить его вчера ночью, но вера в человека, пусть самая маленькая и непродолжительная, неохотно тонет. Шипучая волна помогла спастись оленю. Правда, он стал безмолвным. Никогда больше Галя не заговорит с ним, а если и заговорит, олень не ответит ей...

Может, Галя и будет счастлива с Валентином — не знаю. Знаю только, что при каждой семейной размолвке ей обязательно вспомнятся Голубые озера, Шайтан-перевал и первое горе. Потому что можно еще изменить жене — она иногда прощает. Но нельзя, даже в мыслях, изменить невесте — с обмана жизнь не начинают...

Ташпулат подул на оленя, протер его рукавом халата и спрятал в мешок.

— А как фамилия Гали? — поинтересовался я.— Возможно, я встречал ее на Голубых озерах...

— Год рождения не желаешь узнать? — лукаво подмигнул одним глазом Ташпулат.— В сказке фамилий не бывает. Образованный, а не умнеешь. Спать надо. Ветер все равно не утихнет.

КАМО

Рассказ Н. АЛАДЖАЛОВОЙ, члена партии с 1902 года

Шел 1902 год.

Мне поручили проводить занятия в рабочих кружках. Это было в Тифлисе. Тогда один из товарищей и привел ко мне большеглазого паренька. «Позанимайтесь с ним,— сказал он, — из него выработается хороший революционер».

Паренек слабо владел русским языком, но был беспримерно настойчив и способен. Он был родом из Гори, к революционному движению привлек его И. В. Сталин. Звали паренька Симон Тер-Петросян, но товарищи прозвали его Камо: будто бы потому, что вместо «кого» он сказал как-то «камо». Так это имя и осталось за ним на всю жизнь.

Однажды в самый разгар занятий Камо заявил:

— Спасибо, Татьяна (это была моя партийная кличка). Я уже кое-чему научился. Пока хватит. Организация поручила мне оборудовать печатный станок, и учиться не будет времени.

В этих словах сказался весь Камо. Практик по складу ума и способностям, он проявил себя в организации как блестящий исполнитель всякого рода сложных технических дел. За серьезную же учебу он принялся лишь после того, как в Грузии установилась Советская власть, и, наверно, достиг бы многого, если бы не трагическая смерть.

Он был неутомим на выдумку. Помню, как однажды во время подготовки к проведению дня Первого мая Камо внес предложение привезти из Гори сотню белых голубей и, обвязав им шейки красными ленточками, пустить на дворец царского наместника на Кавказе. Предлагал он также пустить по реке Куре бурдюки, разукрашенные алыми флагами.

Он разбрасывал прокламации под носом у жандармов, разносил нелегальную литературу в корзинах с фруктами, принимал облик то грузинского крестьянина-простачка, то развязного студента. И каждый раз талантливо исполнял свою роль.

И все же уже в 1903 году в Батуме, во время транспортировки нелегальной литературы, ему пришлось первый раз попасть в тюрьму. Он просидел в ней несколько месяцев и совершил смелый побег. Поскольку об этом эпизоде ранней его деятельности есть собственные воспоминания Камо, обратимся к ним:

«Вот в одно яркое солнечное утро я гулял и следил за тенью солдата, который занялся свиньями из соседнего двора. Свиней этих арестанты научили проделывать разные штуки. Выбрав удобный момент, я рванулся, перепрыгнул через стену и упал; встать было трудно, но я все же тотчас же встал и стал смотреть, где пограничная стража. Со мной всегда было зеркало, я вынул его из кармана, натер щеки, чтобы они не были такими бледными, оправил тужурку и по возможности спокойно пошел к углу улицы. Здесь стоял какой-то мальчик, он спросил у меня, который час; я же попросил его найти извозчика...

...Товарищи, которые меня встретили, так мне обрадовались, что хотели заплатить извозчику рубль. Мне едва удалось уговорить их не делать этого, чтобы не возбуждать подозрений, и заплатить, как было условлено, тридцать копеек.

Я был небрит, бриться же в парикмахерской было опасно. Товарищи принесли талахи (вещество, уничтожающее волосы), я намазался, и лицо мое стало совершенно гладким...»

Очень хорошо мне запомнился Камо в начале 1905 года, на волнах большого революционного подъема, охватившего все народы Закавказья. Чувствуя нарастание революции, царские сатрапы спровоцировали братоубийственную межнациональную резню. Особенно сильно она разразилась в Баку и других городах Азербайджана и повлекла за собой огромные жертвы.

В Тифлисе благодаря мерам, принятым Кавказским союзным комитетом РСДРП, резни не было. 13—14 февраля 1905 года состоялись многолюдные митинги, требовавшие предотвратить бедствие. Среди участников митингов и демонстраций большевики распространяли прокламации. Группой товарищей, выделенных для этой цели, руководил Камо. Он разбросал в этот день 23 тысячи прокламаций. Увидев, что рабочие и городская беднота направляются ко дворцу наместника, Камо решил устроить настоящую пролетарскую демонстрацию. Отстав от толпы, он забежал к знакомому мануфактуристу, потребовал у него несколько аршин кумача и написал на нем: «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!». Сделав знамя и засунув его под полу пальто, Камо догнал демонстрантов. Здесь его окружили друзья, подняли на плечи, и так, со знаменем, возвышаясь над многотысячной толпой, Камо прошел до дворца наместника, где произнес свою первую в жизни речь.

Демонстрантам удалось довольно долго продержаться. Протиснувшийся в толпу жандарм пытался схватить Камо, но безуспешно. Когда же налетели казаки, в суматохе Камо удалось исчезнуть.

После поражения революции 1905 года Камо поручили руководить тифлисской боевой большевистской дружиной, в задачи которой входило приобретение оружия, экспроприация казенного имущества и выполнение других конспиративных поручений партии.

Он ездил за границу приобретать оружие, был у Владимира Ильича в Финляндии, куда провез в бурдюке с кахетинским вином необходимую для Ленина информацию. Он проходил в Петербурге «курс» производства взрывчатых веществ. Однажды Камо пришлось отправиться за бомбами в Петербург. Для этого «путешествия» он надел костюм блестящего флигель-адъютанта, достал паспорт на имя предводителя дворянства Коки Дадиани. Сколько опасностей подстерегало его в этой поездке! Но вот все позади. Камо возвратился в Тифлис и стал тщательно готовиться к крупнейшей экспроприации. Во время этой подготовки случилась в лаборатории неприятность: нечаянный взрыв бомбы поранил ему руку и глаз. Изъян на лице сильно огорчил Камо, так как облегчал слежку за ним. Однако и в таком виде он водил за нос агентов охранки.

Итак, 13 июня 1907 года средь бела дня в самом центре города в момент доставки с почты в государственный банк были экспроприированы боевой дружиной Камо 250 тысяч рублей. Нападение было совершено столь внезапно и так блестяще организовано, что в руках следствия не осталось никаких материалов о его участниках.

В этой операции Камо, как всегда, взял на себя самую трудную роль: он должен был доставить деньги на квартиру Михо Бочоридзе, одного из членов Кавказского союзного комитета. Там он снял офицерский костюм, в который был обряжен, деньги вложили в тахту, и Маро Бочоридзе — сестра Михо, — одетая городской мещанкой, доставила ее в надежное место.

Эта операция не на шутку взволновала царское правительство своей дерзостью и тем,

Симон Аршакович Тер-Петросян.

что партия получила солидное денежное подкрепление. Полицию большинства стран мира привлекли к розыску похищенных пятисотрублевок, номера которых были известны банку. Камо в это время находился в Берлине, занимаясь приобретением оружия. Здесь он был арестован.

Тогда Камо стал симулировать сумасшествие. Для того, чтобы обмануть виднейших берлинских психиатров и заставить их поверить в свой недуг, Камо избрал такую форму заболевания, которая была связана с утратой кожной чувствительности. Попробуй усомниться, что перед тобой не душевнобольной, если его колют, сажают нагим в лед, а он и бровью не поведет! Так длилось два года...

Когда позже Камо рассказывал нам об этом, мы твердили только одно:

— Как же ты мог все это вынести?!

В сентябре 1909 года Камо без суда в Берлине доставили на границу и отдали в руки царских палачей. Сначала его заключают в Метехский замок, а затем, закованного в кандалы, помещают в тифлисский дом умалишенных для проверки умственных способностей. Ведь он все еще продолжал симулировать! И только в августе 1911 года, то есть спустя почти четыре года после ареста, Камо совершает побег из больницы. Вся тифлисская охранка, сбившись с ног, разыскивала его, а он скрывался в подвале... дома полицмейстера, на Вельяминовской улице!

Вскоре он отплывает из Батумского порта за границу — на этот раз в костюме турка.

До лета 1912 года Камо побывал в Париже, на Балканах, в Греции и возвратился в Тифлис с грузом оружия. Он, как и прежде, неутомим, деятелен, кипуч. Но на сей раз охранка особенно бдительна: уж очень много насолил ей этот человек. Камо арестовывают. Казалось, смертной казни не миновать. Держат его за семью замками. Но тут неожиданно подоспевает царский манифест, и смерть заменяют двадцатилетней каторгой.

С установлением в Грузии Советской власти Камо начал работать в качестве начальника таможен и готовился, по совету Ленина, к поступлению в Академию Генерального Штаба.

Погиб Камо нелепейшим образом. Вечером 14 июля 1922 года он ехал на велосипеде по спуску. Навстречу поднималась автомашина. Камо, видимо, не рассчитал расстояние (подвел поврежденный глаз!) и с ходу врезался в машину. Вскоре его не стало.

Камо, которому ныне исполнилось бы 75 лет, был нашим общим любимцем. По меткому выражению Максима Горького, он «был способен совмещать в себе так много почти сказочной смелости с неизменной удачей в работе и необыкновенную находчивость с детской простотой души».

Литературная запись И. МЕСХИ.

Сколько в нашей стране садоводов? Этот вопрос мы задавали в разных учреждениях, разным товарищам, и никто не мог назвать точную цифру. Но все сходились на одном: много!

В дни весенней «садоводческой страды» тесно стало в специализированных московских магазинах, обслуживающих садоводов. Спрос большой — и на саженцы, и на инструмент, и на ядохимикаты, и на семена... Среди покупателей вы встретите рабочих и служащих многих предприятий. Одни из них уже давно посвящают свой досуг садам, другие только начинают. И начинающих с каждым сезоном становится все больше и больше.

Во дворе семенного магазина № 1 на Цветном бульваре продают саженцы.

— Получите с меня за яблоньку, — говорит мужчина в синей рабочей блузе, аккуратно завертывая в мешок двухлетку.

Сколько еще предстоит садоводу забот и волнений, пока он вырастит из тоненькой двухлетки могучее плодовое дерево!

Он будет сердцем отмечать тот день, когда появятся на ветках зеленые «бубенчики», тот час, когда они лопнут и раскроются, точно птичьи клювы, и глотнут первые капли весеннего дождя, тот рассвет, когда молодой сад зацветет, «как пенный пожар», — да разве расскажешь обо всех памятных часах, днях и неделях, завершающихся обильным урожаем!..

А до того предстоит основательно поработать, испытать много трудного и даже горького. Об этом мы и намерены вести речь.

Страда садоводческая

Вл. РУДИМ

Фото Я. РЮМКИНА.

Прежде всего садовод фактически лишен инструментов. Их ассортимент в продаже очень беден, а то, что имеется, — плохого качества. В чем дело? Дело в том... Впрочем, заглянем сперва в Главхозторг и послушаем заместителя начальника Т. Л. Гумницкого. Он поведал нам невеселую историю о «Каме» — насосе для поливки. Завод Министерства электростанций долго осваивал это «сложное производство», наконец обязался дать в 1957 году 25 тысяч штук, но к маю выпустил всего... пятьсот. А затем министерство неожиданно передало этот заказ другому предприятию.

— Снова начнется освоение, которое протянется не меньше года, — с горечью отмечает Гумницкий.

Он сам садовод. И ему лучше других известно, что инвентарь — даже лопаты — все еще плох, что цены на ряд инструментов, удобрений, ядохимикатов еще высоки, что производством многих вещей, нужных садоводам, никто всерьез не занимается.

Эта яблонька в саду Г. Б. Чиркова в первый же год плодоношения дала 312 яблок.

И он снова приводит пример: в минувшем году заводу Министерства черной металлургии в Лысьве было заказано 20 тысяч душевых баков, и что же? Время шло, и в текущем году наконец в Главхозторг поступил... один бак!

Мы побывали в магазине хозтоваров на Первой Мещанской улице, и то, что увидели там, никак нельзя назвать бойкой торговлей: покупатели берут в руки то один предмет, то другой и с разочарованием кладут обратно. Вот непрочная, окрашенная в красный цвет трехрублевая тяпка — «произведение» московской артели «Мехштамп». Красная цена этой красной тяпке две копейки: ведь она на десятом ударе сломается! Мы уже не говорим, что работать ею очень неудобно.

Вот две лейки: оцинкованная — артели «Семеновская цинковальная» — и серо-черная, крашеная — промколхоза имени XX партсъезда, Звенигородского района. Вторая сделана грубо — и садовода обольет и семена из земли вымоет, — но стоит столько же, сколько и оцинкованная, — 16 рублей 80 копеек. Этим и ограничен выбор леек. Маленьких и средних нет и не предвидится.

Никто не берет и ранцевые опрыскиватели: они, как в шутку говорят, дороже Каменного моста.

То и дело раздаются вопросы:

— Черенков для лопат опять нет?

Где же им взяться, если заготавливают эти самые палки за тридевять земель от Москвы, да и то с большой неохотой и с большими перебоями! А одному только Мосхозторгу нужно в сезон до 200 тысяч лопат и столь-

В Вострякове 346 садовых участков рабочих и служащих Автозавода имени Лихачева.

— Товарищ продавец, а почему же у вас нет черенков ни к лопатам, ни к граблям?

ко же черенков к ним! Вот где случай повставлять палки в колеса садоводам! Но тут-то, как это часто бывает, охотников вставлять палки и не находится.

На базе Мосхозторга узнаем: машиностроительный завод посулил дать очень нужный ручной культиватор. Сообщив об этом одному из садоводов, мы думали обрадовать его, но он скептически улыбнулся: на посуле — что на стуле: посидишь да и встанешь. Поэтому, не надеясь на промышленность, каждый устраивается как может.

Рабочий Автозавода имени Лихачева М. М. Куколев с сыном Сережей в своем саду.

Инженер Автозавода имени Лихачева Георгий Борисович Чирков показал нам в своем саду купленный в магазине рыхлитель, который ему служит уже третий год и, как это ни странно, еще не сломался.

— Мне его сварщики на заводе укрепили, иначе он и недели не выжил бы!

А у садовода Леонида Алексеевича Колесникова мы увидели в руках отличный рыхлитель и даже дождевальное колесо.

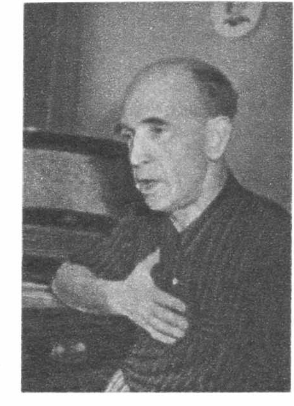
— Неужели из магазина?

— Что вы! Знакомый директор завода — тоже садовод — уважил мою просьбу, сделал. А то разве этим можно работать? — И Колесников, показывая тяжелую лопату, добавляет: — Лопата, так сказать, в одну лошадиную силу, не на человека она рассчитана.

Как же быть, что нужно сделать? И здесь лучше всего предоставить слово самим садоводам и тем, кто в той или иной мере связан с ними.

Всей семьей — за город, в свой сад!

М. К. СОСНИН, председатель секции плодоводства Добровольного общества содействия озеленению Москвы:

— У нас и радости и забот немало. Мы распылены по разным организациям и кустарничаем. Садоводов следует объединить в едином обществе — союзном или по республикам. Такое объединение сможет не только лучше обеспечивать нас различными материалами, но и хорошей консультацией, а также координировать селекционную работу любителей.

Затем: нужны специальные магазины, где было бы все для садовода. А то ведь сейчас, если что понадобится, бегаешь из одного магазина в другой. И еще нужна хорошо оборудованная лаборатория по анализу почв — ведь без этого нельзя строить план удобрений.

А. Л. БАСКИН, директор семенного магазина № 1 Мосцветторга:

— Посмотрите на эти вещи: они же и грубы и непрочны. Почему в Прибалтике делают лучше, чем в других местах? Удобрения, которые мы получаем из Клайпеды, в удобной двойной упаковке. А вот то, что дает подмосковный Воскресенский химкомбинат, приходится вторично завертывать в магазине.

Мы продаем много семян. И для них ежедневно приходится вручную штамповать тысячи пакетов. Разве нельзя это делать на фабрике? И чтоб на пакете была краткая и ясная инструкция, как обращаться с семенами.

А. С. ЕРЕМИН, садовник колхоза имени Ворошилова, Ухтомского района:

— У нас есть 74 гектара колхозного сада, и, кроме того, сады имеются в 470 дворах колхозников. Главная наша забота — инструмент. От него прямо хоть плачь: плохой. Садовых вил и вовсе нет, есть только навозные. Мотыги мы вынуждены сами ковать в нашей кузнице.

М. Т. КИРИЛЛОВА, садовод:

— Сад доставляет каждому много радости и пользы. В этой рюмке вино, которое я приготовила из фруктов своего сада. Ежегодно наша семья получает до 70 литров неспиртованного вина, в котором содержатся ценные витамины. Я была даже участницей ВСХВ. Мои предложения: создать специальный универмаг для садоводов, открыть Дом плодовода.

Л. А. КОЛЕСНИКОВ, директор питомника древесно-кустарниковых насаждений:

— Садоводы должны иметь единый центр, хотя бы в Министерстве сельского хозяйства. Ведь сады — это дело общегосударственного значения.

Серьезное внимание следует обратить на выпуск доброкачественного инструмента и каталогов к ним. У нас пока выпускают лопаты двух — трех типов, а наши друзья-садоводы в странах народной демократии имеют до двух десятков типов лопат. Нужно это наше отставание ликвидировать. Думаю, что неплохо бы создать специальный завод для производства садово-огородного инвентаря.

В. В. ПРОКОФЬЕВ, заместитель председателя правления Добровольного общества содействия озеленению Москвы:

— Думаю, что происходящая сейчас перестройка в промышленности будет на пользу и садоводам. Расширение прав республик, передача в распоряжение местных Советов ряда предприятий, находившихся в ведении министерств, создание совнархозов — все это позволяет надеяться, что теперь будет уделяться больше внимания тем предприятиям и артелям, которые выпускают садово-огородный инвентарь и другие вещи, необходимые садоводам.

Лирика

Иван ФЕДОРОВ

Пальмы

Еще неведомо какою
незримой трудною тропою
в поля моих задонских сел
их наш мичуринец привел.

Они растут и хорошеют
в искусно сделанных траншеях...

Они разведчицы. За ними
десятки, сотни пальм придут
и за полями поливными
с дубами рядом зацветут.

Калина

Все, что пройдено,
все позади...
А тебя попрошу об одном:
если любишь меня,— посади
ты калину под этим окном.

И тебе она тоже споет
про долины мои и поля;
этой красной калиной цветет
вся Россия родная моя.

Мать

Иван БАУКОВ

Заклубились тучи дымом,
Стонет ветер по ночам.
Скоро год, как я родимой
На письмо не отвечал.

Все дела, дела большие:
Строек высятся леса,
Да плотины, да машины.
Где тут матери писать!

Мать отыщет оправданье,
Мать не станет упрекать.
До последнего дыханья
Будет сына защищать.

Сын в получку мельком
вспомнит
Шаль худую на плечах...
Но и эта мысль потонет
В повседневных мелочах.

В год одну — две телеграммы
Отошлет, коль по пути.
«С праздником! Целуем, мама!
Как-нибудь приедем. Жди!»

Жди!
Когда-нибудь приедем...
Мать разгладит лист рукой.
Все ж спеша идет к соседям,
Внучкой хвалится, снохой.

Ну, а сын!
Он занят вечно:
Там, в Москве, дела кипят.
Если б можно, он, конечно,
Навестил родную мать.

Мать ни словом ни единым
Боль не выдаст из груди.
Мать соседям хвалит сына,
И соседи верят: «Жди!»

Только ночью плохо спится.
(Старость — горькая пора!)
Стынет, стынет на ресницах
Блеск обиды до утра.

Вспомнит радости, невзгоды...
«Был смышленым...
Нежен был...
Неужель за эти годы
Обо мне не загрустил!
Чем могла его обидеть!
Провиниться в чем могла!..»

Сын не слышит,
Сын не видит:
Все дела,
дела,
дела.

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

ЮЛ. СЕМЕНОВ, А. СЕРБИН, В. ПОЛЫНИН

Фото авторов и О. Кнорринга.

На три майских дня из Центрального шахматного клуба ушла спутница шахмат — тишина. В старом особняке на Гоголевском бульваре зазвучали молодые голоса: здесь собралась Постоянная комиссия Международного подготовительного комитета VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Члены комиссии ведут беседу на разных языках: ведь они приехали из Китая и с Кубы, из Англии и Египта, из ГДР и ФРГ, из Италии, Франции, Швеции и других стран. Но главное в их сообщениях: идеи фестиваля нашли самую горячую поддержку среди широких кругов молодежи и студенчества во всем мире. Это подтверждают цифры: более чем в ста странах молодежь готовится к своему празднику, из 98 стран уже получены заявки на участие.

Первый фестивальный подарок

Этот подарок уже вручен участнику будущего фестиваля: резная деревянная шкатулка ручной работы. Ее получил Ренато Бестеги — член Постоянной комиссии Международного подготовительного комитета. Первый фестивальный подарок!

Когда стихли аплодисменты в зале Центрального дома культуры трудовых резервов, где шел фестиваль молодых рабочих Кировского района столицы, Бестеги начал говорить:

— Сейчас, когда я отвечаю вам, я думаю о тех итальянских юношах и девушках, которые готовятся к поездке в Москву. Это будет не очень-то легко для них, простых рабочих и работниц. Они уже давно отказывают себе во многом, собирая деньги на дорогу. Фестиваль не только веселый праздник, это еще и ясно выраженное, несмотря на все трудности, желание молодежи дружить, жить в мире. Итак, до встречи на фестивале. Это будет встреча друзей, встреча юности, встреча мира!

Потом в зале раздалась песня. Пели «Катюшу». Песню подхватили итальянские гости. Они пели ее на своем языке: во время войны с фашизмом «Катюша» стала гимном итальянских партизан.

А потом все вместе запели итальянскую песню — нежную «Санта Лючию».

Когда кончился концерт художественной самодеятельности, молодежь перешла в зал, и начались танцы. В перерыве между ними гостей окружала плотная толпа.

— Как готовятся в Италии к фестивалю спортсмены? Какие платья носят итальянские девушки? Как борется итальянская молодежь за мир?

Вопросам не было конца.

— Скажите, приедут ли в Москву итальянские полиграфисты? — спросил у Ренато Бестеги молодой белокурый паренек.

— Приедут. А почему ты спрашиваешь об этом?

— Мы, молодежь Первой образцовой типографии, переписываемся с итальянскими полиграфистами,— ответил Иван Каганов.— Мы даже выпускаем специальную газету, посвященную этой переписке. И нам очень хочется лично встретиться с друзьями из Италии...

В клубе фабрики «Большевик»

— В составе делегации Великобритании на Московский фестиваль будут и артисты, и студенты, и молодые члены профсоюзов. Тот, кто интересуется статистикой, может отметить, что больше половины нашей делегации — девушки.— Малколм Никсон, член Постоянной комиссии Международного подготовительного комитета фестиваля, улыбнулся и добавил: — Хотя этим, может быть, заинтересуются не одни любители статистики...

«Спа-си-бо! Спа-си-бо!» — отвечает на приветствия Мохамед Аллам.

Юноши и девушки Ленинградского района будут принимать английскую делегацию на фестивале. Поэтому все с интересом слушают рассказ Никсона. Спортсменов особенно заинтересовало его сообщение, что на фестиваль решили приехать английская, шотландская и уэльская ассоциации настольного тенниса, шотландская любительская ассоциация бокса, любительские клубы борцов, тяжелоатлетов и ряд сильнейших пловцов Великобритании.

На вечере встречи молодых англичан с молодежью Ленинградского района столицы в клубе фабрики «Большевик».

— Не удивляйтесь,— продолжал Никсон,— если во время фестиваля поздним вечером вас разбудят голоса и звуки банджо или гитары. Это будут наши «бродячие» музыканты. Сейчас их можно встретить на дорогах Англии: молодежь таким образом собирает деньги на поездку в Москву. Приедут на фестиваль и мои соотечественники — шотландцы. Кстати, меня интересует, как вы примете нашу национальную одежду — юбку, которую носят мужчины?

— Хорошо примем! — засмеялись в зале.— Очень хорошо!

— А волынку? Шотландцы считают, что лучшей музыки не может быть. Не все, конечно, согласны с такой оценкой...

И снова веселый смех в зале.

Вот они, живые ростки фестиваля,— смех, веселье, откровенный разговор о том, что интересует всех.

Сюда придут египтяне

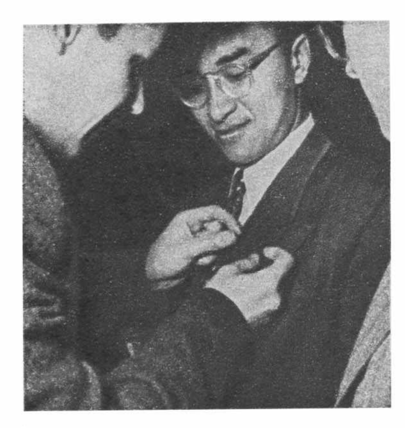
— Первое, что я сделаю, когда вернусь в Египет,— расскажу всем о приветливости и гостеприимстве москвичей.

Так начал свое выступление Мохамед Аллам — генеральный секретарь египетского Национального подготовительного комитета.

Египетского друга слушал переполненный зал: здесь были рабочие фабрики «Гознак» и завода имени Владимира Ильича. Москворецкий район столицы взял шефство над египетской делегацией, и хозяева давно ждали

Беседовать нелегко, но идеи фестиваля понятны всем.

Чжу Лян стал почетным лауреатом конкурса молодых талантов завода «Динамо».

встречи с первыми представителями будущих гостей.

— В Египте живет 24 миллиона человек, из них 8 миллионов — молодежь. Все они хотят мира. Все они приветствуют Московский фестиваль, потому что не так давно Египет убедился, кто его настоящие друзья и кто враги. В Москву приедут 650 молодых египтян. Они своими глазами увидят советских людей. И это будет серьезный удар по дезинформаторам, которые тужатся помешать нашей дружбе. Вы не удивляйтесь, если египтяне порой будут задавать вам наивные вопросы, не забудьте, что долгие годы наш народ не мог вырваться из цепей колонизаторов.

Самая трудная проблема для Египетского подготовительного комитета — это отобрать делегатов. Каждый кандидат должен отвечать двум условиям: быть достойным представителем нашего народа и обладать каким-либо талантом. Само собой разумеется, что надо быть наблюдательным: побольше увидеть в Москве, обо всем рассказать в Египте.

Вы познакомитесь, — продолжал Мохамед Аллам,— с нашими рабочими и крестьянами, с представителями самых различных слоев египетского народа. Мы покажем наше искусство, вы увидите наши танцы, вы услышите наши песни. Кстати, я уже теперь привез ноты: возможно, вы захотите выучить некоторые мелодии. Мы хотели бы, чтобы вы как можно ближе познакомились и с бытом Египта.

Москвичей интересует многое и даже такой, на первый взгляд, не первостепенный вопрос:

— Как, по вашему мнению, теплая или холодная погода стоит сейчас в Москве?

— Такая у нас бывает зимой,— отвечает гость.

Знакомство состоялось

Товарища Чжу Ляна, работника Международного подготовительного комитета, пригласили во Дворец культуры автозавода имени Лихачева.

— Мы просто хотим познакомиться с вами и показать, где будем вас принимать.

— В Китае хорошо знают ваш завод,— сказал Чжу Лян.

— И мы тоже познакомились с продукцией Чанчуньского завода. Ведь второй отечественный автомобиль, изготовленный в Китае, хранится на ЗИЛе.

— В Китае каждый по-своему готовится к фестивалю,— говорит Чжу Лян.— Двадцать восемь студентов из Пекина начали пробег Пекин — Москва. Разумеется, трудно преодолеть столько километров через леса и реки, поэтому они решили покрыть это расстояние, не покидая Пекина. Каждое утро они пробегают по пять километров с флагом, на котором написано: «Пекин — Москва». Эта символическая эстафета была начата в апреле. Некоторые, как Тан Ше-чу, молодой техник из Пекина, специально изучают русский язык. Школьник из Внутренней Монголии Чау Пу Ин завел переписку с советскими ребятами и уверяет, что это помогает ему серьезнее относиться к занятиям. Раньше у него только по трем предметам были высшие оценки, а теперь почти по всем. В Пекине организована выставка: восемьсот молодых художников представили девятьсот работ. Пятьдесят из них будет выбрано для отправки в Москву.

— У нас,— сказал представитель завода «Динамо»,— уже прошел конкурс, посвященный фестивалю. Победителям вручали лауреатские значки. Вот такие! — И он вдел в петлицу Чжу Ляна медаль с надписью: «Лауреат».

«Фестиваль будет иметь успех»

После окончания работы Постоянной комиссии мы разговаривали с ее членом — депутатом греческого парламента Антонисом Брилакисом.

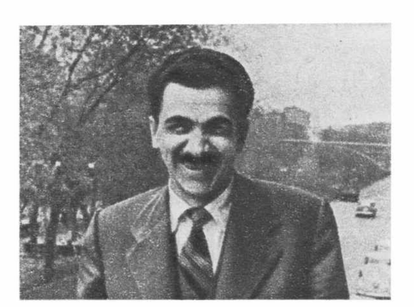
— Как идет подготовка к фестивалю в Греции?

— В Греции в поддержку фестиваля выступили директор Афинской консерватории Каломирис, кинорежиссер Какоянис, руководительница Ансамбля народного танца Страту, профессор Школы изобразительных искусств Гикос и другие известные в Греции люди.

Особое значение фестиваля в том, что он состоится в Москве. Слово «Москва» у большинства греков вызывает большой интерес.

Когда я уезжал из Греции, в центральном студенческом клубе в Афинах была устроена выставка, посвященная фестивалю. Многие юноши и девушки копят деньги, чтобы приехать в Москву. Греческую молодежь на фестивале будут представлять 250 человек.

Возможно, что в Москву на

«Фестиваль будет иметь успех!» — говорит Антонис Брилакис.

фестиваль приедет и театр древнегреческой трагедии, если труппе удастся преодолеть некоторые технические и финансовые трудности. В Москве будут демонстрироваться также два — три греческих художественных фильма. Среди них — фильм, который получил премию на кинофестивале в Канне. Зрители увидят и научно-документальные греческие фильмы.

— Вы уверены в успехе фестиваля?

— Да,— отвечает Брилакис.— Фестиваль будет, несомненно, иметь очень большой успех.

КОГО И ЗАЧЕМ ОБУЧАЮТ В ФОРТ-ДЖЕКСОНЕ?

Американский журнал «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» опубликовал большую статью своего специального корреспондента об одном из центров, где готовятся шпионы, диверсанты и солдаты «специальных частей». Основная база этого центра расположена в Форт-Джексоне (штат Южная Каролина).

Здесь собрана разношерстная публика, состоящая из дезертиров, уголовников, проходимцев, людей без определенных профессий, которые бежали на Запад из стран народной демократии.

Корреспондент журнала не называет фамилий питомцев Форт-Джексона, но рассказывает кое-что из биографий этих людей. Так, слушатель, которого он называет П., еще в 1950 году двадцатилетним юношей бежал с отцом и братом из Чехословакии. У этой семьи были основания недолюбливать народный строй: ей принадлежал отель, с которым пришлось расстаться после победы народного строя. В Западной Германии П. в течение трех лет посещал американскую специальную школу. Потом его переправили в США, в Форт-Джексон.

Сейчас в Форт-Джексоне обучается шестьдесят пять новичков. Прежде чем приступить к основному курсу, они учат английский язык. Кроме того, занимаются физподготовкой, зубрят армейские уставы и наставления, слушают лекции по истории США, знакомятся с американскими обычаями и армейскими традициями. Основной курс включает в себя изучение различных видов оружия, автодело и многое другое, что нужно знать шпиону-диверсанту.

Все это время слушатели школы находятся на казарменном режиме, носят форму солдата американской армии и ничем не отличаются по виду от новобранцев-американцев. Но это только по виду. На деле сами американские власти третируют все это отребье, как людей второго сорта. Лишь после пятилетней службы в качестве «награды» они получают, по закону Лоджа, американское гражданство.

A NEW KIND OF GI

Предатель Сведоник — наемник американских империалистов.

«Курсанты» Форт-Джексона у карты Венгрии. В подписи под фото журнал пишет: «Они изучают карты, которые им могут понадобиться в один прекрасный день».

«Курсанты» Форт-Джексона изучают оружие.

Желая, как видно, разрекламировать прелести такого рода «награды», журнал печатает портрет и биографию одного из «счастливцев» — новоиспеченного «гражданина США» Джозефа Сведоника. Этот бежавший из Чехословакии изменник родины дослужился в американской армии до звания сержанта, а за участие в агрессии против Кореи его даже наградили бронзовой звездой.

Однако, несмотря на все рекламное искусство «Юнайтед стейтс ньюс энд Уорлд рипорт», у читателей не остается сомнений в том, что «центры», подобные Форт-Джексону, преследуют отнюдь не благотворительные цели. В статье говорится:

«Все беженцы, независимо от их национальности и прошлого, обладают следующими двумя основными достоинствами, которые могут стать ценными, если начнется третья мировая война: во-первых, знание по меньшей мере двух языков, употребляемых за железным занавесом, и, во-вторых, детальное знание какого-то важного района». Далее журнал подчеркивает, что «некоторые из этих беженцев готовятся для службы в специальных частях, которые сейчас обучаются партизанским действиям в тылу врага во время любой будущей войны. В этом случае знание ими восточноевропейских языков и обычаев будет, конечно, особенно полезным».

Провалы американских агентов стали столь частыми, что приходится серьезно опасаться за большинство выпускников Форт-Джексона: вряд ли успеют они отслужить свой «заветный» пятилетний срок в американской армии...

Л. ПАВЛОВ

Весенняя тренировка велосипедистов в Сочи.

Фото В. Киврина.

К. Е. ВОРОШИЛОВ—ГОСТ

Во время визита Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова в Китай на городском стадионе Пекина в его честь был устроен массовый митинг. Товарищи Ворошилов, Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, посол СССР в КНР П. Ф. Юдин и другие в центральной ложе стадиона.

Участники митинга радостно приветствовали гостя из Советской страны.

→
Почетный караул, выстроенный для встречи К. Е. Ворошилова на Пекинском аэродроме.

Ь КИТАЙСКОГО НАРОДА

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Советские гости присутствовали на представлении китайской оперы. После спектакля товарищи К. Е. Ворошилов и Мао Цзэ-дун поднялись на сцену, чтобы поблагодарить артистов.

←
Товарищи К. Е. Ворошилов и Чжоу Энь-лай.

Во время митинга пекинский стадион был заполнен до отказа.

Молодежь Степанакерта, Нагорно-Карабахской автономной области, Азербайджанской ССР, готовится к VI Всемирному фестивалю в Москве. На снимке: самодеятельный ансамбль песни и пляски шелкокомбината. Библиотекарь Людмила Григорьян и токарь Гранд Алавердян исполняют шуточный карабахский танец.

Фото С. Динова.

НОЧЛЕГ

Рассказ

Е. АНДРЕЕВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Вот-вот должен был повалить настоящий зимний снег. Хмурилось небо, заволоченное низкими облаками, и в то же время светилось каким-то тревожным, ледяным светом, как бывает перед первым большим снегопадом. В холодном воздухе теперь каждая капля влаги обращалась белой мухой, кружила над застывающей землей и садилась на какой-нибудь сломанный сухой стебель. Тут села белая муха, там, глядь, и побелело вокруг.

Дул здешний «господствующий» ветер — будь он неладен! — вчера дул, сегодня, завтра будет дуть, неделю, две — и все в одном направлении. Под его порывами лохматые шары курая, точно живые, мчались по степи; вдали взлетит такой шар на бугор — и вздрогнешь: не волк ли?

Осенняя, холодная степь. Бесконечные полосы стерни молчаливо свидетельствуют о напряженном труде, так еще недавно кипевшем здесь повсюду. Выбеленные дождями, эти полосы, как огромные холсты, кем-то разостланные на черных квадратах поднятой зяби. Дороги, в августе накатанные автомобильной резиной, теперь раскисли: целую неделю шел то снег, то дождь. Ну-ка, помотайтесь по таким дорогам день, другой, третий! С утра еще ничего, а к вечеру так наломаешься!

Уже в сумерках в степи мелькнула серая полоска воды.

— Это наша целинная река,— сказал шофер.— Ох, и рыбная же! Жаль, припозднились, а то бы уху быстро наладили: щуку поймать тут — плевое дело.

Знаете, как это бывает в дороге, когда холодно, темно: до цели поездки еще далеко — и вдруг вспыхнет в стороне одинокий огонек: то ли костер, то ли чье-то окошко. Как он поманил нас к себе, этот неожиданно вспыхнувший огонек,— к теплу, к отдыху, к ночлегу!

— Свернем? — спросил я шофера.

Он молча съехал с дороги и напрямик двинулся на огонь.

Вскоре мы выехали на берег реки, а по нему добрались до одинокой мазанки. Машина подкатила к тому самому окошку, что сманило нас с дороги.

В лучах фар появилась большая белая собака. Она не залаяла, а только пощурилась на свет и ушла. Вспыхнули зеленые огоньки — глаза коров, лежавших у плетня. Никто из мазанки не выходил. Я постучал в дверь.

— Кто там? — спросил писклявый голос.

Стукнула щеколда, приоткрылась дверь, на пороге встала крошечная фигурка.

— Можно войти?

Фигурка посторонилась.

В углу топилась плита, около нее на земляном полу сидели люди: старик с усами, как у запорожца, пожилая женщина, целая куча детворы; чернявый, похожий на цыгана парень общипывал дикую утку; на низком столике тут же у плиты месила тесто молодая женщина в шароварах.

— Хозяева, нельзя ли заночевать?

— А что ж,— помедлив, ответила пожилая женщина,— ночуйте. Только семья у нас большая, беспокойно. Даша,— приказала она женщине в шароварах,— посвети им в зале, где студенты жили.

Мазанка словно раздвинулась—четыре комнаты и кухня да еще какой-то чуланчик, помещение для кур, для коров, кладовая — и все это под одной камышовой кровлей — целый глиняный дворец в степи.

Вскоре вся семья и мы, приезжие, сидели за низким круглым столом, уставленным чашками; на земляном полу сверкал и пыхтел новенький самовар.

— Спокойно ли в мире-то? — спросил хозяин и приставил ладонь к большому волосатому уху.

— Вы ему громче кричите,— попросила хозяйка,— глухой он.

— Не очень-то спокойно! — крикнул я.

Я рассказывал про Суэцкий канал и чувствовал, что уже охрип.

— Петр Иванович,— тихо, но отчетливо сказала хозяйка,— дай человеку передышку.

Петр Иванович согласно кивнул головой; ее он услышал лучше, чем меня.

Хозяина облепили девчонки: все они — а их было четыре — умудрились сесть к нему на колени; и все черненькие, на удивление хорошенькие, раскрыв рты, слушали, как я кричу про Египет. Даша, не поднимая глаз, схлебывала с блюдца чай, передавала наши чашки хозяйке.

Накричавшись, я замолчал. В тишине из-под кровати выглянул еж, подошел к столику, поднявшись на задние лапки, потянулся к тарелке. Одна из девчушек взяла ежика и посадила к себе на плечо. А другая стала рассказывать мне:

— Его Яшкой зовут. Одну Дуньку признает. На всех пыхает, а как она возьмет его, он иголочки сложит и лезет целоваться. Видишь, видишь? — Еж в самом деле терся о румяную щеку Дуни и тыкался своим поросячьим черным рыльцем — вроде целовался.

— Да как же это так, еж колючий?!

— Он ее, Дуньку-то нашу, любит, вот и не колет.

— А тебя?

— Меня колет. И тебя кольнет, протяни-ка руку-то.

Я не стал протягивать. Даша принесла тарелку с горкой баурсаков — кусочков теста, жаренных в сале,— все занялись лакомством.

— У нас домашнее хозяйство по-казахски,— сказала хозяйка, — мы и сами, как казахи. Шутка сказать, живем здесь лет сто. Сто, что ль, или больше? — спросила она Петра Ивановича.

Помолчали. Я думал, что дед не расслышал. Вдруг он сказал громко:

— Больше! Я родился в этой мазанке, а мне семьдесят один. Отец тут родился, тоже до семидесяти дожил. Да дед жил сколько-то. Ну-ка, сложите — на полторы сотни потянет!

— Дед ваш из России пришел?—спросил я.

— А кто его знает! Слышно было, каторжный он, из Сибири сбежал; побежал, стало быть, не туда, куда следовало,— не на родину, а вот сюда подался. Сложил землянку, на казашке женился, рыбу в реке ловил, ну и жил, пока не умер. От него все тут: и мазанка и мы.

Могучий старый человек, облепленный ласковой детворой, сидел он на земляном полу и рассказывал. Сначала о своих родных, потом о рыбе, которой тут тьма-тьмущая, потом о турецком фронте 1915 года.

— Вы колхозники? — перебил я хозяина.

— Нет, мы совхозники. Совхоз-то за бугром, двести шагов отсюдова. Жена, Авдотья Сергеевна,— в совхозе доярка, старшая дочь — трактористка, сын — вот он, Иванто,— конюх, Даша на совхозной пекарне работает. Только я по старости к домашнему ухвату приставлен.

Когда внучка рассказывала про ежа, все слушали ее с любовью и вниманием. Она говорила без всякого стеснения. Чего стесняться? Она не выдумывала, говорила, что видела. Теперь мы слушали деда с таким же вниманием. Старший сын, общипав уток и напившись чаю, сидел молча. Он с явным удовольствием слушал отца. За весь вечер сын только и сказал три слова о девчонках, сморенных поздним часом:

— Поваляются да задрыхнут.

И действительно, девочки спали около деда, спали, как придется, как застал их сон. Дуня привалилась головой к груди деда и обнимала своего ежа. Шура, раскинув ручонки, лежала навзничь на коленях старика. Рядом на полу пристроились Катя и Аня.

Пел тонким голосом остывающий самовар. Явилась откуда-то трехцветная — рыже-серо-черная — кошка, села против меня и пристально уставилась в глаза. Даша засмеялась.

— Не признала вас наша Машка.

— Укладывай, дед, своих внучек, да ужинать будем,— распорядилась хозяйка.

— Как, еще ужинать?! — взмолились мы с шофером.

— То чай был, а после — мясо, по-казахски.

— Нет, нет, мы — спать.

Даша стелила кровати в зале, где жили студенты. В сторонку складывала гору подушек.

— У нас все пуховое,— говорила она,— и подушки, и одеяла, и матрацы. Пух-то, вон его сколько, полны камыши; летом птица линяет — ветром и набивает туда. А мы его прямо вилами в мешки; после высушим, перетрем, и вот они, подушки-то, мякоть какая!

Даша с силой взбивала подушки, перегибаясь в тонкой талии, носила одеяла; она напоминала восточную танцовщицу: широкие бедра в шароварах, круглые, тонкие руки, будто без костей.

— У нас в семье все девки не плохи,— сказала она вроде между прочим.— Я некрасива, а телиста,— добавила она, обернулась и вдруг вспыхнула.

За стеной слышно было, как хозяйка говорила мужу:

— Пойди, старый, гостей-то займи.

Петр Иванович пришел, сел на корточки у стены и начал занимать нас разговором. Долго рассказывал про своего старшего брата — молодца молодцом, хоть ему и под восемьдесят,— как тот прошлой весной подо льдом побывал. Выкупался да прогулялся километра три на тридцатиградусном морозе. И все нипочем, после и не кашлянул!

— Я в тракторной бригаде нынче поварихой работала,— неожиданно сказала Даша из соседней комнаты.— Сколько диких гусей было, ой-ой-ой! Комбайн красный, а гуси не боятся, лезут чуть не под колеса. Московский студент Гриша (помощником комбайнера работал) сообразил: ружье прихватил да как вжарит по стае, так на всю бригаду жаркое! Один раз и стрельнул-то. После сколько ни брал ружья — напрасно: гуси как завидят издали красный комбайн, так и на крыло. Зараз научил их Гриша.

— Недаром Гришу запомнила,— заметил Петр Иванович,— ох, недаром, Дашутка!

— Я всех их запомнила.

— Хорошие ребята, это точно. Никто у нас тут лучше московских студентов хлеб не убирал, одно слово — организация. Спасибо им как бы передать. Много приезжей молодежи теперь в Казахстане живет,— вздохнул Петр Иванович.— Вот бы тому студенту Грише не на уборке урожая гостить, а пожить тут лет со сто! Ась?

— Эк разговорился, старый! — сказала хозяйка на кухне.— Дай людям покой.

Даша, в белоснежной сорочке, подошла к столу, наклонила ладошку над ламповым стек-

лом, дунула в ладонь; в темноте прошлепала босыми ногами. Я глядел в темноту, а перед глазами все еще мерещилась Дашина сорочка, ее спина сильной женщины и смуглые руки.

— Шура, Дуня, Катя — это ваши? — спросил я.

— Мои. А Нюрка в тетках ходит, моя сестренка — последыш. Папанька-то, не смотрите, старый, он могучий еще. Моя старшая с Нюркой ровесницы.

— А отец девочек где?

— В этом деле нам не везет.— Даша вздохнула.— Отцов у нас два, вроде бы и достаточно, а в наличии нет ни одного. А все любовь, будь она неладна!

— Чем же она провинилась перед вами?

— Вот же провинилась!

Марлевая занавеска в дверях качалась, словно от дыхания Даши. Кошка на полу затеяла танец со щепкой: поднимала ее передними лапами, становилась на дыбки и все уносила в угол, а оттуда вышвыривала щепку обратно.

— Мужья мои — казахи,— сказала Даша и подождала.

— То-то девочки такие очаровательные.

— Понравились? — отозвалась Даша. — Они у меня в самом деле хорошие, ласковые.

— Ну, а мужья-то где?

— За первого я выскочила — мне семнадцати не было. Красивый был мой Ахмет. Всего четыре месяца прожили. И вдруг заладил: учиться поеду. Я его отговаривать: куда же ты от меня, от молодой такой, умчишься, подожди, мол, пока состарюсь. А он: хочу тебя достойным быть. Ты, говорю, и теперь достойный, за иного я и не пошла бы. Он свое: вернусь геологом, золото, алмазы искать буду. И уехал. Последние его слова были: если б меньше тебя любил, не поехал бы! А через год война. А в сорок пятом извещение: погиб геройской смертью.

Даша замолчала, пошуршала одеялом, то ли укрываясь, то ли сбрасывая его,— от воспоминаний жарко стало.

— А второй кто был?

— Тоже казах, я же говорила.

— Ну?..— поторопил я.

— Смешно, прямо в точности, как с Ахметом, получилось. Прожили год, и этот учиться укатил. Тоже, наверно, достойным стать захотел. Приедет летом — и слов-то, наверно, других у него нет, только одно: «люблю» — и обратно. А что до меня тянуться? Я — вот она, самая обыкновенная; на меня не вверх глядеть, а наклоняться скорей всего надо.

Занавеска на двери сильно качнулась, будто Даша глубоко вздохнула. Стукнула щеколда, кто-то вышел на улицу.

— Ай да Шурка! Храпит, как мужик.

В голосе Даши удивление, сонная улыбка.

...Утро. Сквозь морозный туман тускло смотрело медное солнце, на него можно было глядеть не щурясь, как через дымчатые очки. Над новенькими, словно игрушечными, домами совхоза причудливыми извилинами поднялся сиреневый дым. Посеребренные инеем камыши стояли недвижно над рекой; вода чернела, как деготь; на ней плескалась рыба, будто кто лопатой бил. А вдоль берега, на отмели, то и дело взлетали снопы брызг. Это мальки. Щука за ними охотилась. Куда же деваться? Одно спасение — выскакивать из воды.

Дед стоял на берегу и манил меня пальцем.

— Иди завтрак ловить.

Он закинул леску с самодельной блесной из оловянной ложки и пятился от реки, подергивая удилище. Вот он шагнул уже обратно, вроде против воли, — кто-то тянет его к воде — толстое березовое удилище согнулось дугой. Большая щука выбросилась кольцом из воды и шлепнулась обратно. Походив по берегу туда-сюда, дед наконец вытащил утомленную щуку.

— Хватит на всех,— заметил он, сматывая леску.

— А впрок, на зиму?

— Ее в нашей реке всегда впрок заготовлено, зимой-то еще легче поймать.

Ослепительно белые, как первый снег, шагали к реке гуси. Их гнала босая Дуня.

— Босиком по морозу?! Смотри, ноги-то красные, как гусиные лапы.

Девочка только рассмеялась.

— Мы их не закамариваем,— сказала она про гусей.

— Что, что?

— На ночь не загоняем.

Две коровы неторопливо шествовали куда-то по своим делам, за ними плелся худой, взъерошенный теленок.

Ваня привез на старой кобыле воз камыша.

— Совхозную ферму утепляем! — крикнул он сверху.

За возом из степи пришли чьи-то лошади, молодые, шаловливые. Они только делали вид, что идут за старой маткой, но напились из речки, взбрыкнули, красивым, вольным галопом унеслись обратно. А старая кобыла оглянулась из-за дуги и заржала ласково, как своему жеребенку.

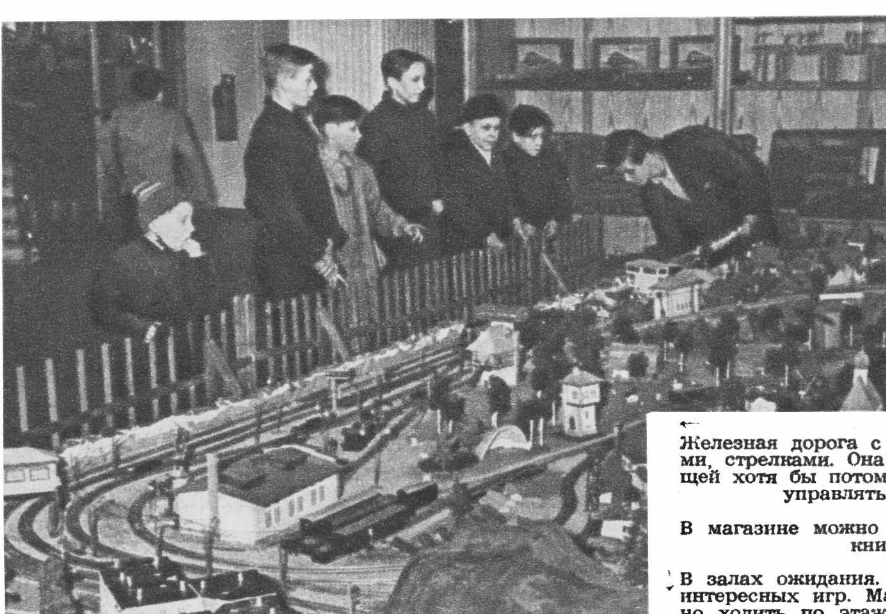
Солнце поднялось высоко. Пора было ехать дальше.

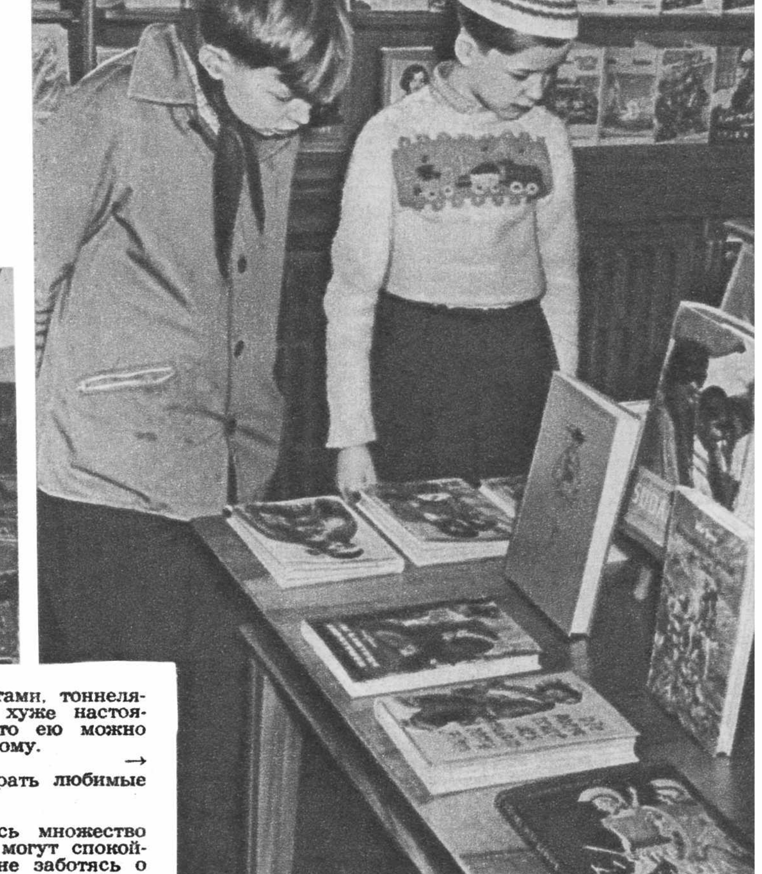
Проводить нас вышла Даша. В ее шаровары вцепилась Шура, растрепанная и еще более чумазая, чем вчера.

— Ты кто такая будешь? — спросил я, высоко подняв ее над собой.

— Аш-шметова,— сказала она неожиданно густым детским басом, бесстрашно глядя на меня сверху вниз.

ЗДЕСЬ ВСЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ

← Железная дорога с мостами, тоннелями, стрелками. Она не хуже настоящей хотя бы потому, что ею можно управлять самому.

→ В магазине можно выбрать любимые книги.

↓ В залах ожидания. Здесь множество интересных игр. Мамы могут спокойно ходить по этажам, не заботясь о детях.

А. НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Днем, когда большая часть взрослого населения занята работой, на широких тротуарах новых улиц восточного Берлина преобладают женщины с детьми. Особенно много их у огромного магазина «Детский мир». А раз уж вы подошли к этому сказочному дому, то вряд ли удержитесь от того, чтобы не зайти внутрь. Взрослых в первую очередь заинтересуют здесь отделы готового платья и обуви, а ребят, естественно,— игрушки. Впрочем, детей можно оставить в залах ожидания, где с ними займутся опытные педагоги и воспитатели. Здесь даже есть детский театр, где устраиваются веселые представления.

Итак, пройдем вслед за фотоаппаратом по «Детскому миру».

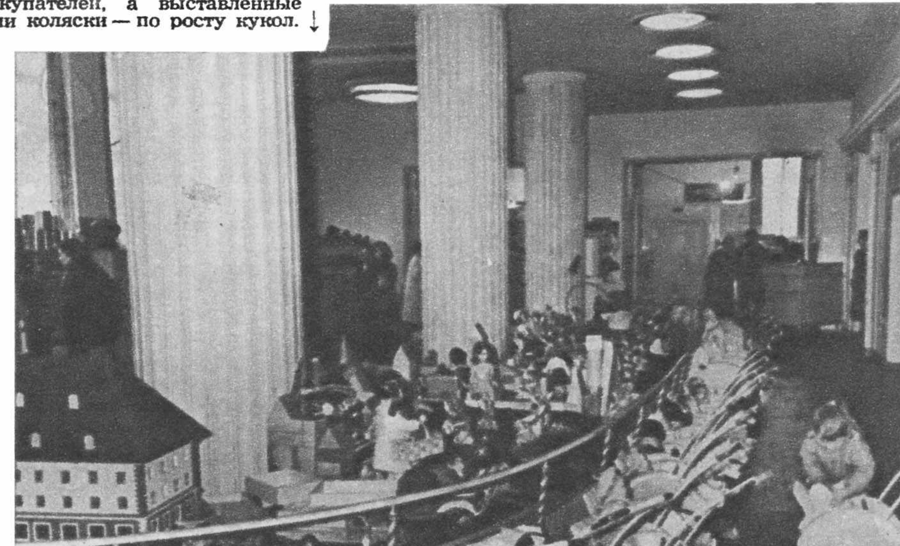

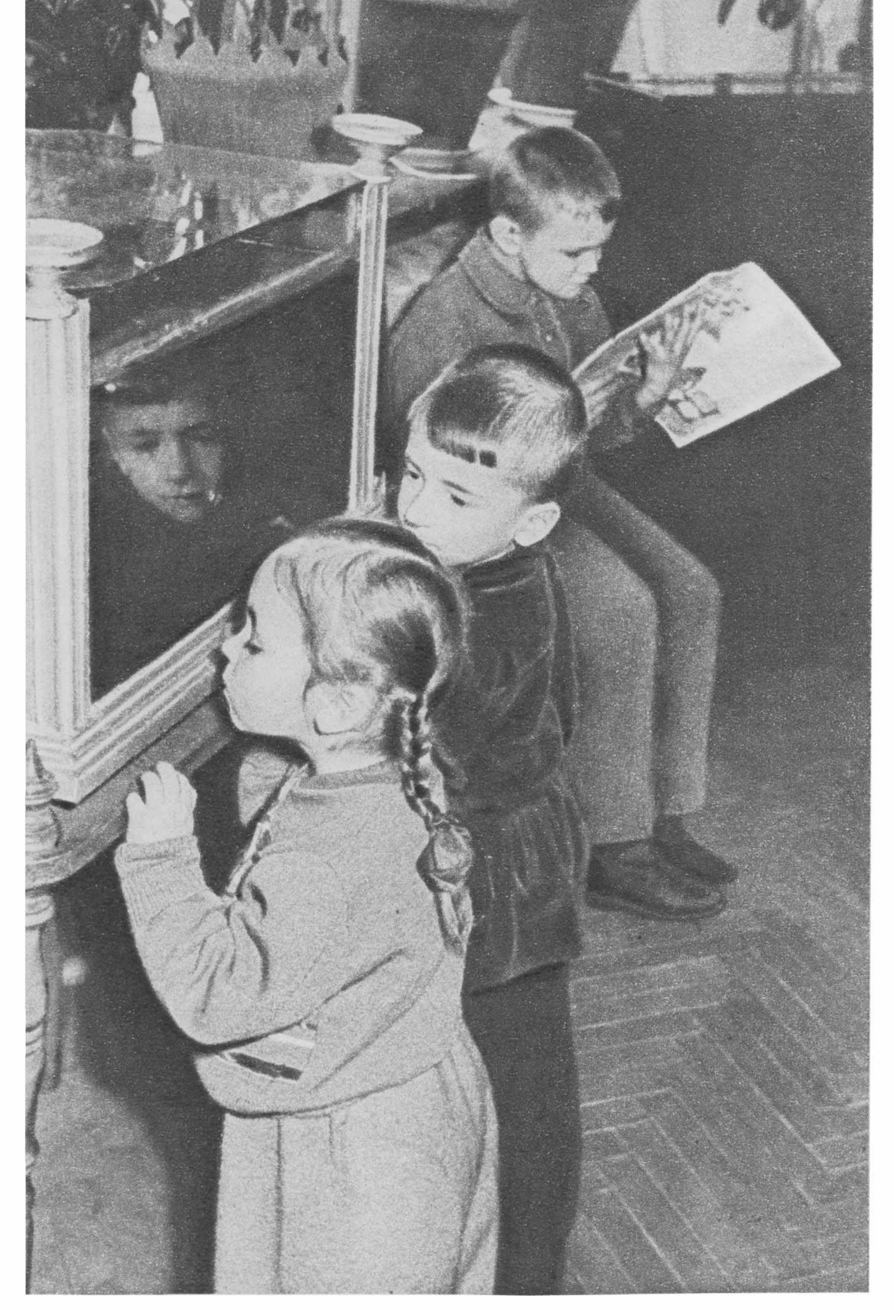
← Эта игра так увлекательна, что взрослые порой забывают о своем возрасте.

→ На двенадцатом этаже помещается детское кафе. Столики и стулья рассчитаны на все возрасты.

Прилавки в этом отделе устроены по росту покупателей, а выставленные перед ними коляски — по росту кукол. ↓

Здесь куда интереснее, чем в лечебном кабинете.

Прасковья КОРЖ

Фото Галины САНЬКО.

В доме волнение: ждут новорожденного. Тщательно моют полы, вытирают пыль, проветривают и особым образом ухитряются обогреть комнату, где предстоит жить ребенку. В последнюю минуту покупают цветы — это уже для матери.

Наконец состоялось первое знакомство с новым членом семьи. Все собираются вокруг аккуратного пакетика, разворачивают его. Отец пытается уловить, на кого больше похож малыш.

Теперь нужно снова запеленать ребенка. И вдруг взрослые теряются перед столь, казалось бы, несложной задачей. Молодая мать еще не научилась, а бабушке она не очень-то доверяет: та пеленает «по-старорежимному». Вот с этой минуты в течение многих лет самыми дорогими гостями в семье становятся детский врач и детская сестра. Их долго ждать не придется. Они явятся в тот же или на другой день: о выписке новорожденного из родильного дома дана срочная телефонограмма в детскую консультацию.

В детской поликлинике № 30 Красногвардейского района Москвы заведен порядок: посещать на дому будущую мамашу перед тем, как появится на свет маленький человек. Патронажная сестра даст много полезных советов: какое приготовить приданое, что купить для ухода за ребенком, ответит на простые, казалось бы, но сложные для молодой матери вопросы. Так врачи и сестры берут под свое наблюдение ребенка, который не успел родиться, и продолжают это благородное дело до самого его совершеннолетия. Они следят, как он растет и прибавляет в весе, делают профилактические прививки, беседуют с молодой матерью в поликлинике и на дому. Не реже одного раза в месяц врач осматривает малыша, по первому тревожному звонку матери спешит к своему подопечному, а затем уже сам, без вызова, приходит к больному, покуда он не выздоровеет.

В поликлинике оборудованы различные кабинеты: кишечный, рентгеновский, уха, горла и носа, глазной кабинет, процедурный, кабинет ревматолога, психоневролога. Особенно большое волнение дети переживают перед самым «страшным» — зубным — кабинетом. Не все, впрочем. Вот маленькая девочка с косичками, еще не познавшая бормашины, развлекается, перечисляя своему соседу, каких она знает зверюшек: льва, медведя, некую «окуницу», — а затем идет к аквариуму и наблюдает за рыбками.

Но и она, усевшись в кресло, не станет считаться с правилами хорошего тона.

— Иной раз, — говорит врач, — немало терпения и выдумки приходится проявить, пока добьешься, чтоб такой пациент хотя бы открыл рот.

А вот другой кабинет. Усевшись вокруг стола, группа мальчиков и девочек играет в своеобразное лото. Врач Р. С. Лейн берет картинку и объявляет: «Черная машина». Мальчик, сидящий напротив, смотрит на свою картинку и говорит: «У меня черная машина». Дальше объявляется «красный шар». Теперь откликается девочка: «У меня красный шар». Эта увлекательная игра сменяется декламацией. Чтецы выходят на середину комнаты, и каждый исполняет любимое стихотворение. Иногда здесь слышится пение, проводится гимнастика, при которой дети отсчитывают вслух такт.

Несведущему человеку сразу трудно понять, что же это за лечение. И только вслушавшись в речь детей, замечаешь, что одни из них не могут произносить шипящие звуки, другие картавят, иные заикаются. Это занятия логопеда — педагога по исправлению речи. Порой бывает так: то, что умиляет взрослых и принимается ими за милый детский лепет, усваивается детьми, переходит в привычку и, если вовремя не выправить речь, может приобрести патологический характер.

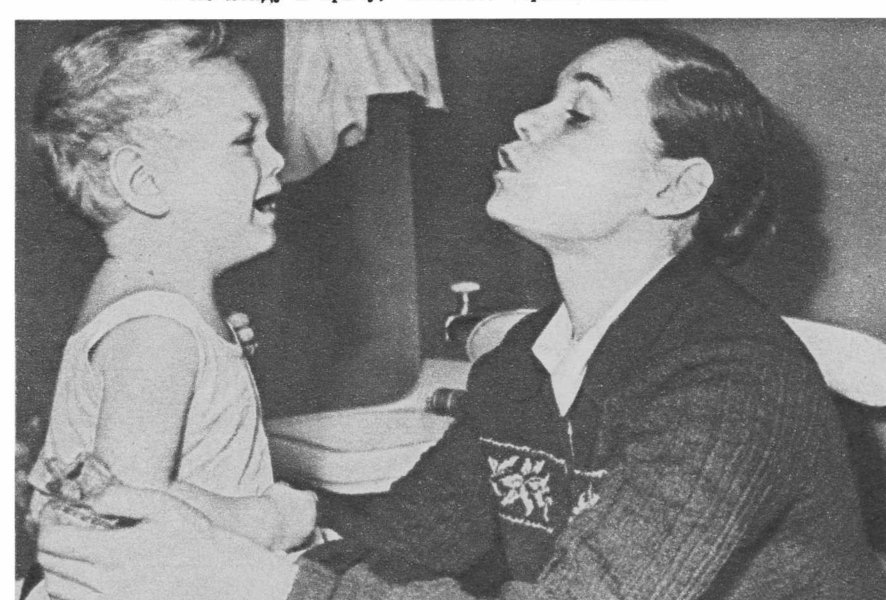

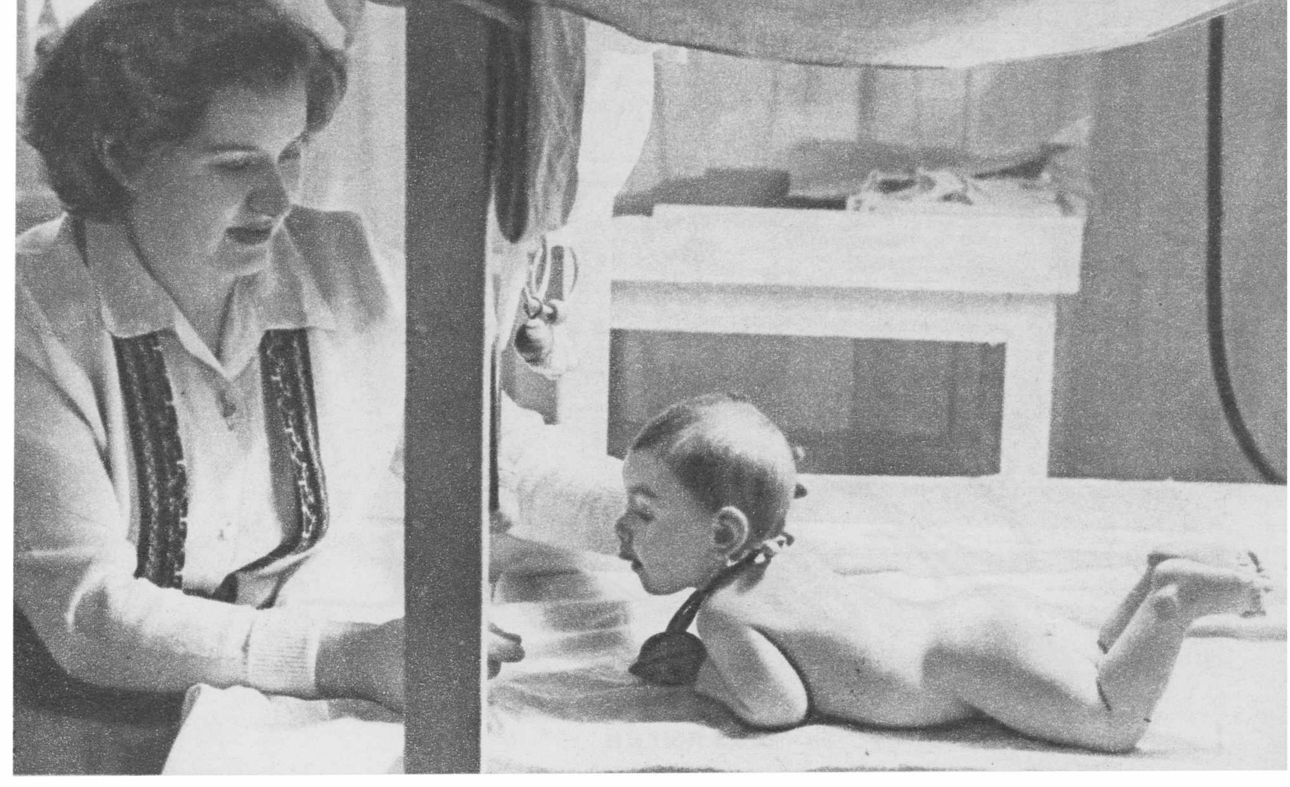
На приеме у зубного врача.

Семилетняя девочка садится перед зеркалом, вслед за доктором произносит слоги, наблюдая за правильным положением языка. Занятия идут успешно. Она бесконечно повторяет: «Ша-шу-шо». И только изредка, по старой привычке, ее язычок метнется не в ту сторону.

Кабинет лечебной физкультуры открыт недавно, но здесь уже много пациентов. Девочки в спортивных костюмах выполняют упражнения у снарядов. При первом взгляде они кажутся обыкновенными спортсменками, но, всмотревшись, видишь или небольшой горбик на спине, или опущенную лопатку. Вечером зал занимают трехлетние «физкультурники». Они с интересом занимаются этим видом лечения под руководством опытного методиста лечебной физкультуры Л. В. Медведевой,

— Не пойду к врачу,— заявляет Сережа Беляев.

Четырехмесячная Лена Рубинова на первой в своей жизни профилактической процедуре.

Сюда направляют детей с искривленным позвоночником, с различными видами детских параличей, травматическими повреждениями, обменными и сердечными заболеваниями, нарушениями осанки.

В кабинете физиотерапии принимает процедуру одна из самых маленьких пациенток — четырехмесячная Лена Рубинова. Она лежит и греется под «лучами горного солнца». Это, правда, не лечение, а просто профилактическая процедура, общее ультрафиолетовое облучение для предупреждения рахита.

Много забавных сцен можно наблюдать здесь. «Не пойду к врачу», — заявляет Сережа Беляев. А вот молодой папаша Василий Федорович Давыдов. Он самолично сопровождает трехмесячного наследника Борю на консультацию, «не доверяя» столь ответственное дело жене. У него заготовлен целый список вопросов к врачу.

С нетерпением ожидают работники поликлиники открытия водолечебницы. Дело за малым: за газом. В огромной комнате уже установлены ванны и души. Здесь будут лечить восходящим, циркулярным душем, хвойными, углекислыми ваннами.

Около тридцати лет работает в этом районе участковым врачом А. И. Френкель. Уже второе поколение растет под ее наблюдением.

— Люда Слесарева, Аля Славина, — вспоминает доктор своих бывших пациенток, любовно называя их по именам.

А теперь Слесарева и Славина сами имеют детей, и ныне все заботы беспокойного врача уже о новом поколении.

Выраcтить детей здоровыми и жизнерадостными — этому посвящают себя врачи детских поликлиник.

Писатели и книги

ЧЕТВЕРТАЯ ЖИЗНЬ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Жюль Верн сопровождает нас с детства, он верный друг нашей юности, да и в зрелые годы мы нет-нет да и вернемся к его книгам, полным глубоких дум, научных тайн и увлекательных приключений. Жизнь его была долгая и на самом деле тройственная, как правильно подметил Кирилл Андреев, автор новой книги «Три жизни Жюля Верна». Одну жизнь писатель прожил в действительности: это была жизнь, полная труда, жизнь ученого и художника, мыслителя и гражданина. Вторая была им прожита в воображении современников, которым Жюль Верн представлялся то путешественником и моряком, каким он бывал иногда лишь на отдыхе, то целым географическим обществом, сочинявшим фантастические романы коллективно, скрываясь за всемирно известным псевдонимом. Наконец, третья — та, что воплотилась в его мечтах. Эту жизнь, насыщенную творчеством, борьбой, драматическими событиями, ведут его герои; многие из них — прообразы человека будущего, каким он рисовался воображению писателя.

Можно было бы говорить и о четвертой жизни — той, которая началась посмертно и продолжается в наши дни. Жюль Верн умел смотреть далеко вперед и учил этому своих читателей. Немало людей обязаны французскому писателю тем первым движением души, которое впоследствии вырастало в дело жизни, в научный подвиг.

Именно эту мысль убедительно доказывает книга «Три жизни Жюля Верна», возникшая в результате многолетней работы К. Андреева по изучению жизни романиста. Эта книга не научный труд, а скорее «романизированная биография». Главное в ней — художественный образ зачинателя научной фантастики. Но К. Андреев должен был приложить немало труда, чтобы очистить биографию своего героя от наслоений и лживой накипи, наложенных на образ писателя буржуазными биографами. Созданная ими легенда изображала писателя то искателем приключений, то мрачным нелюдимом, замкнувшимся в стенах своего кабинета. Языком фактов и художественных образов книга К. Андреева убеждает в том, что Жюль Верн не был ни тем, ни другим. Писатель был сыном своей страны и своей эпохи, он был свидетелем Парижской коммуны, и среди близких ему людей мы встречаем исторических деятелей Коммуны — знаменитого географа Элизе Реклю и пламенную революционерку Луизу Мишель. Социалистические идеи великих утопистов Фурье и Сен-Симона вдохновляли писателя, когда в своем «Таинственном острове» он изобразил трудовое содружество людей разных наций и профессий.

Современник Дж. Франклина и Ливингстона, Дарвина и Менделеева, Джоуля и Бертло, Жюль Верн отразил в своем творчестве передовые научные и технические идеи времени.

Жизнь писателя предстает в книге К. Андреева на фоне важнейших событий эпохи, в сложном переплетении различных связей и встреч. Мы видим писателя с его друзьями: слепым странником Араго и неистовым изобретателем Надаром, геологом Сен-Клер Девиллем и математиком Гарсе. Мы видим Жюля Верна — посетителя Всемирной выставки 1857 года, когда перед зрителем впервые в таком многообразии открылся невиданный ранее мир новой техники.

Жизнь великого труженика неотделима от его творчества, и отдельные главы книги отмечают крутые повороты в писательской судьбе Жюля Верна.

Книга К. Андреева — это книга о трагической судьбе писателя, который уже знал (и показал в ряде произведений), каким страшным орудием разрушения становится наука в руках милитаристов. Зоркий гений Жюля Верна предвидел многое в будущем, и в суде над темными силами истории Жюль Верн — с нами.

Но полный трагизма образ старика Жюля Верна, в конце жизни ослепшего и задолго до этого несчастья поддавшегося пессимизму, отчаянию, все же несколько оттесняет в книге образ Жюля Верна — любимого учителя юности. Может быть, это происходит потому, что в повести лишь чуть намечена та сторона его творчества, которая и составляла для Жюля Верна радость жизни. Писатель черпал свои мысли и знания не только из встреч с людьми выдающимися — он и сам был своеобразным научным мыслителем. Его знания были универсальными и создавались повседневным, систематическим трудом, близким труду ученого.

Но в то же время — редкое сочетание! — он в совершенстве владел искусством строить сюжет в занимательной книге приключений. Ведь драматургические опыты молодого писателя принесли ему не только эфемерную славу, как об этом рассказывает повесть. Они были для него и школой мастерства, подготовившей в неудавшемся драматурге будущего мастера занимательного, полного веселья и выдумки приключенческого сюжета.

И. ИНОЗЕМЦЕВ

Кирилл Андреев. Три жизни Жюля Верна. Изд-во «Молодая гвардия». Москва. 1956. 311 стр.

Увлекательное чтение

Наши читатели, особенно молодые, с большим интересом встречают произведения с острым, динамическим сюжетом, напряженно развивающимся действием, те книги, которые принято относить к приключенческой литературе. Мастером этого трудного и пока еще дефицитного жанра является Лев Шейнин. Недавно Гослитиздат выпустил книгу его повестей и рассказов «Старый знакомый» — наиболее полный сборник произведений писателя.

Шейнин знакомит нас с увлекательными историями, связанными с работой следователя. Л. Шейнин превосходно знает ее секреты. И, читая рассказы, включенные в книгу, воочию видишь трудные и романтичные стороны профессии следователя.

Автор говорит не только о себе, о своем опыте; он рассказывает о своих старших товарищах, опытных криминалистах, неторопливо, умело и настойчиво обучавших семнадцатилетнего паренька, направленного в середине двадцатых годов по путевке Краснопресненского райкома комсомола на работу в следственные органы.

В книге проходит целая вереница персонажей, различных по своему облику. Здесь и закоренелые преступники, потерявшие человеческий облик, и люди, случайно попавшие под влияние преступного мира, способные еще вернуться на правильный путь.

Отличительная черта книги в том и состоит, что автор подчеркивает необходимость доверия к человеку, веры в его здоровые силы.

Большой интерес представляет раздел «Тени прошлого». Здесь рассказывается о тех мрачных и зловещих личностях, которые в предреволюционные годы занимались провокаторской деятельностью, выдавали царской охранке революционеров, вершили свое коварное дело за тридцать сребреников. Привлечение архивного, документального материала придает этим рассказам особую убедительность.

Повести «Военная тайна» и «Старый знакомый» («Ответный визит») — это уже не воспоминания о фактах, имевших место в действительности, а приключенческая беллетристика, показывающая борьбу наших разведчиков с вражеской агентурой в годы Великой Отечественной войны. Написаны повести живо, с умелым использованием приемов детективного жанра.

Одним словом, сборник — хороший вклад в советскую приключенческую литературу.

Н. ГРОМОВ

Лев Шейнин. Старый знакомый. Повести и рассказы. Гослитиздат. Москва. 1957. 686 стр.

Функция

Рассказ

С. ЗАЛЫГИН

Рисунки Ю. РЕБРОВА.

Шаламов растянулся на лавке, закинул руки за лохматую, тронутую первой сединой голову, сказал вслух:

— Усну... Очень просто... Часика три — четыре... Имею право.

Было воскресенье, зимнее утро, уже не раннее. В доме пахло свежим хлебом, поджаренным луком, еще чем-то съестным. Стояла тишина. Детишки ушли на лыжах, жена, верно, у соседей. Привыкла, перестала томиться по городу.

Завтра все снова завертится, закрутится, нахлынут заботы о кормах, а точнее, о бескормице, о деньгах, а правильнее, о долгах.

Но вот сегодня спозаранку Шаламов обходил баз, скотные дворы, свинарник, кошару и заметил какой-то порядок, может быть, только признак порядка, но все-таки верный признак.

«Чего доброго, — подумал Шаламов, — настанет в колхозе порядок, ничуть не хуже, чем на заводе!» Он подумал так в первый раз за те восемь месяцев, которые председательствовал в «Красном партизане».

Через час, а может быть, и того меньше, Шаламов натягивал пимы.

«Воскресенье... В клубе кино, — думал он. — Доярки дежурят, все молодые. Бросят дежурство и убегут. А печь остынет, труба замерзнет. Корова может отелиться. Еще проще — дверь не закроют в телятник, а на улице мороз, ветер...»

Когда Шаламов вошел в скотный двор, он и в самом деле никого там не увидел. Коровы жевали лениво, словно знали, что сегодня выходной.

«Ну вот! — рассердился Шаламов. — Так и думал! Жди здесь порядка! Надейся, надейся!» Но тут же вздрогнул: показалось, кто-то смотрит на него. В самом деле, на ларе для корма, обхватив острые колени руками, сидела Кося.

— Дежуришь? — спросил Шаламов.

— Ага... — отозвалась Кося и не пошевелилась.

Странная это была девчонка. Была она вовсе и не Кося, а Капитолина. Новое имя пристало к ней, потому что она заметно косила. Стоило назвать ее косой, дело могло дойти до потасовки, а уж слез не оберешься. А вот Кося — это ничего, даже мать родная, и то не называла ее иначе.

У Шаламова с Косей были натянутые отношения.

Однажды доила она Марту и рассорилась со старшей дояркой. Кричали они друг на друга, а потом Кося поднялась со скамеечки и, оставив под коровой подойник, ушла.

Шаламов вызвал Косю в контору, убеждал, говорил о дисциплине, о задачах колхоза, о положении в животноводстве.

Кося слушала, не спуская с него глаз, в кармане поношенной стеганки вышелушивала подсолнечное семечко, а потом ловко бросала семечко в рот.

Когда Шаламов кончил, Кося спросила:

— Все, что ли?

— Все, если поняла...

— Как не понять! — вздохнула Кося. — Доходчиво объясняете... Воспитываете... Теперь, ежели вы сознательный, подоите-ка Марту!

Недели три Кося нигде не работала. Шаламов решил не пускать ее на скотный. Но приходила мать Коси, просила, и доярки говорили, что с бодливой Мартой никто из них управиться не может, и Кося снова работала на прежнем месте.

— Значит, дежуришь? — спросил Шаламов. — Все в порядке?

— Сами глядите, все либо не все...

Отвечая, она не двигалась, только чуть-чуть повернула голову, чтобы правый глаз смотрел ему прямо в лицо.

— Так...

— Так либо не так — перетакивать не будем...

Шаламов выдержал и этот взгляд и тон. Прошелся между рядами коров, погладил за ушами Бубенку, дочь Марты, а Марту обошел стороной, проверил, топится ли печь. С другого конца коровника спросил:

— А что, Кося, Егор тебе не пишет?

Тут Кося соскочила с ларя, подбежала к Шаламову и протянула листочек бумаги, исписанный вперемежку карандашом и лиловыми чернилами:

— Вот! Читайте!

— Что такое?

— Письмо. От Егорки!

— Зачем же я буду читать?

— И про вас писано. А на ту сторону не перевертывайте. Там не вашего ума...

— Нет, не буду читать... Ни на той, ни на этой стороне.

— Критики боитесь? Вот с того места, где я пальцем прихватила, про вас!

Не то, чтобы упрек подействовал на Шаламова, но он взял листочек, подошел под свет окна.

«Оштрафовал он тебя за самовольный прогул на десять трудодней справедливо, — прочитал Шаламов. — Лично я пятнадцать приписал бы. Точно. Я на два часа по увольнительной опоздал — два наряда. Как положено. И насчет фермы он подход имеет. Я три месяца при нем в колхозе прожил, не могу сказать, а ты сама разберись: насовсем он в колхозе или чтобы его в газетке пропечатали как передового, а потом — обратно в город. Разберись в вопросе. Я считаю: он насовсем. Тогда и нам подаваться в город нет расчета. Узнай по его поведению и пропиши. Если останемся в колхозе, я в армии обучусь на шофера. Если он в город, то и нам туда подаваться, и поступлю я в слесарную мастерскую. Есть возможность...»

— Ну? — спросила Кося и потянула письмо из рук Шаламова.

— Чего «ну»?

— Ну как прописывать: насовсем вы или на время?

— Пиши: насовсем.

— И охота вам... В колхозе одни долги. Счет арестованный... — Кося постояла молча, потом всхлипнула. — И мне страдать! Я на ферме заявила: «Вернется Егор — ноги нашей здесь не будет!»

Шаламов смотрел в озабоченное, расстроенное лицо Коси.

— Зачем же в город? В колхозе будет неплохо! Вот я приехал с завода. Почему? Думаю, буду здесь жить лучше. Выдадим в нынешнем году на трудодень рублей пять — шесть. Хлеба килограмма четыре. А счет у нас выпустили из-под ареста. Деньги на нем... двадцать три тысячи и тридцать шесть рублей с копейками...

Кося расстегнула стеганку, размотала шаль и ткнула пальцем в тоненькую шею.

— Очень благодарна! Я ими вот до сих пор сыта, вашими рублями да килограммами! Обещанными!

— Эх, Кося! — вздохнул Шаламов. Ему захотелось втолковать упрямой девчонке, что от самих людей в колхозе зависит, как они будут жить — хорошо или плохо, но он заранее предвидел, что ни в чем не убедит ее сейчас. И промолчать не мог. — Нам всем честно, не покладая рук, полгода поработать — и увидим результат... — заговорил он. — Полгода... И дело пойдет...

— У Егорки в городе своя квартира, а вас тут принесло на мою шею!

— Ты, Кося, из-за десяти трудодней расстроилась? Пустяки! Это же немного!

— С меня и десяти довольно! Может, как раз десяти на платьишко не хватит! Я не на «Победу», а то еще на «ЗИМ» коплю!

— Сама виновата...

— Как бы не сама, а кто другой виноват был, я бы не так разговаривала! — Кося повела глазом по лицу Шаламова, вздохнула: — Уж не так бы! А вы, значит, насовсем... — Сунула письмо в карман стеганки и пошла. От ларя снова обернулась и крикнула: — Ежели обманете... — Замотала головой и забралась на ларь. — Все равно мы с Егоркой подадимся!

Шаламов направился к выходу.

Проходя мимо ларя, на котором в прежней позе, с согнутыми коленями, сидела Кося, он почувствовал к ней жалость... Он хотел сказать: «Ну, будь здорова, подумай еще!» — или: «Не журись, Кося, увидишь, как через годик заживем!», — но, взглянув на ее напряженную фигурку, промолчал. У самых дверей Кося окликнула его:

— Председатель!

— Что еще?

— Товарищ председатель, зачем вы приходили?

Строгость подействовала на Шаламова.

— Пришел посмотреть... Все ли в порядке... А что?

— Ну? Порядок на скотном? Полный?

— Ничего... Вот и ты дежуришь.

— Значит, порядок... — Кося снова приблизилась к Шаламову. — А корма?

— Какие корма?

— Скотину кормить думаете или воспитывать?

— Ты же, Кося, знаешь рацион: солома, немного сена, ну, и кочка.

— Так эта самая кочка — корм?

— Что же поделаешь? — пожал плечами под полушубком Шаламов, начиная выходить из себя. — Не заготовили кормов сколько надо. Я ночи не спал, а все-таки не заготовили! Были на то причины...

— Ну вот и кормите коров причинами! А я погляжу, сколько вы надоите литров да какой будет процент жира! Очень даже по науке!

— Что ты взбеленилась, Коська, что кричишь? — Шаламов чувствовал, что вот-вот и сам закричит на девчонку... — Если у тебя деловой разговор, приходи в контору или домой. Поговорим!

Но Кося не унималась:

— Так-то и для меня у вас найдется причина! Обещаете, а там найдете причину: кушай, Кося, поправляйся! Не буду писать Егорке,

что вы насовсем! Не буду! Пускай учится на слесаря!

Если бы Шаламов был спокоен, он понял бы, что девчонка уже сдалась и напишет Егору, чтобы тот учился на шофера, но он уже до крайности расстроился и, чтобы не обругать Косю, вышел на улицу. А Кося кричала вслед, чтобы председатель готовил дома чай с пирогами: она придет к нему разговаривать «по душам».

При голубом небе сильно буранило. Еще недели две тому назад начало таять. Шаламов решил, что зима уже кончилась, а она пожаловала снова. Ветер то и дело распахивал полушубок. Поднимаясь вверх по взгорку, где протянулись две деревенские улицы, Шаламов размышлял:

«И помечтал-то один раз... В первый раз позволил себе подумать, что дела пошли в гору, что люди стали с доверием относиться к новому председателю. Только позволил себе подумать обо всем этом, робко, один на один с самим собой — и вот...»

В ограде своего дома Шаламов издали увидел незнакомого человека и подумал: «И хорошо! Отвлекусь разговором с посторонним! Кто бы это?»

Когда Шаламов вошел в дом, незнакомец уже стоял в кухне и отряхивал снег с шапки.

Вынув из портфеля бумагу, он подошел к столу и разостлал ее перед Шаламовым.

— Вот тут ваша подпись требуется. А вот сюда, — он показал рядом, — печать.

Другие командированные начинали с погоды, с видов на урожай, с легкой критики районного начальства либо хвалили новый скотный двор, который стоял на въезде в деревню, и только тогда начинали требовать. Требовали все: обеспечить сбор слушателей на лекцию по противопожарной безопасности, уплатить неустойки по индивидуальному налогу за колхозников обеспечить подписку на молодежную газету, взять обязательство по заготовке дубильного корья, а сколько составить планов, отчетов, сводок — не счесть!

Сегодняшний уполномоченный действовал без проволочек: ткнул желтым волосатым пальцем туда, где на листе бумаги требовалась подпись председателя и печать.

Шаламов взял лист. «Договор» — было напечатано на обороте крупными буквами, а ниже, очень мелко, без всяких знаков препинания: «В целях улучшения условий обеспечения трудящегося населения города продуктами питания путем подвоза таковых и продажи на колхозном рынке колхоз обязуется на вышеобозначенном рынке развернуть торговлю своей продукцией и продукцией членов колхоза поквартально в следующем количестве...»

— Да-а...

Шаламов потер лоб... Он все еще был под впечатлением разговора с Косей, все еще сердился на нее и сейчас только видел перед собой незнакомого человека, но никак не мог о нем подумать. И смысл договора тоже был неясным. Шаламов заставил себя внимательно вчитаться:

— Вот тут написано: «...колхоз доставляет продукты своими силами». При чем же рынок? Приедем торговать — нас и без договора не прогонят? Так?

— Нет, позвольте! — заговорил уполномоченный. — В пункте шестом сказано: «Рынок предоставляет колхозу право преимущественного и внеочередного обслуживания по проверке молока и мяса и, главное, по разрубу мяса!» Он говорил это, закрыв глаза, а когда снова взглянул на Шаламова, добавил еще: — Вот!..

Шаламов положил договор на стол.

— Никому это не нужно! Бумажка!

— Так вы это всерьез или как? — спросил посетитель, вынимая платок и разглаживая лохматые брови. — Мы же и меры примем, ежели что...

Шаламов спросил:

— Какие же вы примете меры?

— Доложу товарищу Кабанову. Лично.

— А кто такой товарищ Кабанов?

— Должны бы знать: председатель управления рынками. Вот там, внизу на договоре, ими уже подписано...

— Почему же он председатель? Это что, выборная должность?

— Вы ведете себя не по существу!

— А что сделает товарищ Кабанов?

— Они? Они на совещаниях могут с критикой на вас выступить. «Сами разрубите мясо?!» Извините! Можно так разрубить, мясо жирнее станет. Точно. Взять наискосок, и, ежели слой жира два сантиметра, он в три станет. Другой мясоруб пустит в топор дрожь, и мясо пошло в крошку. А вы говорите: «сами!». Кабы понимали, не говорили бы «сами!» Я тридцать лет в торговой системе. Безотказно сполняю свою функцию.

— Что? — переспросил Шаламов.

— Функцию... Торговую функцию. — Уполномоченный опустился на табуретку, подвинулся к Шаламову. — Говорю: тридцать лет в этой системе. Знаю, что к чему. Вот сейчас вызывает меня товарищ Кабанов: «Сполняй особое задание. Обеспечь». Теперь что я скажу товарищу Кабанову про вашу несознательность? Они не поверят. Скажут: «Ты, Бурундуков, вовсе и не был в колхозе!» Тогда вы распишитесь, что отказываетесь расписаться.

Говорил он медленно, как будто с трудом подыскивая слова:

— Вот у вас нечем торговать. Понятно! Нечем, значит, нечем. А при чем договор? В нем же никаких неустоек не предусмотрено? Вы его не выполните, ну и что ж? Вам от того плохо не будет. А при чем я? Зачем меня в погоду гонять? Я на работе. Тридцать лет...

— У вас командировочное удостоверение есть? — спросил Шаламов.

— А как же! — Бурундуков достал из кармана бумажник, из бумажника удостоверение. — Как же! Конечно!

На обороте удостоверения Шаламов сделал отметки «прибыл» и «выбыл». Когда, прижав к ладони удостоверение, он прикладывал печать, Бурундуков смотрел на руки Шаламова, не мигая.

Шаламов наблюдал за этим недоуменным, осуждающим взглядом и думал: «Сейчас уполномоченный выйдет из себя, и мы с ним поругаемся... Я скажу язвительное, злое. Надо поругаться!..» Когда же наконец Шаламов вернул уполномоченному его удостоверение, тот вздохнул и тихо, убежденно проговорил:

— Бывают люди... Бездушные... Бесчеловечные...

И Шаламов так удивился этому возгласу, что невольно и тоже очень тихо спросил:

— Вы что же это, обо мне так?

— Не о себе же... Я честно работаю. Тридцать лет. Сказали: «Выполняй функцию, Бурундуков!» — Бурундуков выполняет. Не моя ответственность, что вам торговать нечем. Каждому ясно, понятно, не моя! У меня дочь — невеста, техникум кончила, экзамены сдала, а вы издеваетесь...

— При чем дочь? При чем невеста?

— Бюрократ вы по отношению к человеку! Точно!

— Я?!

— А то кто же? Дочь — невеста, в ту субботу свадьба. Замуж выдаю за хорошего человека. А вы поставили «выбыл», и я уйду? Не уйду... День буду жить в колхозе. Два... Три дня... Ходить буду к вам в контору. В райисполком звонить. В торговый отдел. Жаловаться. Доказывать про вашу несознательность. Нельзя мне уйти. Товарищ Кабанов скажут: «Гастролировал по колхозам, Бурундуков! Прибыл — выбыл за один день, а где разъяснительная работа? Где твоя организационная работа? Договор где?» А мне? Мне и крыть нечем. Что же, без отца свадьбу справлять Наташке-то? Откладывать? А жених, у него тоже мысли в голове, всякое подумает... — Уполномоченный снова порылся в бумажнике и протянул Шаламову фотокарточку.

— Вот она, коли не верите!

На Шаламова глянуло неказистое личико, худенькое, с острым носиком и большими бровями. Девушке было лет двадцать, она сидела за столиком и была в шляпке с пером, в платьице с большими цветами по пестрому фону. Выражение лица как будто немножко испуганное, но доброе.

Пока Шаламов рассматривал карточку, уполномоченный все ближе подвигал к нему листок договора и шептал:

— Ну?.. Ну?.. — Постучал пальцем по бумаге, где было «место для печати», и снова повторил: — Ну?

И тут Шаламов с силой стукнул печатью так, что уполномоченный едва успел отдернуть палец.

— Ну, вот! — вздохнул Бурундуков всей грудью. — Вот так! А какие цифры подставить, сколько поквартально будете мяса продавать, крупы — это не беспокойтесь, я поставлю! Никто за это не спрашивает! Как привозят колхозы продукты на рынок, так и привозят. Но зачем же вам вставать на волокиту? Зачем бюрократизм? — Уполномоченный торопливо складывал бумажку в портфель. — Подпись не обязательна. Подпишемся «за». Главное — печать! Печать — главное. — От дверей, нахлобучив глубоко на лоб шапку, он улыбнулся. — А на рынке, не беспокойтесь, для вас теперь преимущественное положение!

Оставшись один, Шаламов прошелся по кухне, подошел к окну...

«Выходной день председателя колхоза! И на работе не был... А все требуют и требуют от него люди...»

По тропинке, запутавшейся между сугробами, уходил Бурундуков; ветер подгонял его, приподнимая шерсть на мохнатой шапке. Кто-то появился навстречу Бурундукову, и он, чтобы разминуться, задолго сошел с тропки и терпеливо ждал, стоя по колено в снегу...

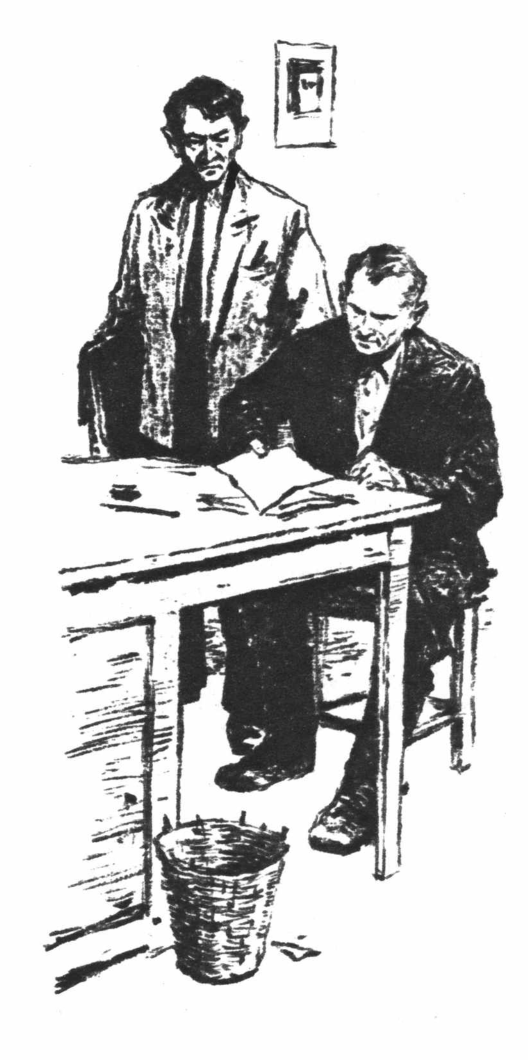
«Выскочить, догнать уполномоченного и отнять у него договор? Поздно... Теперь Кабанов подошьет бумажку к делу... — И неведомый Кабанов подмигнул маленьким глазком. — Тьфу, черт! — выругался Шаламов. — Эти функции правого сделают виноватым... Тебя же представят бюрократом!»

Фигурка человека, который шел навстречу Бурундукову, все приближалась, и Шаламов узнал Косю.

Кося шла против ветра, прикрывая лицо рукой без варежки, с красными пальцами. Торопилась на обед... Миновала Бурундукова, поравнялась с домом Шаламова и тут замедлила шаг, а потом поплотнее запахнула телогрейку и пошла еще быстрее.

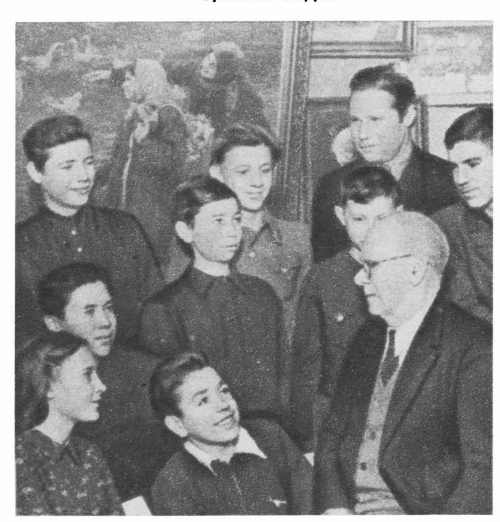
Шаламов улыбнулся.

Вдруг он поймал себя на неожиданной мысли. Хорошо было бы, если бы Кося и в самом деле исполнила свою угрозу и зашла к нему сейчас продолжить разговор «по душам»! — подумал он. — Пусть бы она еще шумела, еще требовала своего от председателя!

ЖИВОПИСЕЦ РОДНОГО КРАЯ

Заслуженный деятель искусств РСФСР Федот Васильевич Сычков начал свой творческий путь на рубеже XIX—XX веков. С тех пор вот уже 60 лет Федот Васильевич неустанно работает, создавая все новые и новые произведения. В биографии Сычкова особенно примечателен тот факт, что вся его деятельность как художника тесно связана с родными ему местами, с Мордовией, селом Кочелаевым. Здесь Сычков, редкий знаток быта деревни, провел свое детство, юность, зрелые годы.

Ф. В. Сычков со школьниками — частыми своими гостями.

Председатель Саранского союза художников В. Д. Хрымов вызвался сопровождать нас к Сычкову.

— Возможно, и не пустит. Работает каждый день, как на службу ходит. Занят, скажет, и все. Так что уж лучше я вас провожу.

Дом Федота Васильевича — на окраине Саранска. Обычный провинциальный деревянный домик с высокой калиткой, прикрытой двухскатным козырьком.

Жена Сычкова, Лидия Васильевна, маленькая, розовая и очень подвижная старушка, встречает приветливо, приглашает в комнаты.

Из крохотной столовой — дверь в мастерскую. Она приоткрыта, и видно: за мольбертом сам Сычков. Он нас не слышит. И даже, когда жена окликает его, он отвечает не сразу. И поворачивается к нам тоже не сразу — сначала головой и корпусом, а руки все еще у мольберта, привычные к труду руки старого художника. Потом неожиданно стремительно идет к нам стариковской, немного ковыляющей походкой. Невысокий, основательно согнутый временем. Смущенно как-то и в то же время задорно улыбается:

— Ко мне? На меня, старика, чего смотреть! Через три года девяносто будет, а жизнь моя — вот на стенах.

Стены сплошь увешаны картинами. Здесь целый музей. В доме этом как бы дышишь воздухом труда, упорного, неторопливого, но страстного. Главное здесь — картины.

Русская деревня, не всегда и во всем современная, но русская до последнего бревнышка. Широкие, ясноглазые, улыбающиеся лица деревенских красавиц. Узорчатые, с глубокой синевой и горячим багрянцем платки, нагольные полушубки.

В родном селе Кочелаеве Федот Васильевич прожил почти всю жизнь. Всего полтора года назад с превеликим оханьем и скрипом переехали супруги Сычковы в Саранск, в специально построенный для них домик. Настоял Союз художников, настояло правительство Мордовской республики. Домик с удобствами, с телефоном и ванной. Кочелаево в шести часах езды по железной дороге к западу от Саранска. Лица, которые улыбаются со стен, — это все кочелаевские. Недаром одна колхозница, осматривая в 1952 году в Москве выставку работ своего земляка, одобрительно заметила: «Смотри-ка! Всю деревню сюда привез».

На стенах мастерской большие полотна, премированные на выставках, неоднократно воспроизводившиеся в журналах. Излюбленный мотив Федота Васильевича, повторяющийся и в картинах, и в эскизах, и в этюдах, — традиционная народная забава — катание с гор на санках. Ритм и движение, плавное и в то же время стремительное, даже как будто свист ветра слышится, морозные иголки колют разгоряченные щеки.

Федот Васильевич рассказывает о самых своих первых шагах. К рисованию тянуло неудержимо. Угольком, мелом, чем попало, но рисовал. Работал у иконописцев, иногда очень талантливых деревенских мастеров. О способностях мальчика услышал здешний богатый помещик генерал Арапов. Юному художнику поручили первую настоящую работу — написать маслом картину, изображающую торжественный молебен по случаю открытия железной дороги (дорога проходила по генеральским землям). Картина понравилась. Она и сейчас висит здесь, в столовой: наивная еще, тщательно сделанная композиция, множество добросовестнейше выписанных фигурок.

Юноша едет в Петербург, в школу Общества поощрения художеств. Потом Академия, мастерская Репина. О Репине Федот Васильевич вспоминает с благоговением:

— Идет по коридору, так видно, что идет художник. Всегда собранный, озабоченный. Никаких шуточек: искусство — не развлечение. В суждениях был скор, резок, но справедлив. Принесешь, бывало, этюдик, ну, совсем пустяковину. Смотрит, думает, как будто ему картину принесли. Скажет: «Вот тут поправь, а тут хорошо...» Всегда всерьез говорил. Уважал нас, студентов. Я на квартире у него бывал, ученические свои работы приносил. Некоторые нравились. Но так, просто, самому начать разговаривать не решался, не смел: Репин ведь!

Перебираем старые фотографии, открытки.

Одна из открыток — репродукция превосходного портрета работы Сычкова. Этой открытке уже лет пятьдесят.

— Это парнишка, сосед наш по Кочелаеву, — поясняет Лидия Васильевна. — Он и сейчас живет здесь, в Мордовии. Недалеко от Кочелаева, на станции кладовщиком работает, Яков Власович Ющалкин.

На открытке — деревенский мальчик в красной рубашке. Он чуть прищурился на солнце — умный взгляд. Чтобы так увидеть характер простого кочелаевского мальчишки, надо было действительно безупречно знать и любить русскую деревню.

У окна, повернутый к нам изнанкой, большой холст. Просвечивает начатая композиция.

— А это что, Федот Васильевич?

— Это? Картину готовлю к сорокалетию Советской власти. Здесь еще пока один замысел. Буду по натуре писать.

Просим показать. На холсте свободно проложенные, местами чуть намеченные фигуры. Отдых бригады в поле.

— Быстрей писать надо. Зима помешала, а то бы уж заканчивал. Впрочем, работы и без того хоть отбавляй. Авторскую копию «Учительницы-мордовки» музей заказал.

Через два дня на станции Ковылкино я встретился с кладовщиком межрайбазы Яковом Власовичем Ющалкиным, тем самым, который мальчиком изображен на открытке. Якову Власовичу все шестьдесят. Высокий, широкоплечий, краснощекий. Ему от силы можно было дать лет сорок пять.

— С Сычковым мы соседи были,— говорит Ющалкин. — Все, бывало, за яблоками к ним лазили. Ох, и гонял он нас! Нелегкий человек, строгий. Но и то сказать, работа! Я вот, например, кладовщик, ответственность материальная, всякие хлопоты, беспокойство. Но все-таки у меня инструкции есть, начальство. Все, в общем, ясно, как божий день. А тут каждую картину придумать надо. Придумать и нарисовать, и чтобы хорошо было. Никто тебе не приказывает, сам себе приказывать должен. И так всю жизнь, отдыху никакого. Отсюда и суровость. Правду говорят, творчество!

А. ГАСТЕВ

Стихи о Севере

ИВАН МОЛЧАНОВ

Люблю просторы Северной Двины!
Люблю я ночи белые в июне;
Там небеса как будто из латуни,
Там зори нескончаемо длинны.

Там норд с волной заводит разговоры,
Там звонки родниковые ручьи;
Там седовласый город Холмогоры
Хранит преданья древние свои.

Да что преданья!
В нашу жизнь вглядись
И в труд людей, размашистый и рьяный:
Не в небесах созвездия зажглись,—
Там звезды золотые прижились
На кофточках у статных северянок.

Умельцами богатая сторонка!
Там чернью серебро чеканят звонко
И шутки ради — что тут толковать! —
Блоху свободно могут подковать.

Там мастера
из мамонтовых бивней
Таких тебе наделают чудес,
Что глаз не оторвешь!
У светлых ливней,
У зорь забрал узоры косторез.

А песни наших северных широт!
В них свет сердец и музыка лесная;
Они легки, как прялка расписная,
Они теплы, как северный народ...

Плывут расшивы-лодки — песня льется,
Плывут плоты — поет сама река.
На островах дымок кудрявый вьется,
Несется в сини песня рыбака.

Поет он о глазах, о светлых косах,
О силе наших дум и наших дел.
Так юный холмогорец Ломоносов,
Латая сеть, о синем море пел.

Так в юности моей и мне, бывало,
Былины Марфа Крюкова певала
О том, что в ураганы и в туман
Ходили мореходы на Грумант,

О том, что, покоренные цингою,
К родным не возвращались берегам;
О том, что замерзали китобои
С проклятьями
богатым и богам...

Люблю просторы Северной Двины,
Грудастые, большие пароходы,
На сотни верст раскинутые воды,
Наполненные запахом сосны.

Я кланяюсь вам, близким и далеким!
Вам, за рекой стоящие стога,
Вам, кручи ягодные с ельником высоким,
Вам, меловые чудо-берега!

Вы сохранить мне в сердце помогли
Любовь огромную
к народной песне милой;
Для песни той, как день, ширококрылой
Мою вы в далях юность сберегли.

Я верен вам.
И верности большой
Я до заката дней не растранжирю:
Теплей мне жить в огромном этом мире
С моей таежной,
северной душой!

Ф. В. Сычков. КАТАНИЕ С ГОРЫ. 1920 год.

Ф. В. Сычков. У ИЗГОРОДИ. 1927 год.

Ф. В. Сычков. УЧИТЕЛЬНИЦА-МОРДОВКА. 1937 год.

Уральская Театральная весна

Когда на улицах Свердловска появились яркие плакаты-анонсы с поэтическим названием «Уральская театральная весна», многие высказывали недоумение. Появление сводной репертуарной афиши внесло ясность. Уральская театральная весна — это весенний смотр творческих успехов театров Урала.

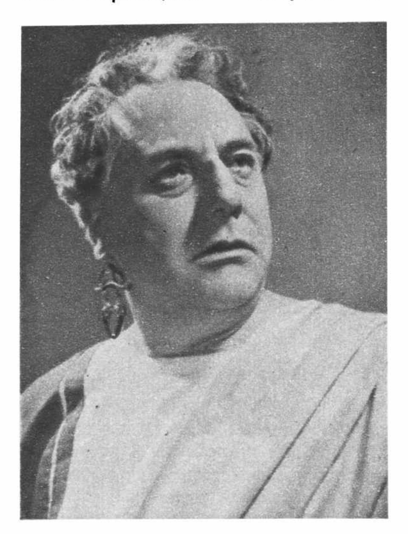
В прошлом году такая театральная весна впервые была проведена в Прибалтике. Она прошла с успехом, оставила хороший след, и теперь у нас начинают становиться традиционными широкие весенние смотры театров страны. За Уральской весной прошла Московская, затем шла Волжская, готовится — Республик Закавказья...

В течение пяти недель в Свердловской, Челябинской, Молотовской, Курганской и Тюменской областях происходили показы спектаклей различных жанров. Выступали не только большие театры — оперные, опереточные, драматические, но и самые маленькие — кукольные. В Уральской весне приняли участие театры разных «возрастов»: старейшие Свердловский и Молотовский театры оперы и балета соревновались с самым юным уральцем, которому нет и года, Челябинским оперным имени Глинки.

Рядом с такими хорошо известными в стране, как Свердловский, Челябинский, Молотовский драматические театры, выступали Курганский и Тюменский театры драмы, которые мало еще выезжали за пределы своих областей. На весенний смотр послали свои театры крупнейшие промышленные центры Урала: Магнитогорск и Нижний Тагил, Златоуст и Березники, Кизел и Лысьва, Серов и Каменск-Уральский.

Самым «почтенным» участником смотра оказался Ирбитский драматический театр. Он начал свою историю в 1846 году постановкой «Ревизора». На его сцене выступали прославленные русские артисты В. Н. Давыдов и В. Ф. Комиссаржевская, многие другие выдающиеся мастера. Свой 111-й театральный год Ирбитский театр отметил спектаклем «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского. Эту же постановку он привез на Уральскую театральную весну.

Интересным оказалось и знакомство с Коми-Пермяцким театром, прибывшим из города Кудымкара, Молотовской области. Двадцать шесть лет назад вырос этот коллектив из небольшой национальной студии. Сейчас его спектакли идут и на русском и на коми-пермяцком языке. Труженик-театр городка, расположенного в 100 километрах от железной дороги, находится вечно в поездках, исколесил весь свой округ, побывал в самых отдаленных районах области. Его можно встретить и в колхозе, и на лесоучастке, а летом в плавучем клубе. Спектакль «Горе от ума» А. С. Грибоедова, показанный Коми-Пермяцким театром на

«Антоний и Клеопатра» В. Шекспира в Свердловском драматическом театре. В роли Энобарба — народный артист РСФСР М. Буйный.

смотре,— свидетельство достаточно высокой его культуры.

Участники смотра — 30 театров Урала — показали более 100 спектаклей. Затем лучшие из них были продемонстрированы в Свердловске на заключительном этапе Уральской театральной весны.

Своеобразный праздник искусства всюду вызвал живой интерес. Из самых отдаленных уголков Урала в областные центры шли письма, в которых задавались вопросы о ходе творческого соревнования. Население каждого города считало очень важным, чтобы именно их театр был показан как можно лучше.

Когда в Свердловск отправился Челябинский театр, начался весенний паводок. Поезд шел с опозданием на 8 часов. Ясно, что это повлекло бы за собой срыв программы смотра. Узнав об этом, железнодорожники дали поезду «зеленую улицу», и спектакль начался с минимальным опозданием — всего на 30 минут.

Окончилась Уральская театральная весна, прошли обсуждения спектаклей, подведены итоги. Лучшими постановками признаны: «Клоп» В. Маяковского в Челябинском драматическом, трагедия В. Шекспира «Антоний и Клеопатра» в Свердловском драматическом, оперетта «Марк Береговик» по сказу П. Бажова в Свердловской музыкальной комедии и спектакль-сказка челябинских кукольников «Птичье молоко».

Смотр окончен, вновь в разные стороны разъехались театральные коллективы: одни держали путь домой, другие на гастроли. Всюду их ждал зритель. После весны всегда наступает лето — пора цветения. Зрители Урала ждут теперь от своих театров яркого расцвета всего того, что дало первые ростки во время Театральной весны.

Ю. РАЛЬФ

«Марк Береговик» по сказу П. Бажова в Свердловском театре музыкальной комедии. Татьяна — А. Кузнецова, Марк — М. Мазаев.
Фото В. Засыпкина.

«Клоп» В. Маяковского в постановке Челябинского драматического театра.

НА БЕРЕГАХ ИОРДАНА

Николай ДРАЧИНСКИЙ
Специальный корреспондент «Огонька».

Фото автора.

Цепь

Иерусалимский юрист Мустафа эль-Фари именовался устазом — так на Арабском Востоке называют человека ученого. Устаз эль-Фари водил меня по крутым и узким улочкам старого Иерусалима — удивительного города, где каждый камень окутан древними легендами, где на каждом шагу — следы истории разных времен и многих народов. А когда мы оказались в одном из самых почитаемых мест Иерусалима, близ мечети Омара ибн-Хоттаба, он привел меня в ротонду, которая казалась небольшой рядом с грандиозным храмом.

— Видите эту цепь?

Я посмотрел вверх. С купола, украшенного арабесками, свисала цепь. Очевидно, она была бронзовая или медная и густо позеленела от времени и непогоды.

— Здесь в древности царь Соломон вершил свой суд,— продолжал устаз.— Каждому мудрецу — свои чудеса, и у царя Соломона была эта цепь. Обвиняемый проходил под ней. Если он говорил правду и был невиновен, она поднималась. Если он лгал, цепь опускалась, преграждая ему дорогу. Однажды некий купец одолжил у другого двадцать золотых, долг не вернул, и они предстали перед судом. Накануне хитрый купец выдолбил в своем посохе углубление и спрятал в нем двадцать золотых. Когда царь приказал ему пройти под цепью, купец попросил жалобщика подержать на это время его палку с укрытыми в ней золотыми, поклялся, что деньги вернул и прошел под цепью. Она поднялась... Правда, обман был разгадан, но цепь с тех пор висит без движения.

— Я думаю,— улыбнулся устаз,— что если б сейчас под этой цепью провести проповедников доктрины Даллеса — Эйзенхауэра, то даже после стольких лет бездействия она опустилась бы, чтобы преградить им дорогу.

Затем он добавил:

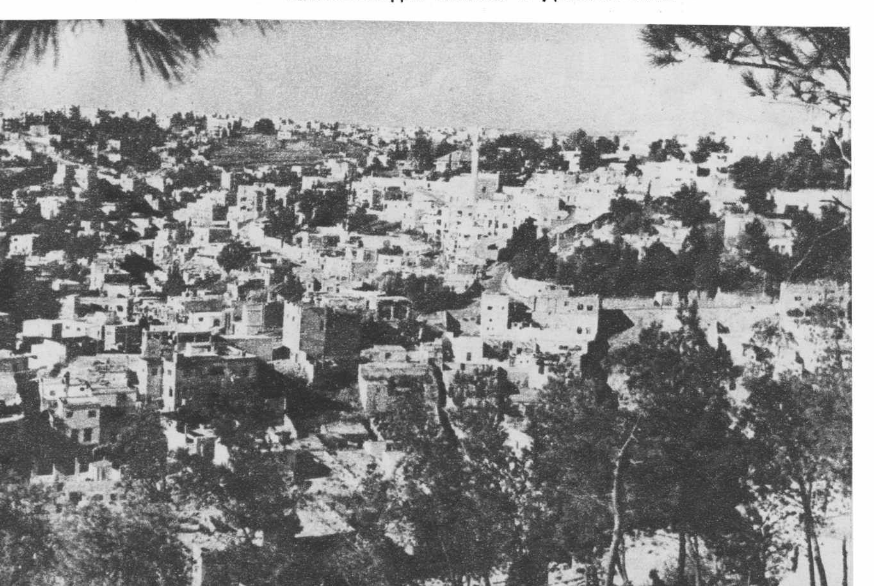
— Не кажется ли вам, что сейчас злокозненный американский посох пытаются передать в другие руки, чтобы сбить с толку силы народного сопротивления, которые борются против заокеанского вмешательства в дела арабских стран?

Древнюю легенду о цепи я знал раньше. Но своеобразная интерпретация ее устазом эль-Фари показалась очень жизненной сейчас, когда на маленькую страну Иорданию, на седые стены Иерусалима нацелены управляемые ракеты 6-го американского флота.

Мужественный иорданский народ ценою долгой борьбы и немалых жертв только что сбросил ярмо британского господства. Едва он вздохнул полной грудью, как новые, теперь американские империалисты пытаются снова надеть на него ярмо колониального рабства. Распущен парламент, избранный народом; политические деятели, которые не хотели продавать свою страну за американские доллары, заключены в тюрьмы и концентрационные лагеря. Американцы хозяйничают в стране, прикрываясь именем юного короля Хусейна... Посох временно передан в другие руки...

Чтобы как-то прикрыть свое грубое и недопустимое вмешательство в дела небольшого народа, адвокаты колонизаторов прибегают к примитивным выдумкам.

Так выглядит Амман с Джабел-Кала.

Вечером 2 мая парижское радио поведало своим слушателям:

«...Другим лицом, также сыгравшим роль в иорданском кризисе, является корреспондент Драчинский, находившийся в январе в Аммане и предложивший Набулси свою помощь в его конфликте с королем. Драчинский служил в 1956 году советником по делам пропаганды при египетском правительстве».

Во всем этом бредовом наборе слов правильно только одно: я действительно побывал в Иордании.

Осенью прошлого года редакция журнала «Огонек» выразила желание послать в Иорданию своего корреспондента, чтобы рассказать читателям об этой малоизвестной у нас стране. Несмотря на то, что между СССР и Иорданией нет дипломатических отношений, а во главе иорданского правительства в то время стояли люди, известные своими симпатиями к Западу, согласие было дано. Осенью я вылетел в Каир, чтобы там получить визу. Я уже собирался двинуться дальше, в Амман, как вдруг тихим октябрьским вечером на Каир посыпались англо-французские бомбы. Поездку в Иорданию пришлось отложить до конца бесславной интервенции.

Я прилетел в Бейрут в то время, когда туда инкогнито прибыли из Аммана лидеры иорданской партии «Мусульманское братство» и бывшие премьеры Хазаа Маджали и Самир Рифаи, свергнутые народом слуги колонизаторов. В роскошном бейрутском отеле «Сен-Джорж» они тайно совещались с американскими представителями. Отель стоит на самом берегу моря. Из его широких окон можно было видеть огни американских крейсеров, стоявших в бухте. Отвергнутые народом политиканы меняли хозяина: до этого они служили англичанам и теперь готовили иорданцам новые цепи.

Граница

В шумном торговом Бейруте я познакомился с врачом Халилем Тагом — веселым толстеньким человеком, странным образом соединявшим в себе горячность и философскую рассудительность, почти детскую наивность и зрелые мысли образованного человека. Он хорошо знал арабскую историю и культуру, великое прошлое своего народа и верил в его будущее. Свой отпуск доктор Таг всегда проводил в путешествиях, причем маршруты поездок неизменно пролегали по арабским странам. Оказалось, что доктор тоже собирается в Иорданию, и мы решили ехать вместе.

...Машина остановилась у шлагбаума, сооруженного из металлических труб, которые употребляются при бурении артезианских скважин. Рядом на высоком шесте хлопал на ветру штандарт Хашимитского королевства Иордания. Здесь уже столпилось несколько грузовиков, большой автобус, легковые автомобили. Шумный торговый люд шнырял с лотками около машин. Слева, в приземистом каменном доме, помещались пограничные власти.

Я подал в окошко свой документ. Сержант в характерной форме арабского легиона, повертев его в руках, спросил:

— Это что?

— Паспорт.

— Я понимаю. Какая страна?

— Советский Союз.

— Россия? — сержант привстал от неожиданности. Он долго рылся в бумагах, просматривал какую-то картотеку, стоявшую в длинном ящике на столе, потом пошел к офицеру, сидевшему в отдельном кабинете за стеклянной дверью. Видно было, как тот, держа мой паспорт, звонил кому-то по телефону. Наконец сержант вернулся и поставил в паспорте квадратную фиолетовую печать.

— Первый раз видим русский паспорт, — сказал он.

В соседнем зале помещалась таможня. Здесь толпилось много народу. Длинная очередь стояла к бородатому врачу в чалме, который короткой иглой сосредоточенно царапал людям обнаженные руки. Была угроза эпидемии оспы, и тем, кто не имел сертификата, прививка делалась тут же.

Чиновники таможни, узнав, что я из Советского Союза, горячо жали руки, говорили дружественные слова. И уже невозможно было отказаться от традиционной чашечки крепкого черного кофе. Один из таможенников сказал на прощание, приложив руку ко лбу и сердцу:

— Арабы никогда не забудут братской помощи Советского Союза в борьбе Египта за независимость.

Окончены формальности. Полицейский в защитном шлеме с блестящей металлической иглой наверху крикнул: «Ахмет, открой!»

Слова его относились к чумазому пареньку, стоявшему у шлагбаума. Ахмет подошел к машине и сказал, что за открытие шлагбаума нужно уплатить ему двенадцать фильсов.

— Почему именно двенадцать, а не двадцать пять? — спросил доктор Таг.

Паренек на мгновение смутился, но потом бойко объяснил, что не будет возражать, если мы дадим больше. У шлагбаума он дежурил в порядке самодеятельности и старался собрать посильный магарыч со странствующей публики. Впрочем, когда он приблизился к грузовику, следовавшему за нами, шофер просто дал ему подзатыльник.

Металлическая труба поднялась, и мы въехали в Иорданское Королевство...

Дорога шла между округлыми каменистыми холмами. На склоне одного из них трудился крестьянин. На двух осликах, впряженных в деревянную соху, он пахал землю, разлившуюся красноватыми ручьями среди серых камней. Дальше мы увидели колонну грузовиков с солдатами. Вот прилепилась на косогоре серая деревенька с минаретом в центре. За ней военный лагерь, обнесенный колючей проволокой.

После этого я проехал по Иордании еще много километров. Видел замечательные памятники культуры, руины некогда величественных городов, разговаривал со многими людьми, образованными и неграмотными, но первое впечатление о стране так и осталось в памяти неизменным. Иордания — землепашцы и солдаты.

Амман

Столица Иордании — это пять высоких холмов с крутыми каменистыми склонами, застроенными домами. На дне долины, огибая эти холмы, текут главные городские магистрали и пересыхающая речушка Вади-Амман.

Мы приехали в Амман вечером, когда на улицах и в окнах уже зажглись желтые огни. Дома, громоздившиеся один над другим по склону Джабел-Кала, создавали зрительную иллюзию одного колоссального многоэтажного здания. Рядом с отелем «Филадельфия» возвышались величавые руины древнеримского цирка. У подъезда благоустроенного современного отеля — автомобили новейших моделей, а напротив, на крутом горбе Джабел-Джаф, в пещерах живут палестинские беженцы и разорившиеся крестьяне.

...С самой высокой точки амманского пятигорья — горы Джабел-Кала — Амман выглядит молодым и новым. Нашествия завоевателей, время и землетрясения стерли следы старых строений. Лишь водопроводчики, роя канавы, выкапывают из-под земли то мраморную руку греческой богини, то медный шлем древнего воина.

Солдаты Арабского легиона

Став в 1922 году столицей Иордании, Амман начал быстро разрастаться. Никто точно не знает, сколько сейчас в нем жителей, но сведущие люди считают, что их около двухсот тысяч.

В центре города, на улице короля Фейсала, — небольшие, но самые дорогие магазины. Они торгуют почти исключительно английскими товарами. А неподалеку, на площади у древней мечети Эль-Хусейн, с утра до вечера гудит громогласный восточный базар.

Доктор Таг подвел меня к одной из многочисленных лавочек, торговавших старьем. Прямо над тротуаром болтались развешанные штаны, пиджаки, платья.

— Обратите внимание на этот американский бизнес, — сказал доктор. — Это ветхое тряпье отнюдь не местного происхождения, оно привезено из-за океана. В Бейрутском порту часто разгружаются пароходы с таким «товаром». В Штатах он покупается на вес, а здесь его продают как платье, наживая немало долларов.

Большинство жителей Аммана носит ныне одежду европейского покроя. Однако национальный головной убор — свободно наброшенный платок, схваченный на макушке двумя черными шнурами, — видишь повсеместно. Женщины появляются на улицах в черных длинных одеждах. Лицо, как правило, закутано легкой темной тканью. Впрочем, обычай этот распространен лишь в городах. Жены феллахов ходят с открытым лицом.

В боковых, круто поднимающихся в гору улочках трудятся многочисленные ремесленники. Промышленности, кроме небольшой бисквитной фабрики, в городе нет.

Шумные днем, тесные, амманские улицы быстро затихают и пустеют с наступлением темноты. Лишь в маленьких арабских кофейнях засиживаются люди, слушая радио, толкуя о новостях.

В пяти кинотеатрах города идут главным образом американские фильмы. Но у входа в кино «Джордан» я увидел большую афишу: «Смотрите «Отелло» — русский фильм, затмивший Голливуд!»

Пекарь Абдалла

Близ гостиницы, где я жил, помещалась пекарня Абдаллы. Возвращаясь в гостиницу, я проходил мимо пекарни, и всякий раз Абдалла еще издали выкрикивал своеобразное, но неизменное приветствие: «Салям-алейкум! Булганин койс! Шепилов койс!» («хорошо»).

Поддержка, оказанная Советским Союзом Египту во время англо-французской интервенции, вызвала на Арабском Востоке горячую волну симпатий к советскому народу. Эти симпатии иногда проявляются весьма своеобразно. Однажды я побывал в лагере палестинских беженцев, где живет двенадцать тысяч человек. Там мне показали четырех недавно родившихся детей. Они были наречены знакомыми именами: один — Булганиным, второй — Хрущевым и двое — Шепиловыми. Я понял, что темпераментное приветствие Абдаллы не было исключением: его мне приходилось часто слышать на дорогах Иордании.

В пекарне Абдаллы, густо запудренной мукой, на стене висело два портрета: короля Хусейна и президента Насера. Абдалла очень любил обсуждать политические проблемы. Вряд ли еще в какой-нибудь стране поголовно все население с таким жаром обсуждает политические вопросы, как в Иордании.

— Раис Гамаль, — говорил пекарь о президенте Египта, — поднял арабам голову. Мы его любим и чтим за это. Слава Аллаху, у нас теперь и король хороший. Он прогнал англичан и Глабба. А перед этим мы уже стали думать, что он за иноземцев, люди роптали на короля, — сообщил он доверительно.

Я узнал, что раньше портрета короля в пе-

В иорданской деревне.

карне не было: появился он 2 марта прошлого года.

— Если вы посмотрите на кипящий котел, то увидите лишь малое подобие того, что было в Иордании в прошлом году,— продолжал Абдалла.— Все, что имеет начало, имеет и конец, кроме милости Аллаха. Настал конец и власти англичан на нашей земле. Народ больше не смог терпеть этого...

В то время империалисты хотели втянуть Иорданию в агрессивный Багдадский пакт. Для этой цели было создано марионеточное правительство. В Амман приехал начальник английского генерального штаба Темплер и хвастливо заявил: «Я не уеду, пока не будет подписан Багдадский пакт». Но ему вскоре пришлось убраться не солоно хлебавши.

Могучие демонстрации протеста и забастовки охватили всю страну. Забастовали даже заместители тех министров, которые уже обмакнули перья в чернила, чтоб подписать кабальный договор. В движение пришла вся страна, весь народ. Глабб бросил против демонстрантов части Арабского легиона. Только во время одной из демонстраций в Аммане было убито 72 человека; 17-летняя девушка Хасен, которую сейчас народ называет Роза Иорданская, была убита в столице, когда она срывала иноземный флаг.

В Аммане и других городах было объявлено осадное положение. По улицам разрешалось ходить лишь два часа — с десяти до полудня. Но и в эти часы люди не шли за хлебом в пекарню Абдаллы, а выходили на демонстрацию.

— Это происходило прямо против моей пекарни,— рассказывал Абдалла.— Здесь стоял танк, а в башне его был молодой офицер-араб. Он смотрел на приближавшуюся к нему демонстрацию, и было видно, как он волнуется. Ведь глаза человека — это ворота души его. Тысячи людей, что шли по улице, гневно кричали и стали кидать камни в танк. Один из них рассек офицеру щеку. «Так мне и надо! — закричал офицер.— Я предавал свой народ. Бейте меня!» И он подставил другую щеку. Люди шумели, никто не расслышал его слов, и второй камень попал в него. Офицер обнажил грудь и снова заговорил: «Я сын шакала, воевал против своего народа. Я должен искупить свою вину!» Тогда я выбежал вперед и крикнул: «Остановитесь, люди! Он за народ!» Люди кинулись к офицеру, стали его обнимать. «Да здравствует братство народа и армии!» — кричали вокруг.

Армия, созданная и вымуштрованная английским ставленником Глаббом специально для борьбы с национальным движением, отказалась стрелять в народ.

Утром 2 марта Абдалла услышал известие, которое облетело всю страну. Король Хусейн подписал указ об изгнании из страны Глабба и других английских офицеров. В этот день Абдалла пошел к лоточнику Хашиму, купил у него за шесть фильсов портрет короля и повесил в пекарне.

«Ордон» и янки

Большая комната загромождена столами, в воздухе неповторимый запах свежей типографской краски. Здесь помещается редакция газеты «Ордон» — десять журналистов и пять письменных столов; столы завалены свежими оттисками, телеграммами, бюллетенями информационных агентств.

Редактор-издатель Ибрагим Халиль Наср показал на стену, где висел портрет пожилого человека с большими усами и высоким лбом:

— Это мой отец. Он основал нашу газету — самую старую в королевстве.

Газета «Ордон» («Иордания») начала выходить еще в 1909 году в Хайфе. С 1924 года она издается в Аммане. Старый Наср, необыкновенный энтузиаст журналистики, вложил в эту газету все свое состояние и оставил в наследство четырем сыновьям типографию и наказ продолжать его дело.

Издательство никогда не давало существенного дохода, и иногда редактору, врачу по профессии, и его брату, инженеру, приходится пополнять бюджет газеты из личных заработков.

Сейчас у газеты примерно шестнадцать тысяч читателей.

— Если учесть, что во всем королевстве не более шестидесяти тысяч читателей газет, то согласитесь, что у нас их не так уж мало,— говорит редактор.

В типографии у высоких касс наборщики проворно набирали последние сообщения. Редактор объяснил, что королевство еще не достигло такого развития, чтоб иметь линотипы.

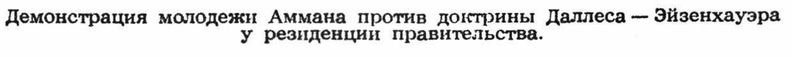
Дверь, которая вела в типографию, сильно обгорела, закопченные стены вокруг хранили следы пожара.

— Наша газета выступала против Багдадского пакта, против Глабба,— сказал Ибрагим Наср.— Однажды «неизвестные люди» (впрочем, хорошо известные английские агенты) ворвались в типографию и подожгли ее. Здесь разыгралась целая битва между рабочими и поджигателями. Рабочие прогнали провокаторов и потушили пожар... Сейчас нам угрожают новыми неприятностями,— добавил редактор, когда мы пришли в его кабинет, который служил одновременно и приемной врача.

Газета «Ордон» не принадлежит какой-либо партии, хотя некоторые партии предлагали купить ее за солидные суммы. Политическая платформа «Ордона» — национальная независимость: арабская страна — для арабов.

— Поэтому мы выступаем против доктрины Эйзенхауэра,— продолжал Наср.— Но это вызывает сильное недовольство американских людей здесь, в Иордании. Недавно меня вызывали к послу США, но я не пошел. Тогда они стали обрабатывать наших сотрудников. Одному предложили бесплатно поехать на три месяца в Штаты. Другому угрожали какими-то репрессиями. Два дня назад меня снова позвали в американский информационный центр, здесь, в Аммане. Я пошел. Атташе из посольства сказал мне: вам надо помириться с нами, тогда мы поможем вашей газете.

Я ответил, что мы выступаем не против Америки, а против империалистических тенденций. Беседа ни к чему не привела. Атташе стал угрожать, что пожалуется правительству. Я ответил, что правительство разделяет наши взгляды. «Правительства в Иордании часто меняются,— заявил разгневанный дипломат.— И вы еще пожалеете о своем упрямстве».

Демонстрация молодежи Аммана против доктрины Даллеса — Эйзенхауэра у резиденции правительства.

Достоевский и полиция

Собираясь в поездку по стране, мы с доктором Тагом отправились к директору департамента туризма, чтобы посоветоваться о маршруте. Тогда я еще не знал, что именно в это время начальник полиции обратился в правительство с ходатайством, чтобы «русскому журналисту было запрещено выезжать куда-либо из Аммана». По его понятиям, этого требовали интересы «безопасности королевства». Но в правительстве рассудили, что если советский журналист увидит реку Иордан, «Храм Гроба Господня» в Иерусалиме или раскопки древнего города Герассы,— никаких потрясений в королевстве не произойдет.

Директор сидел за столом и читал книгу.

— Вот интересуюсь советской литературой,— сказал он, указывая на книгу. Это было английское издание «Братьев Карамазовых» Достоевского.

— Да, я понимаю, что книга эта написана давно, до революции. Но несколько месяцев назад, при Глаббе, и это было запрещено. Все, что исходило от вас, из России, считалось коммунистической пропагандой. Человека, у которого нашли бы эту книгу, могли посадить в тюрьму. И сажали! А сейчас все очень хотят знать о жизни в России, но трудно достать какую-нибудь литературу. Скажите, почему у нас нет ваших книг, газет, журналов?

Такие вопросы приходилось слышать десятки раз от самых различных людей.

Продавец из книжной лавки на улице эс-Салт рассказывал мне, что едва ли не каждый покупатель спрашивает книги о Советском Союзе. Он пытался кое-что выписать из Бейрута, но книги пропали по дороге. «Полиция...» — развел он руками.

— Зато американцы заваливают нас своими изданиями,— продолжал букинист.— Вот смотрите: эти шестнадцать больших книг продаются всего за один динар. Но спрос невелик. Скажите, почему я не могу продавать русские книги, если люди хотят их читать?

Я хотел было посоветовать букинисту обратиться с этим вопросом к шефу полиции, но потом раздумал: шеф еще, чего доброго, сочтет это вмешательством во внутренние дела королевства...

Последние сообщения из Иордании говорят, что там сейчас восторжествовал начальник полиции. Неизвестно только, успел ли он уже, подобно Глаббу, объявить Достоевского «коммунистическим агитатором».

Впрочем, сам Джон Глабб, незадолго до его изгнания, с горечью говорил: «С 1948 года Великобритания израсходовала 90 миллионов фунтов стерлингов в Иордании. Россия не израсходовала ни копейки, но ее популярность увеличивается...»

Заговор

Мы с доктором двинулись в Иерусалим через долину реки Иордан. Но в этот день мы не сразу смогли выехать из столицы. Путь преграждала огромная демонстрация амманской молодежи, двигавшаяся по эс-салтскому шоссе. Демонстранты непрерывно скандировали лозунги против доктрины Даллеса — Эйзенхауэра. Перед резиденцией правительства они устроили митинг. Человек, взобравшись на ограду, говорил: «Народ не даст надеть на себя новое ярмо; мы только освободились от британского господства, а к нам уже снова лезут новые колонизаторы!»

Толпа одобрительно гудела: «Долой империалистический план! Да здравствует единство арабских стран!» Затем демонстранты отправились к американскому посольству, чтобы вручить петицию протеста.

В это время посольство США ежедневно получало тысячи писем и петиций от иорданцев, протестующих против американского империалистического плана. В городе Иерихоне подписи населения под протестом заняли шестнадцать метров бумаги. Ни одна иорданская газета не выступила в поддержку доктрины Даллеса — Эйзенхауэра.

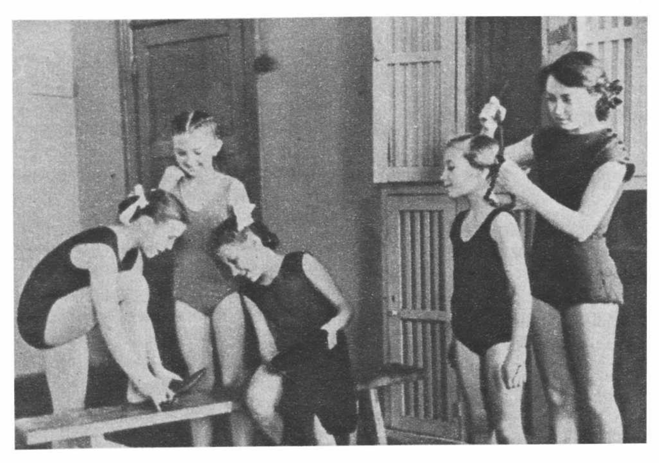
Целый батальон клерков в посольстве США не мог бы ответить на этот ливень письменных протестов. Тогда дипломаты отпечатали в типографии массовым тиражом стандартный ответ на прямоугольной карточке с гербом Соединенных Штатов. В нем в льстивых выражениях говорилось, что вы-де не поняли высоких мотивов американского плана...

В это же время в посольстве тщательно подготавливался коварный план удушения независимости, только что завоеванной народом Иордании.

Гимнасты МАГНИТКИ

Разминка перед началом урока.

Через пять минут начнутся занятия.

В прошлом году летом в Москве проводилась Всесоюзная спартакиада учащихся. На стадионе Юных пионеров соревновались молодые гимнасты.

Зрители с увлечением смотрели на школьников, выступавших по разряду мастеров.

Вот закончились упражнения на перекладине. Судья-информатор объявил по микрофону:

— Первое место занял Виктор Лисицкий.

Ни зрители, ни специалисты, знавшие наперечет всю молодую гимнастическую поросль, никогда не слышали этой фамилии.

— Откуда этот Лисицкий? — спрашивали они друг друга.

Соревнования меж тем продолжались. Закончились упражнения на кольцах. И снова звучит в микрофоне фамилия победителя — Виктора Лисицкого.

Он же вышел победителем в соревнованиях на брусьях и в вольных упражнениях. В итоге, набрав наибольшее количество баллов, Виктор Лисицкий завоевал звание сильнейшего гимнаста страны среди школьников.

Все-таки откуда же взялся этот молодой гимнаст?

...Несколько лет назад в детской гимнастической секции Магнитогорского металлургического комбината появился тринадцатилетний паренек.

На первых же уроках выявилась неприспособленность Виктора Лисицкого к занятиям гимнастикой.

— В моей практике не приходилось встречать более нескладного юношу, чем был в ту пору Виктор,— говорит сейчас старший тренер школы Александр Васильевич Михалев.— Дважды отчисляли мы его из школы за спортивную неподготовленность, но в конце концов, покоренные его настойчивостью и трудолюбием, оставили.

Немало затратил он времени и труда, пока добрался до первой ступени спортивного мастерства и выполнил наконец второй юношеский разряд по гимнастике. А дальше дело пошло значительно быстрее.

Детская гимнастическая школа Магнитогорского металлургического комбината воспитала много молодых спортсменов.

Школьница Майя Соловьева окончила в прошлом году десятилетку и была зачислена в Московский государственный университет. Одновременно Майя подвела итоги своего обучения в гимнастической школе. Ей было присвоено звание мастера спорта СССР.

Ее подруга Оля Родионова, воспитанница той же спортивной школы, — чемпионка общества «Металлург». Она также готовится выступать в этом году по разряду мастеров.

Более 150 детей и подростков занимаются гимнастикой в спортивной школе Магнитогорского комбината. Большой популярностью пользуются они среди металлургов.

Пятьдесят раз выступали юные гимнасты на вечерах новаторов производства, в интернатах, в ремесленных школах.

Рабочие многих цехов комбината — обжимного, цементного, чугунолитейного, автоматики и других — смотрели показательные выступления юных гимнастов в красных уголках, непосредственно в цехе, во время перерывов и по окончании смен.

Пропагандируя гимнастический спорт, учащиеся школы неоднократно выступали в парке металлургов, в пионерских лагерях, в средних школах города.

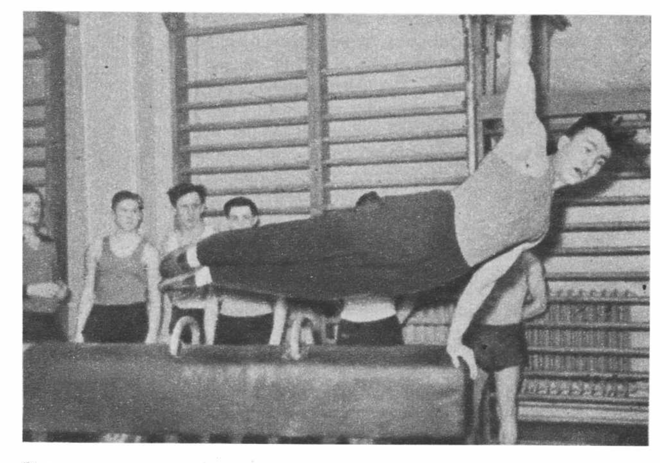
Пятьдесят восемь квалифицированных спортсменов и 18 судей подготовлено в школе в прошлом году.

Мы присутствуем на очередном занятии школы. Большой светлый зал Дворца культуры металлургов заполняют юные гимнасты. Малыши, внимательно приглядываясь к старшим, старательно проделывают облегченные упражнения вступительной части урока — разминки.

Под звуки рояля проделывают вольные упражнения ученицы 8-го класса. Их движения легки и уверенны.

В другом углу тренируются на кольцах десятиклассники.

А. ШАФРАН

Упражнение на гимнастическом коне выполняет Виктор Лисицкий.

КРУГ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Заметки о розыгрыше первенства СССР по футболу

Когда смотришь на турнирную таблицу, на игру лидирующих команд, невольно вспоминаешь, что в довоенные годы основная борьба за звание чемпиона шла между двумя постоянными московскими соперниками: «Динамо» и «Спартак».

В первые годы после войны к ним присоединился коллектив ЦДКА. Кроме этих футбольных клубов, никому до сих пор не удавалось завоевать почетного знамени чемпиона страны.

Нынешний сезон не похож на прошлые. Первая его особенность — большое число лидеров. Их теперь по крайней мере семь. К московским командам присоединились динамовцы Киева и Тбилиси.

Девять туров сыграно. Осталось провести по одной или по две игры до окончания первого круга розыгрыша.

В данный момент на первом месте идет дружный коллектив киевского «Динамо». За ним — его московские и тбилисские одноклубники, потом столичный «Спартак», армейские футболисты, «Торпедо» и «Локомотив». Интересно, что разница между первым и седьмым местом определяется лишь в четыре очка.

Выход киевлян на первое место — факт примечательный. Успех украинских футболистов, на мой взгляд, не является случайным. В прошлые годы мы всегда в игре киевских динамовцев видели попытку усилить оборонительные линии за счет линии наступательной. Они открыто провозглашали защитный вариант, при котором линия полузащиты усиливалась одним из нападающих (им, как правило, был М. Коман). Таким образом, атаку вели только четыре форварда. Это не могло принести решающего успеха. Взгляните на прошлогоднюю турнирную таблицу, и вы увидите, что киевляне после первого круга занимали лишь шестое место и имели пассивное соотношение вбитых и пропущенных мячей.

В нынешнем году состав команды не изменился, но новый тренер, некогда известный киевский футболист В. Шиловский, как мы видели, отказался от защитного варианта. Хороший форвард М. Коман теперь не отступает назад, а идет вперед и активно участвует в атаках. Он стал самым результативным игроком. Вместе с левым крайним В. Фоминым это очень сильное крыло нападения. Если к этому добавить, что и полузащитники Э. Юст и Ю. Воинов тоже играют впереди и оказываются действенными помощниками своих форвардов, то станет понятным успех киевлян. Для сравнения приведу две цифры: в прошлом году за 11 туров киевляне забили только 12 мячей, а в этом уже за 9 туров забито 16. Весьма вероятно, что в оставшихся двух встречах (с куйбышевскими и кишиневскими футболистами) это число возрастет.

У киевлян сейчас выгодная ситуация. Они сыграли со всеми лидерами и теперь спокойно могут наблюдать, как московские команды бьют друг друга.

Московские и тбилисские динамовцы набрали по 13 очков, но первые — за девять игр, а вторые — за десять. Москвичам остается встреча с командой ЦСК МО и ленинградским «Зенитом», а грузинским футболистам — одна игра с «Шахтером», да и то на своем поле.

«Спартак» потерпел уже три поражения. У него сейчас 12 очков. Осталась одна нелегкая игра с «Торпедо», которая должна состояться сегодня, 26 мая, в Лужниках.

Армейские футболисты, победив в двух последних матчах «Спартак» (1:0) и «Торпедо» (5:3), значительно улучшили свое турнирное положение и закрепились в лидирующей группе.

Хорошо начавшие сезон спортсмены «Локомотива» в последних двух матчах взяли лишь одно очко и тем отбросили себя на седьмое место.

В этом году, как известно, лишь одна команда уйдет в класс «Б». Борьба поэтому между аутсайдерами предстоит жестокая.

Пока замыкают турнирную таблицу минские спартаковцы, спортсмены Куйбышева и, как это ни странно, единственная ленинградская команда «Зенит».

Ленинград, который некогда славился отличными футбольными клубами, город, который воспитал таких футболистов, как братья Бутусовы, Батырев, Н. Соколов, братья Дементьевы, должен создать команду, которая могла бы успешно выступить в группе сильнейших команд страны.

Первый круг заканчивается. Большое число команд, вышедших в группу лидеров, предопределяет острую борьбу во втором круге.

А. АКИМОВ,
заслуженный мастер спорта

Сем. НАРИНЬЯНИ

Рисунок **К. РОТОВА.**

Зрительный зал встретил последние слова доклада аплодисментами, а Тамара, лукаво подмигнув подругам, бросила докладчику записку: «Скажите, можно ли полюбить с первого взгляда третьего секретаря горкома комсомола?»

Докладчик (а это и был третий секретарь) внимательно посмотрел в зрительный зал, пытаясь угадать, которая из студенток написала ему записку. И по тому, как насмешливо щурились глаза секретаря, Тамара поняла, что никакого романа у нее с этим человеком не получится. И тогда девушка решила не тратить зря времени на напрасные хлопоты и перенесла свое внимание с третьего секретаря горкома комсомола на сына профессора Куканова — робкого, стеснительного Женечку.

Женечка учился с Тамарой на одном курсе и оказался куда менее стойким человеком, чем третий секретарь. Женечка поддался настойчивым атакам сокурсницы и полюбил. По-юношески — искренне, преданно. И хотя Женечке преждевременно было думать о женитьбе, он поспешил и за три месяца до защиты дипломного проекта сделал Тамаре предложение. Тамара приняла его.

Папа Куканов пробовал уговорить жениха и невесту не спешить со свадьбой:

— Кончите сначала институт, станьте на ноги...

Но где там! Невеста капризно закусила губку, дернула плечиком, а жених... Он с таким обожанием смотрел на невесту, что Куканову пришлось смириться, потесниться и уступить одну комнату будущим молодоженам.

И вот три года назад, в январе, состоялась веселая свадьба. На свадьбе много пели, танцевали. А потом — как по Пушкину:

...честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых
И оставили одних.

Первые медовые месяцы прошли у молодоженов в любви и мире. Женечка писал не только свой дипломный проект, но и Тамарин.

— Господи, а как же иначе? — говорила Тамара.— Муж — это прежде всего товарищ.

Но вот наконец, хотя и с отсрочкой, защита дипломных проектов состоялась, и два молодых специалиста получили в руки путевки. И оба в одно место. В Исаевку.

— Куда-куда? — спросила Тамара.

— Это новый нефтеносный район на Волге,— ответил Женечка.

— Я в Исаевку не поеду.

— Не поедешь? — удивился Женечка.— А как же я?

— И ты не поедешь. Жить в палатке? С какой стати!

— Но мы же геологи!

— Неважно. Иди к отцу. Жалуйся.

— Отец сам геолог. Он тоже жил когда-то в палатке.

— Ну как ты можешь сравнивать! Твой отец был сыном простого крестьянина, а ты сын ученого. Иди и проси!

— Ты не знаешь моего отца. Он выгонит меня из дома.

— Тогда мы пойдем к дяде Бобе. Он брат моей мамы, он поможет.

Но Женечка не захотел идти к дяде Бобе и выехал в Исаевку без жены.

— Устроюсь, обживусь, а потом выпишу и ее.

В поисковой партии Евгения Куканова встретили радушно. Геологи уже знали о недавней комсомольской свадьбе и предоставили в распоряжение молодого супруга лучшую избу в деревне.

— Вы человек семейный, вам в этой избе будет удобней.

Молодой супруг смущенно поблагодарил товарищей и немедленно послал в Москву телеграмму:

«Люблю скучаю выезжай».

Но Тамара даже не ответила на телеграмму. Женечка послал вторую, третью. Только прочтя четвертую («Песка-кокса целую Женя»), Тамара взволновалась и побежала на телеграф.

— Что это за абракадабра?

— Простите, опечатка,— извинилась телеграфистка.— Читать нужно не «песка-кокса», а «беспокоюсь».

— Только-то? — сказала Тамара.— Плохо он беспокоится. Вот

заскучает покрепче — сам приедет.

И Евгений Куканов приехал. Он взял за свой счет недельный отпуск и после долгой разлуки снова обнял жену.

— А я за тобой.

— Зря.

— Дорогая, неудобно. Ты полгода ничего не делаешь.

— Не бойся, раз дядя Боба обещал помочь, он что-нибудь придумает.

И дядя Боба придумал. Пожилую, многодетную женщину он перевел из комендантов подведомственного ему общежития в уборщицы, а комендантом назначил Тамару Куканову.

— У Кукановой высшее образование,— сказал он, оправдываясь, в отделе кадров.

Молодые супруги продолжали жить порознь. Он на Волге, она в полутора тысячах километров от него. Он в дождь и ветер вместе с поисковыми партиями всегда в поле, а она в это время ругается с кастеляншами и уборщицами в кубовой или на кухне.

Геологи из Исаевки написали в редакцию письмо:

«Воздействуйте как-нибудь на Тамару. Муж ее совсем извелся от тоски».

Мы показали Тамаре Кукановой полученное письмо. А она, как прежде, только дернула плечиком.

— Я в Исаевку не поеду.

— Вас ждет там муж, интересная работа.

— Меня не устраивают в Исаевке жилищно-бытовые условия. Там нет теплой уборной.

— Вы, Тамара, еще в таком возрасте, когда не страшно побегать и в холодную.

Но Тамара не захотела продолжать разговор, и ее супруг вынужден был еще полгода жить без жены. За эти полгода геологи из Исаевки нанесли на карту Родины новую нефтеносную точку. Евгений Куканов был рад успехам своей группы, но сердце его, тем не менее, по-прежнему ныло и тосковало.

В марте прошлого года поисковую партию из Исаевки перебазировали в Приуралье. И хотя теперь геологи поселились уже не в избах, а в новых двухквартирных домиках, Тамара и на этот раз не выехала к мужу. Ее не манили к себе ни романтика поиска, ни радость открытий. Зачем она потратила пять с половиной лет на учебу в вузе, никому не известно.

— Ой, смотри,— говорили комендантше уборщицы и кастелянши,— отвыкнет муж от тебя! Разлюбит.

— Где ему разлюбить! Он у меня слабохарактерный.

Тамара надеялась: пройдет два года, Евгений отработает срок договора и примчится к ней в столицу. Правда, в столице нет ни нефтеносных, ни железорудных пластов. Не беда. Она комендант, он устроится где-нибудь поблизости управдомом, и они станут жить в тепле, довольстве и читать по вечерам вслух друг другу «Королеву Марго» и «Виконта де Бражелона».

Такое счастье, однако, не улыбалось молодому геологу. Прошло два года, а он и не думал о возвращении. Теперь уже Тамара звала его, давала телеграммы:

«Срочно выезжай! У дяди Бобы имеется вакантная должность».

Но дяди-бобина должность не соблазняла Евгения. Он продолжал мерить землю шагами геолога, отыскивая в ее недрах новые богатства.

Случилось то, чего меньше всего ожидала Тамара. Ее муж, несмотря на слабохарактерность, прозрел, понял, что он зря так долго страдал и терзался. Тамара не стоила ни его любви, ни его уважения. И Евгений Куканов, хоть ему и нелегко было это сделать, решил развестись.

— Ах, вон что! Ну, ты еще пожалеешь об этом...

И вот впервые в жизни Тамара рискнула покинуть столицу. Но поехала она не к мужу с повинной, а к его геологоразведочному начальнику с ультиматумом:

— У вас в поисковой партии имеется бесчестный человек. Немедленно накажите его! Увольте!

Начальник внимательно разобрался в заявлении и ответил Тамаре отказом. Тамара написала еще шесть жалоб в шесть различных инстанций. Из пяти инстанций Тамаре ответили пятью новыми отказами. А шестая стала почему-то на ее сторону. И инстанцией этой оказался райком комсомола. Секретарь райкома Исупов не съездил в поисковую партию, не поговорил с комсомольцами-геологами.

— А зачем зря ездить? — сказал он.— Комсомол должен бороться с разводами.

— Бороться нужно с людьми безнравственными, развратными. Разве Куканов такой?

— Куканов ушел от жены. Значит, ему не место в ВЛКСМ.

— А вы знаете его жену? Это мелкий, неинтересный человек. Обывательница.

И хотя эта обывательница была так же мало симпатична секретарю комсомольского райкома, как и всем нам, секретарь продолжал рассуждать, как самый истый ханжа. Раз женился — терпи, тяни лямку.

— Вот прочтите, что пишет к нам в райком товарищ Лукошников,— говорит Исупов и протягивает письмо.

— Какой Лукошников?

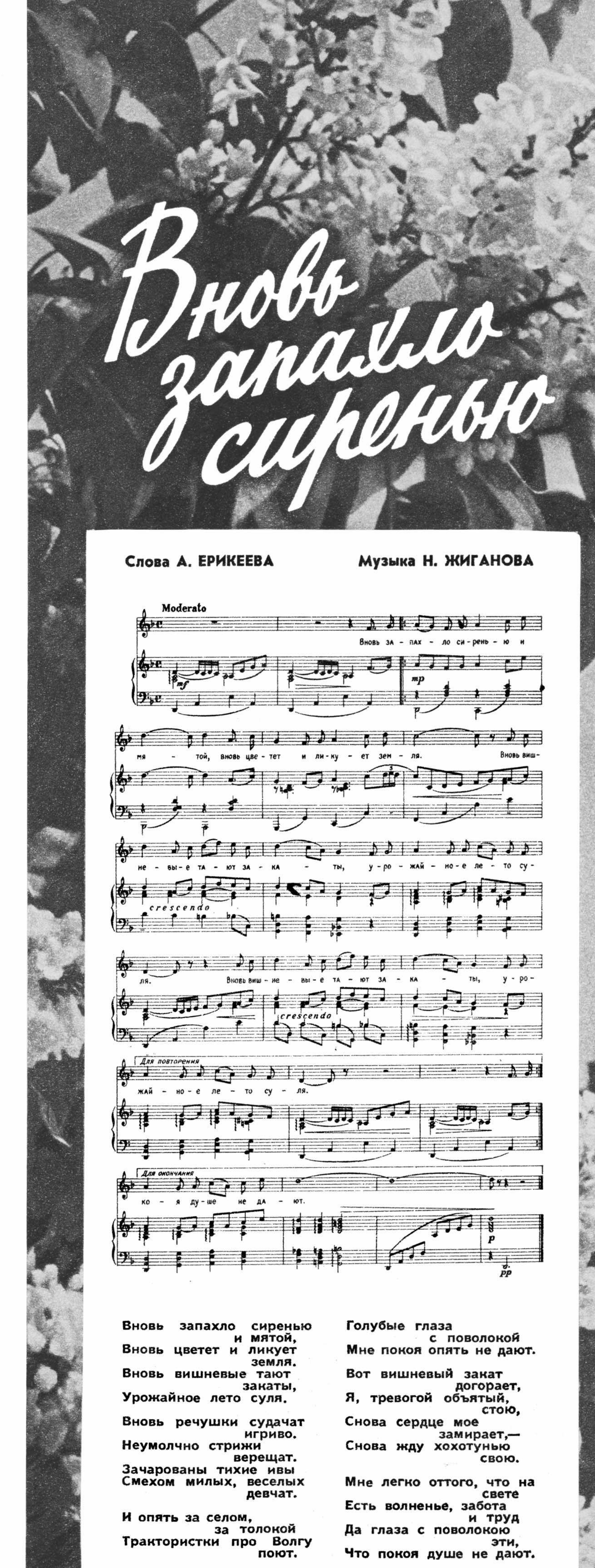
— Заведующий жилищно-коммунальным отделом текстильного треста, дядя Тамары Кукановой.

Ах, дядя Боба! Вот, оказывается, кто в глазах Исупова являлся авторитетом в вопросах морали и нравственности! Лицемерь, но живи с нелюбимой! И все это якобы ради укрепления комсомольской семьи.

Комсомольская семья может быть крепкой, когда муж и жена любят и уважают друг друга. А у Тамары за душой ничего светлого, чистого. Хоть она и говорит, что требует наказать мужа «не из мести, а ради комсомольских принципов», никаких принципов в ее многочисленных заявлениях не найти. В письме в райком она прямо так и пишет:

«Прошу не отказать в моей просьбе и наделить Евгения Куканова хоть стыдом, хоть позором, если нет другой возможности заставить его быть моим мужем».

Нет, не надо предавать позору Евгения Куканова и заставлять его жить с нелюбимой! И если уж исключать из комсомола кого-то из молодоженов, то, конечно, не его.

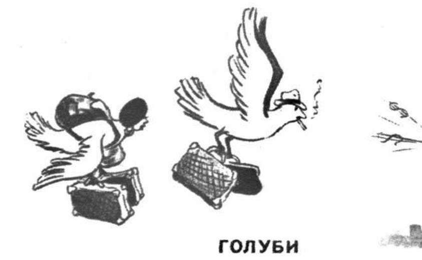

Басни с посвящением

Из газеты «Непсабадшаг».

Рисунки Е. Ведерникова.

ПАЛ ГОМБО

ГОЛУБИ

Некоторым молодым

Голубиная пара долго трудилась над постройкой гнезда. Когда вылупились птенцы, мама и папа по очереди таскали в гнездо множество вкусных жучков, мушек, червячков и все это клали в раскрытые клювы малышей. Потом они заботливо и терпеливо учили птенцов летать.

И вдруг ударил мороз. Молодым, с горячей кровью ничего не сделалось в гнездышке. А родителей мороз пощипал. И они заболели. Теперь птенцы должны были кормить их.

На рассвете молодые собрались в путь.

— Вы куда летите? — спросили родители.

— В другую страну, — прозвучал ответ. — Не можем же мы оставаться жить в таком холодном климате!

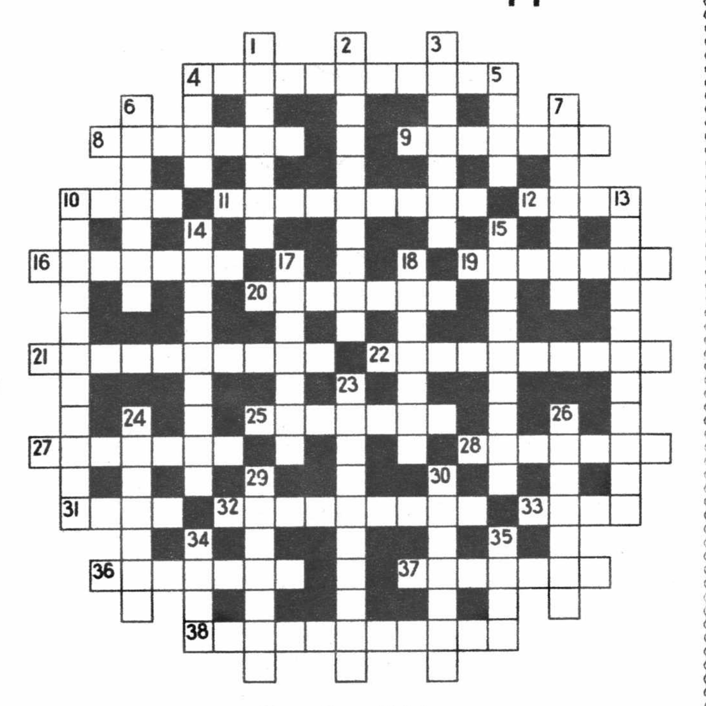
ПОЦЕЛУЙ ЗМЕИ

Притаившимся

В Черном лесу шла страшная борьба за то, кто будет главным советником короля-льва. Потерпели поражение и волк, и медведь, и хитрая лиса, и льстивый шакал. В конце концов остались только две соперницы — две змеи: гадюка и кобра. И начали они друг на друга клеветать. Но лев хотел покоя и поэтому приказал им помириться перед лесным собранием и облобызаться у всех на глазах. Что было делать? Обнялись соперницы и поцеловались, да только по-змеиному: тайком ужалив друг друга. Обе, конечно, околели.

Перевела с венгерского Е. ТУМАРКИНА.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Орудие для рыхления почвы. 8. Опера П. И. Чайковского. 9. Созвездие. 10. Роман Э. Войнич. 11. Советский композитор. 12. Декоративная полоса на стене. 16. Соединение нескольких машин. 19. Совокупность снастей судна. 20. Ледник. 21. Курорт на Северном Кавказе. 22. Лестный отзыв. 25. Американский писатель. 27. Минерал, разновидность талька. 28. Советский конструктор автоматического оружия. 31. Город в Калининской области. 32. Геометрическая кривая. 33. Кровельный материал. 36. Положение, нуждающееся в доказательстве. 37. Средний уровень воды в реке. 38. Точка высшего подъема, напряжения.

По вертикали:

1. Древнегреческий писатель. 2. Силомер. 3. Степная птица. 4. Механизм для подъема и перемещения грузов. 5. Воинское подразделение. 6. Польский танец. 7. Басня И. А. Крылова. 10. Устроитель. 13. Часть дроби. 14. Способность, талант. 15. Морская мера длины. 17. Профессия рабочего. 18. Необычайное, выдающееся явление. 23. Новый химический элемент. 24. Квашеное топленое молоко. 26. Прибрежное судоходство. 29. Род растений семейства первоцветных. 30. Морской моллюск. 34. Сушеные плоды абрикоса. 35. Инвентарь тяжелоатлета.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

3. Татария. 7. Уток. 8. Узел. 10. Аксиома. 12. Шанхай. 14. Робсон. 16. «Льгов». 18. Ложбина. 19. Изразец. 20. Февраль. 21. Рассада. 22. Ягель. 25. Кончак. 28. Казань. 30. Уланова. 31. Хлор. 32. Нура. 33. Кокарда.

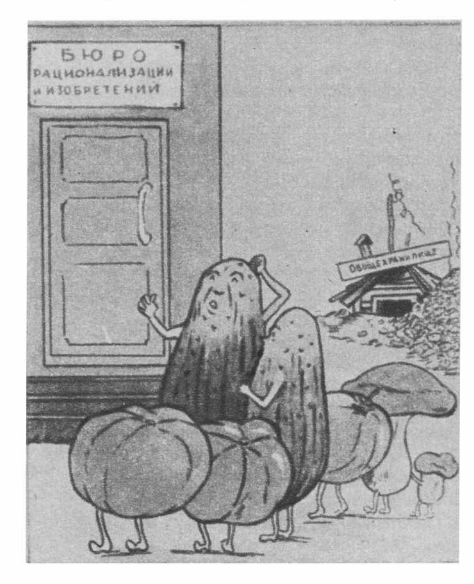
По вертикали:

1. Отрасль. 2. Ориноко. 3. Тукай. 4. Ягуар. 5. Стих. 6. Серб. 9. Газобетон. 11. Комендант. 13. Алидада. 15. Окраска. 16. Ладья. 17. Вихрь. 23. Графика. 24. Леопард. 26. Чили. 27. Курск. 28. Канва. 29. Заря.

На вкладках номера репродукции картин: И. Н. Крамского «Неутешное горе», портрет Н. А. Некрасова; Ф. В. Сычкова «Катание с горы», «У изгороди», «Учительница-мордовка» и четыре страницы цветных фотографий.

«Чаян» смеется

Из татарского сатирического журнала

— Эх, нам бы сюда! Сразу бы замариновали.

Рисунок П. Новичкова.

— Придется тебе, бабушка Гайникамал, в колхоз съездить, помочь в уборке. А вместо тебя Тимерзянов останется.

Рисунок Х. Ахметзянова.

— А чья это продукция?
— Местной артели «Красота и грация».

Рисунок Д. Булата.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ 1957 года
на журналы издательства «Правда»

«КОММУНИСТ»
«ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ»
«АГИТАТОР»
«В ПОМОЩЬ ПОЛИТИЧЕСКОМУ САМООБРАЗОВАНИЮ»
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ КПСС»
«ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»
«ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ»
«ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ»
«СОВЕТСКАЯ ПЕЧАТЬ»
«МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»
«ЗНАМЯ»
«ОКТЯБРЬ»
«НАУКА И ЖИЗНЬ»

Подписка принимается в городских и районных отделах «Союзпечати», конторах, отделениях и агентствах связи, а также общественными уполномоченными на пунктах подписки предприятий, на стройках, в колхозах, совхозах, МТС, учебных заведениях и учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. **Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, И. А. УРАЗОВ.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. **Рукописи не возвращаются.** Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05212. Подписано к печати 22/V 1957 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1 200 000. Изд. № 592. Заказ № 1257.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Не так-то легко нарисовать фламинго! (В Зоологическом музее Московского университета.)

Фото Ю. Кривоносова.

Цена номера 3 руб.